ПОД ЛУЖАЙКОЙ — ЧЕРЕПА И КОСТИ

ФИЛИП К. ДИК

ЧЕЛОВЕК С ОДИНАКОВЫМИ ЗУБАМИ

PHILIP K. DICK

Человек с одинаковыми зубами [litres]

Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Киндред Дик. Человек с одинаковыми зубами
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Аннотация

Впервые на русском языке!

Исключительный роман Дика, который не вписывается в жанр научной фантастики.

В маленьком калифорнийском городке, где недавно поселился агент по недвижимости Лео Рансибл, нет ничего интересного: лишь сплетни соседей, семейные дрязги, расизм и дышащий на ладан водопровод. Правда, иногда школьный учитель, занимаясь любительскими раскопками, находит обсидиановые наконечники стрел индейцев.

Идет время, бытовой конфликт плавно перетекает в затаенную вражду, и когда на одном из участков, предназначенном под застройку, находят древние останки индейского поселения, сосед решается на злой розыгрыш над ненавистным чужаком. Но шутка вскрывает проблему, которая грозит всем жителям округа. Местные закрывают глаза, и лишь чужак Лео готов бороться.

В романе описывается город, в котором жил сам Филип К. Дик в период своего творческого расцвета, а прототипами героев стали его

друзья и соседи.

«В 1981 году Филип К. Дик перечитал одиннадцать своих неопубликованных романов и выбрал этот в качестве своего любимого. История рассказывает о необычном риелторе, принципы которого кажутся твердыми и ясными, хотя и несколько эксцентричными. Трагикомедия с участниками, слепо попирающими чувства друг друга». – Locus

«Писал ли Филип К. Дик блестящую научную фантастику или уникальные современные романы, он всегда был крупным американским литературным талантом, заслуживающим еще более широкой аудитории, чем та, которой он достиг при жизни. Этот роман, по мнению самого Дика, может быть лучшим из всех его неопубликованных произведений». – Майкл Бишоп

Филип Киндред Дик
Человек с одинаковыми зубами

Винсенту Ф. Эвансу

Philip K. Dick
THE MAN WHOSE TEETH WERE ALL EXACTLY ALIKE
Copyright © 1984 by Philip K. Dick
Copyright renewed © 1992 by Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Hackett
All rights reserved
© И. Нечаева, перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

Сантехник из водопроводной компании округа Вест-Марин копался в камнях и листьях, разыскивая дыру в трубе. На трубу наехал грузовик и сломал ее своим весом. Грузовик прислали, чтобы обрезать деревья вдоль дороги, — последнюю неделю рабочие подрезали ветки кипарисов. Они и вызвали сантехника, позвонив с пожарной станции в Каркинез, где находилась водопроводная контора.

Хотя из-за аварии пришлось проехать добрых двадцать миль, сантехник не злился на грузовик. Трубы тут были старыми и гнилыми. Не реже раза в неделю что-нибудь происходило: то на трубу наступала корова, то ее проламывал корень.

Сантехник многократно говорил клиентам, что трубы давно пора менять. Он не скрывал своих чувств. Он также говорил, что летом, когда давление воды падает, водопроводная компания должна включать насос подкачки. И владельцу компании он это говорил. Но компания не приносила прибыли, ее владелец каждый год терял деньги и мечтал ее продать. Вкладываться он

был не готов.

Сантехник поднялся на холм. Он обнаружил протечку: темное пятно растеклось по земле между двумя кипарисами. Но он не торопился.

Сквозь деревья доносились детские голоса. Вскоре он увидел мужчину, который сопровождал группу детей и что-то им объяснял. Сантехник узнал мистера Уортона, учителя. Экскурсия для четвертого класса. На обочине, рядом с грузовиком водопроводной компании, был припаркован универсал. Мистер Уортон с детьми прошли той же дорогой, что и сантехник, и вскоре они столкнулись.

— Опять авария, — сказал сантехник.

— Не удивлен, — откликнулся мистер Уортон.

— Вы идете к известняковым карьерам?

Карьеры располагались в четверти мили от дороги. Сантехник знал, что мистер Уортон каждый год водит четвертый класс посмотреть на них.

— Да, пора на них посмотреть, — улыбнулся мистер Уортон. Его круглое молодое лицо раскраснелось от ходьбы, а лоб блестел от пота.

— Не позволяйте детям прыгать по трубам.

Оба посмеялись над мыслью о том, что гнилая старая чугунная труба сломается под весом школьников. Хотя, возможно, это было не так уж

и смешно. Оба снова сделались серьезными. Дети бродили среди деревьев, болтали и кидались шишками.

— Что вы думаете о словах Боба Морса? Дескать, вода тут загрязнена, — спросил мистер Уортон.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть.

Видя, что сантехник не рассердился, мистер Уортон продолжил:

— Иногда она такая грязная, что не видно дна унитаза. И пятна остаются.

— В основном это ржавчина, — пояснил сантехник, — уверен, что беспокоиться не о чем. — Он поскреб грязь носком ботинка, и оба посмотрели на землю. — Что меня беспокоит, так это то, что из септиков грязь просачивается в водопровод. Тут нет ни одного чистого колодца, и не верьте никому, кто скажет вам обратное.

Мистер Уортон кивнул.

— Никогда не копайте колодцы в этом районе, — продолжил сантехник, — я знаю много людей, кому не нравилось, что вода в водопроводе мутная и ржавая, так они пробурили скважины и получили прекрасную чистую на вид воду. Но на самом деле она в десять раз грязнее! Внешность не имеет никакого значения, а единственное загрязнение, которое есть в водопроводе, — это то,

что туда просачивается. Но это долгий процесс, даже с учетом гнилых труб.

Он разволновался и повысил голос.

— Понимаю, — согласился мистер Уортон.

Они немного прошлись. Дети шли за ними.

— Приятный денек, совсем без ветра, — сказал мистер Уортон.

— Здесь прохладнее, потому что к побережью ближе. Я приехал из Сан-Рафаэля. Там очень жарко.

— Не выношу сухую жару, как в долине, — поддержал мистер Уортон.

Оба они привыкли раз за разом повторять эти слова всем, кого встречали в течение дня. Иногда они обсуждали, какие лекарства прописывал доктор Теранс и какие предлагал фармацевт в Каркинезе тем, кто не мог позволить себе услуги доктора Теранса.

Врач был совсем молодым и очень занятым человеком, водил новый «крайслер» и никогда не бывал в этом районе по выходным. Если в выходные случалась автокатастрофа, пострадавшим приходилось туго. Их везли через гору Тамалпаис, аж до Милл-Вэлли.

— Ну, — сказал мистер Уортон, — нам пора на кладбище.

— Простите?

— Наша следующая остановка — кладбище. Вы разве не знали? Тут есть маленькое старое кладбище. Я всегда вожу туда класс. Там есть надгробия, которым уже сравнялось сто пятьдесят лет.

Уортон полагал, что жить в этой местности стоит хотя бы ради ее истории. У каждого фермера здесь была своя коллекция наконечников стрел, шил и ручных топоров индейской работы. Сам учитель тоже мог похвастаться собранием обсидиановых наконечников стрел и копий, блестящих, черных и очень твердых. Его коллекция, снабженная этикетками, хранилась под стеклом в вестибюле средней школы и демонстрировалась приезжающим родителям.

В городе Уортон считался авторитетом в области индейских вещиц. Он выписывал «Сайнтифик Американ», держал дома змей — прямо в кабинете, рядом с коллекциями камней и окаменелостей, раковинами моллюсков, копролитами и акульими яйцами.

Среди всех его сокровищ самым ценным считался окаменевший трилобит. Но самыми эффектными — что в классе, что дома — неизменно оказывались радиоактивные камни. В

ультрафиолетовом свете (для этого у него была специальная лампа) камни светились разными цветами. Если кто-нибудь находил странный камень, растение, птичье яйцо или что-то, что казалось достаточно старым или принадлежащим индейцам, это немедленно несли ему. Почти всегда он мог сказать, была ли находка хоть сколько-нибудь ценной.

Маленькое кладбище, почти заброшенное и известное только нескольким взрослым, было очень старым. Там покоились первые поселенцы в этих краях. На могилах виднелись старые швейцарские и итальянские имена. Некоторые надгробия попадали, суслики перекопали землю и убили все растения, кроме кустов шиповника, которые росли на возвышенности.

На самых старых могилах стояли деревянные кресты, бережно вырезанные вручную. Некоторые из крестов лежали в густой траве и зарослях овса.

Порой кто-то — очевидно, чужаки — приходил и оставлял цветы на могилах. Каждый раз, приходя сюда с классом, он видел баночки от майонеза и стаканы, из которых торчали засохшие стебли.

Пока Уортон с классом шли к кладбищу, к учителю подошла девочка и начала задавать разные

вопросы. Обсудив несколько тем, она наконец, запинаясь, спросила, верит ли он в призраков. Каждый год во время этой экскурсии начинал бояться минимум один из детей, Уортон давно к этому привык и придумал ответы.

Он напомнил классу, что в воскресной школе — а все дети в этом районе ходили в воскресную школу — им говорили о рае. Если души умерших возносились на небеса, как могут призраки бродить по земле? Он сказал, что души исходят от Бога — по крайней мере, так говорили детям — и возвращаются к нему же. И очень глупо бояться душ тех, кто уже умер, — как и тех, кто еще не родился, душ будущих поколений.

Остановившись, он дополнил свой рассказ несколькими более профессиональными утверждениями.

— Посмотрите, — сказал он им, указывая на деревья и кусты вокруг и на саму землю. — Не думайте о мертвых людях, вспомните о жизни вообще, о миллионах лет, на протяжении которых тут жили самые разные животные, которые приходили и уходили. Куда они делись? Обратно в землю. Такова здесь была земля, плотный плодородный слой, из которого рождалась новая жизнь, проживала свой срок, а затем снова

уходила. — Все это казалось естественным и закономерным. Мертвые тоже уходили в землю. От бактерий до растений, от мелких грызунов до человека: все они лежали прямо под ногами. Прошлое. И как это было прекрасно; какая чудесная, продуманная система. Он продемонстрировал детям кучу компоста, гниющие листья, сваленные под земляничным деревом, и белую плесень. Запустив пальцы в листья, уже наполовину ставшие землей, он показал, какое это плодородное, влажное вещество, заставил детей его понюхать и потрогать. — И человек не был исключением. В этом процессе участвовали и наши собственные предки. — Эта идея, как и в прошлые годы, заметно успокоила детей.

Опасения исчезли, нервная болтовня и хихиканье прекратились. Вот почему он привел их сюда: познакомить их с этой идеей, объяснить, что в цикл развития включены и они сами. Не бойтесь природы, сказал он им. И помните — все, что происходит, естественно. Нет ничего вне природы. По-своему, не отрицая ничего, чему детей учили катехизис и священники, он избавил их от части суеверий.

Работа учителем начальной школы в небольшом городке научила его тактичности. Ему

приходилось иметь дело с родителями, которые трудились на фермах и придерживались фундаменталистских идей в религии, в политике и всех общественных вопросах. В классе сидели крупные неуклюжие двенадцатилетние мальчики с ранчо, почти идиоты, которые с трудом учились даже читать. Им предстояло вернуться на родное ранчо и доить коров, их жизнь была распланирована раз и навсегда. А рядом с ними сидели умненькие детки, переехавшие с родителями из городов побольше. И амбициозные дети мелких лавочников, дантистов и других специалистов. Было даже несколько детей из очень богатых семей, которым принадлежали дома с видом на пляж.

Впереди показались гранитные верхушки самых больших и изящных надгробий. Но мистера Уортона и учеников четвертого класса не интересовали высокие склепы и статуи в центре кладбища, они пришли полюбоваться самыми старыми могилами. Они располагались по краям, какие-то даже за пределами деревянного забора. Неужели эти крошечные древние надгробия упали и укатились с кладбища до самого ранчо Макрея? Или, когда десяток лет назад ставили забор, рабочие просто не заметили эти жалкие

могилы?

Мистер Уортон открыл ворота под взглядом нескольких коров. Коров на кладбище не пускали. Мальчики побежали к первой могиле, выискивая дату:

— Тысяча восемьсот восемьдесят четвертый! Глядите, мистер Уортон!

Лео Рансибл, местный агент по недвижимости, на своей машине вез пожилую пару по плоским холмам. Оба старика жаловались на ветер и сырость; они-то думали, что здесь будет такой же здоровый климат, как в глубине страны.

— Слишком много папоротников, — сказал старик, когда они подошли осмотреть дом. Чтобы отпустить это замечание, он вынырнул из своего маразма. — Там, где растут папоротники, всегда сыро.

— Никаких проблем, — отозвался Рансибл, — я могу найти несколько домов в отличном состоянии в сухой открытой местности, и они будут вам по карману.

И теперь они собирались посмотреть эти дома.

Но конечно, это были фермерские дома, совсем не модные, не как те, к востоку от хребта Болинас, которые он им только что показывал. И они были не в лучшем состоянии. Рансибл прекрасно это

знал, и он знал, что пожилой паре фермерские дома покажутся запущенными грязными лачугами. Их строили дорожные рабочие и люди с мельниц. Самый низший класс. Дома на сваях. Ему не нравилось их показывать, и он старался не брать их в работу. Ну ради бога, подумал он. Ты что, собираешься на закате торчать во дворе, где сыро и ветрено? Или все-таки будешь сидеть в теплой гостиной? Он формулировал эту мысль, прекрасно зная, что старики не купят ни одну из фермерских лачуг. Если он им что-нибудь и продаст, то это будет оштукатуренный или покрытым гонтом домик на склоне холма, а не лачуга из белой вагонки.

— Там, куда мы едем, большие участки? — поинтересовался старик.

— Нет, — ответил Рансибл, — но я полагаю, что у вас достаточно мудрости, чтобы не покупать большой участок.

Оба старика покорно закивали, настолько он был резок.

— Достигнув зрелости, человек должен наслаждаться жизнью, а не становиться рабом десяти акров сорняков, которые каждый год придется косить, чтобы не случился пожар. И знаете что? В округе есть список из более чем сорока растений,

которые запрещено выращивать на своей земле. Вам придется выучить, как выглядит каждое из них, и лучше бы вас не поймали, а то выпишут штраф.

— А какое округу дело? — спросила старуха.

— Для скота опасно, — пояснил Рансибл, — список вывешен на почте. Опасные растения. Их становится все больше.

Дома, которые он собирался им показать, стояли вдоль дороги. Из окон каждого из них можно было разглядеть все остальные. В некоторых дворах лежали ржавые кузова автомобилей, которые каждый раз его страшно раздражали. Но ведь теперь приняли закон… Возможно, ему следовало написать в дорожный патруль или кому-нибудь в Сан-Рафаэле и перечислить имена нарушителей. В конце концов, из-за этого падают цены на недвижимость.

Но какое этому быдлу дело до соседей?

— Кем вы работаете, мистер Дитерс? — спросил он старика.

— Я сейчас на пенсии, а до того занимался банковским делом. Много лет работал в «Американ траст компани», а до этого в «Крокер».

Пожилая пара указала, что дом должен стоить не дороже девяти тысяч. Но Рансибл рассудил,

что сумму можно будет поднять до десяти или даже десяти с половиной. Чувствовал он себя прекрасно, потому что у него было несколько домов в этом ценовом диапазоне. И погода стояла хорошая.

Летом легче показывать дома, когда тепло и нет грязи. Справа тянулись бурые поля. Мелькнул мост над болотом.

— А что тут насчет коммуникаций? — спросила миссис Дитерс. — Газа нет?

— Нет, тут пользуются бутаном, — пояснил Рансибл, — электричество от «Пасифик газ энд электрик», вода от водопроводной компании Вест-Марин из Каркинеза.

— Мусор? — спросил старик.

— Каждую неделю вывозят. И обслуживание септика.

— И верно, — сказала старуха. — Здесь нет канализации.

— Это деревня. Но не забывайте, что не придется платить городские налоги. В Каркинезе есть хорошая пожарная часть. Младший шериф, врач, дантист, продуктовые магазины, аптеки, почта — все, что вам нужно. Вы хотите ходить в город пешком или ездить?

Они приехали в агентство недвижимости на

старом черном «паккарде», очень ухоженном.

— Мы могли бы ездить в Сан-Рафаэль за покупками раз в неделю, — сказал мистер Дитерс, — я думаю, так будет дешевле, чем делать покупки на месте.

— А почему вы так думаете? — спросил Рансибл.

Этого он очень не любил. Когда отказывались платить местным. Это же, в конце концов, соседи. Ну или будущие соседи. И еще деньги на бензин. Плюс время на поездку через Тамалпаис. Дел на весь день.

— Тут есть все необходимое по вполне разумным ценам. И вот что еще вам скажу. Если вы никогда раньше не жили в небольшой деревне вроде этой, вы приятно удивитесь. Торговцам приходится держать невысокие цены. Это необходимость. Они знают, что увидят вас снова; может быть, ваши дети вместе ходят в детский сад. И даже если у вас нет детей, вы знаете всех в округе, и, если с вами плохо обошлись в местном магазине, это все узнают. Не забывайте об этом. Здесь нет безличного сервиса, здесь все как в старые добрые времена. Когда все было по-человечески.

Говоря это, он съехал с окружной дороги на грунтовую. Впереди, за зарослями бамбука, вид-

нелась лачуга Петерсонов; грязные дети играли рядом с мусорным баком.

— Конечно, — сказал он негромко, — здесь живут представители отнюдь не высшего общества. Большинство мужчин здесь — поденные рабочие. Но они хорошие, честные люди.

Остановив машину, он открыл дверь. Миссис Петерсон вышла на крыльцо одноэтажного четырехкомнатного дома, помахала ему, и он помахал ей в ответ. Залаяла собака.

Не выходя из машины, мистер Дитерс сказал:

— По-моему, это место нам не подходит.

— Нет, — согласилась его жена. Очевидно, они не хотели смотреть здесь дома.

— Здесь очень разумные цены. — Рансибл откровенно наслаждался ситуацией.

«Ты сам это придумал, — сказал он про себя. — Когда я покажу вам Бедняцкую лощину, вы с удовольствием купите дом на холме».

— Здесь так пусто, — сказала миссис Дитерс.

— Поначалу тут будет одиноко, — сочувственно сказал он. — Но вы привыкнете. Люди дружелюбны. Они всегда протянут вам руку помощи. Никто не запирает двери.

Он завел машину и поехал дальше. Старики благодарно кивнули. Сам Рансибл был чужаком

в этих краях. До Второй мировой войны он жил в Лос-Анджелесе, в 1940 году пошел служить на флот, а к 1944 году командовал охотником за подводными лодками у берегов Австралии. Величайший момент в его жизни случился в тот год. Как он сам рассказывал, он стал «единственным евреем в мире, который потопил японскую подводную лодку в Йом-Кипур». После войны он занялся недвижимостью в Сан-Франциско вместе с партнером, в 1955 году купил летний домик в Каркинезе, чтобы быть поближе к воде, и сразу же организовал яхт-клуб — точнее, возродил старый. В 1957 году, три года назад, он перенес свою контору в Каркинез. Его единственным конкурентом был медлительный и дряблый местный житель по имени Томас, который тридцать пять лет торговал в Каркинезе недвижимостью и страховками и скоро должен был (по словам Рансибла) умереть. Томас все еще продавал дома пожилых жителей другим пожилым жителям, но все, молодые и старые, прибывавшие в эти края, обращались к Рансиблу.

Его объявления в газетах Сан-Рафаэля привлекли много народа — без них люди никогда бы и не услышали о Каркинезе, который стоял немного севернее Болинаса на берегу океана, отрезанный

от остальной части округа Марин горой Тамалпаис. Когда-то никому и в голову бы не пришло жить на западной стороне горы, работая в Сан-Франциско или на равнинной части округа, но дороги становились все лучше. И автомобили тоже. И все больше и больше людей переезжали в округ Марин каждый месяц.

Крупные города были переполнены, а цены на недвижимость росли.

— Какие красивые деревья, — сказала миссис Дитерс. Они снова въехали в лес, после солнца так приятно в тени.

По дороге шла группа детей в сопровождении взрослого, которого Рансибл узнал. В этом классе учился его собственный сын, девятилетний Джером. Мистер Уортон махнул своей группе рукой, веля им отойти от машины. Дети остановились на травянистой обочине, кто-то помахал, узнав «студебеккер». Джером просиял и замахал руками.

— У них поход, — пояснил Рансибл Дитерсам, — это четвертый класс нашей школы.

При виде машущих рук, улыбки сына и кивка мистера Уортона он ощутил прилив гордости. Когда вы проживете здесь некоторое время, подумал Рансибл, вам тоже станут махать. Разве не

приятно это было бы двум хрупким одиноким пожилым горожанам на склоне лет, тоскующим по месту, где они могли бы стать своими и жить в безопасности и комфорте?

«Какую услугу я вам оказываю, — подумал он, — показав вам четвертый класс школы Каркинеза». Дитерсы смотрели на него, и в их глазах были тоска и зависть.

Он точно знал, что продаст им дом. Возможно, прямо сейчас. Дело было в шляпе.

2

Уолтер Домброзио поставил две банки эмали на землю у дверей мастерской. Спросил у рабочих:

— Слушаете игру? Уилли только что упал.

Мальчик, прибиравший стружки, отозвался:

— Зато «Джайантс» получили очко.

— Этот новенький на второй базе хорош, — заметил один из рабочих и запустил токарный станок; его вой положил конец разговору.

Домброзио с уборщиком замолчали, но, когда шум прекратился, снова заговорили.

— Знаешь, парень, — сказал Домброзио, — если бы я упал на глазах у сорока тысяч зрителей, я бы повесился.

На самом деле он ничего не понимал в бейсболе, но чувствовал себя обязанным упомянуть об игре, раз уж спустился в мастерскую, показать, что тоже следит за игрой. Что он, конечно, работает наверху и носит костюм с галстуком, но ничем не отличается от них.

— Он слишком старается, — сказал Домброзио, — а значит, возможно, слишком сильно старается.

Рабочий кивнул и снова запустил станок.

Им не было до него дела. Домброзио, чувствуя, что краснеет, взял свои банки и двинулся к лестнице. Расстроенный, он вернулся наверх.

Здесь, на втором этаже, где потолок терялся в стропилах, правили бал флуоресцентные лампы на длинных ножках. Солнце сюда не заглядывало, в отличие от мастерской. В углах было темновато и прохладно… целлотекс портил акустику и придавал помещению очень современный вид. Компания, которая придумывала новые упаковки для риса и пива, обязана была выглядеть достойно. Даже если речь шла о складе на набережной Сан-Франциско. Голые деревянные балки. Стойка администратора. Выставка образцов. Все вписывалось в интерьер.

Он сам устанавливал целлотекс и красил его. Как ни странно, целлотекс настолько сильно рассеивал стук электрической пишущей машинки администратора, что было совершенно непонятно, насколько велико помещение. Звук как будто бы сходил на нет. Но на самом деле «Лауш Компани» была невелика. Двери, которые выглядели так, как будто за ними скрывались лаборатории, на самом деле вели в складские помещения. Он понес эмаль в секретную зону, где проекти-

ровались новые упаковки. Но даже эта, самая главная здесь зона, была не больше дамского кафе. Комнату заполняли столы — тут работали три конструктора со своими кульманами.

За первым столом сидел конструктор, будто бы позабывший о своих обязанностях: на столе стояли банки светлого пива. Они выглядели полными, и блестящие металлические крышечки были невредимы.

— Привет, Уолт, — улыбнулся Боб Фокс, поднял банку и протянул Домброзио, — составишь компанию?

Банки, разумеется, были бетонными. Домброзио взял одну. Она оказалась тяжелой и шершавой, неубедительной на ощупь. Сходство было только визуальным, но этого хватало. На фотографии или на витрине демонстрационного «магазина» она сошла бы за настоящую, и агенты «Лаки лагер», глядя на нее, приняли бы или отклонили эту модель.

Домброзио сделал вид, что пьет. У них с Фоксом существовал ритуал — они употребляли несуществующее содержимое упаковок. Иногда это было пиво; в другие дни они ели невидимые хлопья, мороженое, замороженные овощи, курили фальшивые сигареты — однажды он даже подарил

секретарше пару нейлоновых чулок, которые она не видела. Страна вымысла…

— Не слишком теплое? — спросил Фокс. — В холодильнике есть пара банок.

— Нет, отлично.

Взяв пивную банку, он прошел к своему столу.

— Моя работа, — похвалился Фокс, вставая, чтобы забрать банку.

Домброзио вернул ее, сел за стол и продолжил работу с того места, на котором остановился.

— А над чем ты работаешь? — спросил Фокс, взяв со стола гипсовую форму и со знанием дела ее разглядывая. — Не помню этого проекта. Это ведь не бампер для той маленькой французской машинки?

— Нет, — Домброзио забрал форму обратно, — я этим занимаюсь в свободное время. Это… шутка.

— А, — понимающе кивнул Фокс, — опять твои шутки.

Второй конструктор, Пит Куинн, на мгновение поднял голову от работы, и Фокс сказал ему:

— Помнишь его шутку о Генри Форде? — И принялся пересказывать байку Домброзио о студенческой выходке.

В те дни, еще в сороковых, Уолт Домброзио водил компанию с несколькими людьми чуть

старше себя, которые устроились на работу в «Форд Мотор» в Дирборне. В то время у него была домашняя мастерская в гараже, и он смастерил себе костюм. Резиновую маску с зеленоватым лицом трупа, выступающими зубами, впалыми щеками, спадавшими на лоб волосами, похожими на мох. Выцветший сюртук, трость, гетры, черные оксфорды. Двигаясь на ощупь, он вломился в дома нескольких конструкторов «Форда». В первое ужасающее мгновение все поверили, будто сам Старик восстал из могилы.

Тогда это было хобби. Теперь стало бизнесом.

— Посмотрел бы я на лица этих парней, — закончил Фокс, — когда Уолт стучал в дверь и входил, пуская слюни, что-то бормоча и шаря вокруг себя.

Он рассмеялся, и Куинн за ним.

— А что ты еще вытворял? — спросил Куинн. Он был самым молодым из конструкторов и устроился сюда месяц назад или около того.

— Черт, — сказал Домброзио, — столько всего, что уже и не вспомню. Эта шуточка с Фордом — ерунда. Я лучше расскажу по-настоящему интересную.

Та шутка вышла жестокой, и он это знал. В пересказе он изменил ее, сделав намного ори-

гинальнее и намного смешнее. А еще она стала веселой. Двое слушателей изобразили одобрительные улыбки, и он решил еще немного приукрасить рассказ. Он обнаружил, что жестикулирует, пытаясь сделать шутку трехмерной.

Когда он закончил, а Фокс и Куинн ушли, он остался за столом в одиночестве, чувствуя себя разочарованным.

Прежде всего, ему было стыдно за то, что он приукрасил историю. Во время монолога он мог поддаться волнению, но потом, оставшись наедине с собой, он уже не чувствовал никаких эмоций, которые могли бы его защитить. С одной стороны — с практической точки зрения — он рисковал прослыть хвастуном и враном. Возможно, другие сотрудники «Лауш Компани» уже знали его таковым. Они ушли, смеясь над его историей, но потом подмигнули друг другу и сказали то, что он слышал от других: что ему нельзя доверять. А ему было важно, чтобы ему доверяли. И верили его словам.

Человек, который не говорит правды, возможно, не может и распознать правду, подумал он. Так коллеги могли думать о нем и его рассказах. А в его работе способность отличать факты от вымысла имела серьезное экономическое значение

— ну, если брать шире.

Сидя за своим столом, он пытался — как он это часто делал — поставить себя на их место; пытался представить, как выглядит для них.

Высокий, с выпуклым лбом, с начинавшими редеть волосами. Очки слишком темные и тяжелые, придающие ему «заумный» вид, как выразилась его жена. Академические манеры, напряженное и обеспокоенное выражение лица.

Отодвинув стул от стола, он оглянулся, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает. Никто не наблюдал. Поэтому он осторожно опустил руку и полез в штаны. За последние месяцы он делал это множество раз. В какой-то момент он почувствовал резкую боль. Пока он тащил банки с эмалью, боль вернулась, и ему нужно было посмотреть. Он не мог сопротивляться этому желанию.

В паху не было никакой грыжи. Никакой рыхлой, похожей на тесто опухоли. Он погладил знакомую область, ненавидя свою собственную плоть. Это совершенно ему не нравилось, но все же было необходимо. Предположим, однажды, после приступа боли, он снова обнаружит опухоль, как много лет назад? Что тогда? Все-таки операция?

Грыжа, вероятно, исчезла. Но не полностью. И даже если она зажила, она может вернуться. От перенапряжения. Если он поднимет слишком тяжелую коробку или потянется, чтобы вкрутить лампочку… и снова случится жуткий разрыв, за которым последуют годы ношения корсета или давно отложенная операция. И риск, ужасный риск операции, которая могла сделать его бесплодным. У него пока еще не было детей. И он мог навсегда стать стерильным.

Пока он сидел в нерешительности, потирая пах, какое-то движение привлекло его внимание. Кто-то подходил к его столу. Он выдернул руку из штанов, но посетитель уже стоял перед столом в то мгновение, когда рука оказалась снаружи. Зная, что его видели, он ощутил детский стыд и ужасное чувство вины. И этот человек — женщина — тоже. Он вспыхнул и отвел взгляд, едва успев заметить элегантное пальто, сумочку, короткую стрижку — и тут он понял, что это была его жена. Шерри пришла в контору; вот она. Он поднял взгляд и увидел, что она смотрит на него. Стыд стал сильнее. Он знал, что это отразилось на его лице.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Ничего.

— Так вот чем мужчины занимаются на работе?

Опустив голову, он сидел, сжимая и разжимая руки.

— Вообще, я зашла обналичить чек, — весело сказала Шерри, — собираюсь подстричься и пообедать.

— Как ты добралась до города?

Конечно, он уехал на работу на машине. И сейчас она стояла в мастерской, с ней что-то делали. Она даже не была на ходу.

— Долли Фергессон подвезла.

Сев, она открыла сумочку, достала ручку и чековую книжку и начала выписывать чек.

— Ты приехала просто подстричься?

— Да. — Она протянула ему чек и убрала ручку в сумочку.

— Не мне. Отнеси к бухгалтерам. Я занят.

— Ты не работал, когда я вошла. Слушай, я очень тороплюсь.

Она смотрела на него спокойно и ровно. Наконец он протянул руку и взял чек.

— Спасибо.

Несколько минут спустя он стоял в кабинете, ожидая, когда бухгалтер принесет деньги. Отсюда он прекрасно видел Шерри, которая болтала с

конструкторами.

Все ее, конечно, знали и улыбались ей. Прямо сейчас она разглядывала, над чем они работают.

Если бы они знали, какая она на самом деле, подумал он, они бы держали свою работу при себе. Она украдет ваши идеи. Случится как раз то, чего вы все так боитесь. В компании шпион. Она будет торговать вашими секретами на улице.

Какими радостными были его жена и конструкторы. Как легко они сошлись. Шерри сидела на краю стола и выглядела очень стильной в своих босоножках и серьгах ручной работы. И очень профессиональной в коричневом шерстяном костюме.

Как можно быстрее он вернулся к жене и Куинну. Они оба рассматривали рисунок Куинна, и никто не обратил на него внимания. Кажется, Шерри на что-то ему указала, и Куинн нахмурился. Она скажет тебе, что не так, подумал он.

Вслух он сказал:

— Она знает, как надо. — Он говорил шутливым тоном, и оба улыбнулись. Но Куинн продолжал смотреть на рисунок.

— Шерри год изучала искусство в колледже, — сказал Домброзио.

— Три года, — спокойно поправила Шерри.

— Ох, извини, — энергично сказал он.

— И ты забываешь о моей работе.

— Твоей — что?

— Мои подвесные скульптуры.

— Коряги, — пояснил он для Куинна.

— И мои кожаные изделия. И ювелирные украшения. И все это я умудряюсь продолжать, несмотря ни на что.

— Несмотря на то что ты целыми днями сидишь дома и ничего не делаешь? В твоем распоряжении вечность.

— Погодите, пока дети не пойдут, — пробормотал Куинн, — тогда и поговорим.

Пытаясь привлечь Куинна на свою сторону, он подмигнул и сказал:

— Вот бы посмотреть, как она работает на токарном станке. Знаешь, что она сделает? А я тебе скажу. Просверлит себе руку.

Он взял жену за правую руку, но она резко отдернула нежные пальцы с зелеными ногтями.

— Зеленые, — сказал он и добавил для Куинна: — Помнишь, мы делали выставку с какой-то женщиной с зелеными ногтями и… что там было? Серебряными волосами. Она выглядела лет на восемьдесят.

— Теперь так носят, — пояснила Шерри, встала

и взяла у него деньги. — Спасибо, что обналичил чек. Увидимся вечером.

Он пошел проводить ее к двери.

— Кстати, — она остановилась, задумавшись, — хотела кое-что спросить. Помнишь поле за домом, где септик? Вот за ним, где патио. Там просачивается вода. Я заметила утром лужу, размером примерно… — она сделала неопределенное движение, — ну, не очень большую. Там растет зеленая трава, так что луже, наверное, не меньше недели. Там же дренажные трубы? Из них течет?

— Да, — ответил он, — переполнение.

— Волноваться надо?

— Нет, так и должно быть.

— Точно?

— Да.

— Господи, — она внимательно посмотрела на него своими серо-голубыми глазами, — ни на что нельзя положиться в этом мире.

— Когда ты принимаешь ванну или стираешь… — раздраженно начал он.

— Я думала, у стиральной машины замкнутый цикл.

— В результате все стекает в дренаж. Ты видела воду, которая вышла на поверхность, — видимо, там низинка. Наверняка так было с самого нача-

ла, но ты только сейчас заметила.

— Зимой будет хуже.

— Конечно, — терпеливо сказал он, — потому что земля не будет впитывать воду.

— Позвонить Джону Флоресу?

Это был местный специалист по септикам.

— Нет.

— А кому-нибудь другому?

— Нет.

Он взял блокнот с соседнего стола и ручкой принялся чертить.

— Ты вообще понимаешь, как работает дренаж? Отходы попадают в септик, там оседают твердые частицы, и бактерии трудятся над ними. Жидкости стекают в резервуар.

— Очень разумно, — согласилась Шерри, изучив его набросок, — но я уже позвонила Арбарту. Тому, кто строил дом.

Он уставился на нее, не в силах придумать ответ.

— Ты о чем? Когда ты ему позвонила? Почему не спросила у меня?

— Ты уехал на работу. — Она пожала плечами.

— И что он сказал?

— Он сказал, что в это время года такого быть не должно. Что это плохой признак. Что он при-

едет завтра рано с утра и посмотрит. Может, нам понадобится еще сотня футов труб.

На ее лице играла слабая насмешливая улыбка.

— Раз уж ты ему звонила, — с трудом сказал он, — почему ты у меня спросила, серьезно ли это? Если ты уже все знала? И сколько он запросил? Или ты не потрудилась выяснить?

— Около двух долларов за фут.

— То есть двести долларов, — сказал он через секунду.

— Это много. Но, вероятно, придется согласиться, раз уж Арбарт говорит, что это необходимо.

Она казалась совершенно спокойной. Как можно увереннее он ответил:

— У нас нет двухсот долларов на дренаж.

— Я честно сказала об этом Арбарту. Мы можем заплатить в четыре приема. Если будем работать с ним. Но Флоресу я тоже позвонила. Думаю, нам нужно как можно больше оценок.

— Тебе следовало обсудить это со мной, — хрипло сказал он, — надо было сказать мне, а я бы позвонил Арбарту. Это мое дело, а не твое. Я не собираюсь выкидывать столько денег. Я найму подростков, куплю трубу в «Грандиз», арендую самосвал и привезу гравий из Токаломы!

— Арбарт говорит, что, возможно, беда в том, что все изначально сделали неправильно. И надо переделать.

Взглянув на часы, она резко повернулась и поспешила прочь. Он мельком увидел в холле Долли Фергессон, тоже очень нарядную. Обе явно предвкушали день, посвященный магазинам и ресторанам.

Пока он стоял, глядя ей вслед, к нему подошел Куинн с рисунком в руках.

— Я не понимаю, что она имела в виду. — Он хмурился.

— Достала тебя? — спросил Домброзио. — Не слушай ее. Неуверенная в себе любительница. Ты же знаешь, какие они. Домохозяйки, сидят целый день дома. Им скучно.

И тут ему стало стыдно за то, что он плохо говорит о жене.

— Она кое в чем разбирается, — буркнул он, — тебе бы посмотреть на некоторые ее работы. Однажды у нее была выставка в ресторане в Саусалито.

«Она ведь могла бы сделать карьеру», — подумал он.

— Но она решила выйти замуж, — сказал он вслух, — вместо этого. Как и многие женщины.

Все еще пребывая в оцепенении, он вернулся к своему столу, собираясь еще поработать. Двести долларов… Довольно долго он не мог работать.

В половине шестого того же дня он стоял в холодном гараже, глядя на свою красную «альфа ромео».

А вдруг дорого возьмут, спросил он себя. И это дополнительно к дренажу. Механик ушел, не рассказав Домброзио, что сделал с «альфой» или что еще нужно сделать.

А если Чарли не справится к шести?

Он бродил по дощатому полу, сунув руки в карманы. А вдруг ему нужно заказать какую-то деталь? Как я со всем этим справлюсь? Как я вообще вернусь домой?

Он не первый раз стоял здесь, в пустом холодном гараже, в конце рабочего дня, дрожа и глядя на свою машину, гадая, сколько будет стоить ремонт, — а потом уже надеясь только на то, чтобы получить ее назад, забыв о деньгах и просто молясь, чтобы она снова была на ходу.

Из туалета появился механик, высокий худой негр, который обслуживал машины Домброзио много лет.

Домброзио молча смотрел на него.

— Все готово, — сказал Чак Хэлпин.

Домброзио почувствовал, что у него гора с плеч свалилась.

— Черт возьми. Отлично. Что ты обнаружил?

— Ничего, только свечи грязные. — Чак вытер руки тряпкой, встал на колени у домкрата и принялся опускать машину.

— Положусь на тебя, — сказал Домброзио.

— Однажды я подарю вам набор ключей, и вы сможете делать это самостоятельно, — но слова Домброзио его явно обрадовали, — я всегда чиню вашу машину. Ну, почти всегда.

Подошел другой механик.

— Чарли пришлось ехать на юг города, чтобы достать вам свечи. — Он указал на «кадиллак» сорок девятого года, принадлежавший Чаку Хэлпину. Сейчас он стоял на эстакаде.

— Он только что вернулся.

Чак Хэлпин сказал:

— Мы могли бы отправить свечи автобусом, но так бы они до завтра не доехали.

Домброзио попытался что-то сказать, но Чак его перебил:

— Я включу это в счет. — И начал выписывать счет карандашом.

— Слушай, я хочу попросить тебя об одолжении, — сказал Домброзио, — хорошо?

Чак Хэлпин посмотрел на него.

— Не заедешь к нам на ужин? — В порыве чувств он продолжил: — Отвезу тебя в обе стороны. Можешь сесть за руль «альфы». Ты как-то говорил, что хотел бы на ней покататься.

— Я на ней ездил, — медленно ответил Хэлпин.

— Ну, разве что вокруг квартала.

Хэлпин нацарапал что-то карандашом.

— А что скажет ваша жена? Вы же женаты?

— Я ей позвоню.

Пройдя мимо Хэлпина, он открыл дверь в кабинет хозяина.

— Договорились?

— Если вы уверены, что все будет хорошо, — тихо сказал Хэлпин.

— Хорошо.

Закрыв за собой дверь, Домброзио снял трубку и набрал номер. Конечно, Шерри еще не было дома; она ехала с Долли. Но это не имело значения. По крайней мере, для него в это мгновение это не имело значения. В глубине души он мечтал ее удивить. Жаль будет, если ей это не понравится. Она может рассердиться. Ну и пусть ведет себя прилично. Нужно уметь справляться и с такими социальными ситуациями. Настоящая хозяйка должна уметь принять кого угодно.

Когда он вышел из кабинета, Хэлпин стоял в глубокой задумчивости. Он поднял голову и спросил:

— Слушайте, Уолт. А в том городе, где вы живете, есть негры?

— Не знаю.

Но он знал. Их не было.

— Не хочу уронить цены на недвижимость, — улыбнулся Хэлпин, и Домброзио улыбнулся в ответ.

— Конечно. Там будет темно. Мы не успеем до заката.

Домброзио хлопнул его по спине и почувствовал, как худая спина вздрогнула.

— Не принимай близко к сердцу. Все это давно в прошлом. Погляди хоть на бейсбольные клубы. На «Джайантс» с Уилли Мейсом, и на этого новенького на первой базе, и на Сэма Джонса, и на остальных.

Механик не спросил, дозвонился ли Домброзио до жены. Очевидно, он решил, что да. Он начал снимать рабочий комбинезон, двигаясь медленно и неловко. Переодевался он долго. Домброзио сел в «альфу» и терпеливо ждал.

3

Из кухни доносился звук, хорошо знакомый Лео Рансиблу. Оставленная без присмотра кастрюля начала выкипать. Скоро выкипит все, и стальная кастрюля с медным дном, часть дорогого набора, будет испорчена. Джанет уже испортила новый чайник; у нее была привычка налить в него воды, включить максимальный огонь и отправиться принимать долгую медитативную ванну с книгой. Иногда она уезжала в город за покупками, оставляя на плите кастрюлю с яйцами, а один раз даже не выключила электрическую духовку, вмонтированную в стену. Вернувшись домой, он ощутил запах костра — уже начала обугливаться стена.

Он отложил газету. Куда делась жена? Послышался звон стекла.

Она готовила коктейли. Встав, он прошел через гостиную и заглянул в столовую. Она стояла у буфета и сосредоточенно смешивала сахар, содовую и биттер. Даже на расстоянии он видел, что «олд-фешнд» выйдет слишком сладким — стакан изнутри покрывали крупинки сахара. Ничего ей

не сказав, он ушел в кухню.

Маленькая кастрюлька горела. Слой присохшего соуса вздулся, как лава, обнажая почерневшее дно. Конфорка была выкручена на максимум. Он снял кастрюлю с огня. Спирали опасно светились красным, и он выключил газ.

Другие кастрюли и сковородки она отодвинула в сторону и закрыла крышками, стол был накрыт. Очевидно, ужин уже ждал. Как обычно, Джанет планировала выпить еще коктейль, прежде чем сесть за стол. Она не говорила ему, что ужин готов, чтобы иметь возможность выпить. И если он что-нибудь ей говорил: например, что хочет есть, она просто брала коктейль за стол и пила его во время ужина. Вместо кофе или воды.

— Это что за соус? — спросил он, вернувшись в столовую.

— К цветной капусте, — ответила Джанет, наливая в стакан «Кир Нобл», дешевый бурбон, купленный на рынке. Она улыбнулась. — Это твой любимый сырный.

На буфете, в луже из растаявших кубиков льда, лежала открытая кулинарная книга.

Все в доме было сделано кое-как или не сделано вообще.

Например, он слышал, что снаружи журчит

шланг. Она забыла выключить воду. В мусорной корзинке в гостиной валялись конверты со счетами. Она не выносила мусор целую неделю. Чем она занималась целыми днями? Наверняка играла в «Скрэббл» с подругами. Придя домой в пять, он видел игральную доску на журнальном столике.

— Тебе помочь?

— Только если… — кажется, ей было трудно думать, — нарежь сыр.

По пути в кухню она прошла совсем рядом с ним. На снятую с конфорки кастрюлю она никак не отреагировала; она не подала виду, что вообще заметила, что он выключил плиту.

— Ты хочешь поесть прямо сейчас?

— Уилби придут к ужину.

— А ты мне говорил?

Он не ответил. Стоя на кухне, он оглядывался в поисках какого-нибудь дела или способа ускорить процесс. Но при этом он не хотел на нее давить.

Если бы это произошло, она бы напряглась и стала еще менее эффективной. Начала бы ломать и бить вещи. А потом, пытаясь навести порядок, убрать битое стекло и вытереть лужи, она разозлилась бы, а потом, без всякого предупреждения,

обиделась бы на него. Обвинила бы его в том, что он над ней издевается, и отказалась бы вообще что-то делать. Могла бы даже бросить метлу или тряпку, подошла бы к шкафу, надела бы пальто и ушла из дома. Если бы уже стемнело, она точно уехала бы. И он бы оказался на замусоренной кухне с полуготовым ужином, без жены и с кучей дел. И ему пришлось бы самому все доделывать.

Но что значило «давить» на нее? Выпив пару стаканов, она теряла ясность мысли и могла назвать давлением почти что угодно. Она могла не понять прямо сказанное или услышать совсем не то, что он имел в виду. Само его пребывание в кухне. Предположение, что он выключил конфорку. Он снял соус с плиты, даже это могло ее обидеть. Он не мог предположить, сколько она выпила, а это было важно.

Размышляя об этом, он начал злиться сам. Он чувствовал себя обманутым.

Почему ему приходится так робко вести себя в собственном доме? Особенно когда приходят важные для него люди. Вообще-то, ему стоило думать о своих старых друзьях Уилби, а не размышлять, как бы не обидеть выпившую жену.

— Что ты такой тихий? — спросила Джанет у него из-за спины.

— Я хочу устроить приятный вечер для Пола и Филлис. Спокойно посидеть и поговорить, без всяких ссор и напряжения. Я не хочу твоих длинных бессвязных рассказов о том, что тебе вдруг пришло в голову.

Она сказала, кажется, не имея в виду ничего плохого:

— Дорогой, их не будет. Если у меня будет что выпить... — Она улыбнулась и, как ему показалось, слегка покачнулась. — У нас все есть, но я не уверена, что смогу как следует все устроить.

— Лучше бы у тебя получилось. Я устал, а Полу далеко ехать. Как ты, надеюсь, помнишь, я думаю, что они рано или поздно переедут сюда, если все будет хорошо.

— Правда? — удивилась она.

— Я тебе говорил. Говорил, что они интересуются домом Макгаффи.

Он замолчал, повернулся к плите и принялся нервно крутить ручки.

Жена медленно подошла к нему.

— Я ничего не испорчу, — сказала она мягко и настойчиво, — я знаю, как это для тебя важно.

Глаза у нее влажно блестели, а рука, касавшаяся его плеча, дрожала. Что может быть лучше, чем тащить по жизни сентиментальную пьянчужку.

— Давай просто поужинаем, — предложил он, — пожалуйста.

Когда они поели и убрали со стола, она спросила, может ли она извиниться и уйти к себе, как только придут Уилби. Она хотела лечь и почитать или посмотреть телевизор. Все было готово: она поставила воду для кофе, надела шерстяной халат, нашла очки, сигареты, зажигалку и пепельницу, включила отопление в спальне, запаслась коробкой салфеток «Клинекс» и, конечно, книгой. Ее вчера привезли из книжного клуба.

— Они едут из Тиберона, а ты ложишься спать. Ты вообще понимаешь, насколько мне нужна поддержка? А ты не справилась. Как мне работать?

Она побледнела. Когда-то она полгода проработала в его конторе, печатала, отвечала на телефонные звонки и выдавала ключи клиентам. Это позволило ему сэкономить на секретарше. Но ей приходилось очень тяжело, по ночам она не спала, и именно тогда ее пьянство вышло из-под контроля. До этого она пила так же, как и он: только в компании, мартини или два перед ужином, «олд-фешнд» после, ну, а на вечеринках чуть побольше. Но в последний год или около того она начала пить одна, пока он был на работе.

Когда он приходил домой в шесть, она обычно уже начинала пить. Ей было слишком тяжело помогать ему на работе, и он не мог понять почему. Он никогда не просил ее ни о чем, кроме самой малости. Бумажная работа. Телефонные звонки. Никакой ответственности. Но даже выдача ключей ее пугала. Как будто она была уверена, что все испортит.

Возможно, она просто не хотела помогать ему; он постоянно это чувствовал. Она возмущалась, когда ее просили потратить время и приложить усилия, но не понимала этого сама. Она явно думала, что хочет помогать ему. Но не помогала.

Он не понимал, почему она не могла что-то сделать, если хотела.

Должна быть причина, по которой она все испортила. Умный человек не может настолько не справляться с работой, если у него нет мотива. Он видел мотив. Желание помешать ему, возможно, из ревности. Она возмущалась его мотивацией и способностями. Или, как большинство женщин, она возмущалась мужчинами вообще. Всем этим мужским миром, в котором ей не было места.

Но если и не было, чья это была вина? Кто помешал ей чего-то добиться? Предположим, она была всего лишь домохозяйкой и матерью. Но когда ей

дали шанс выйти в большой мир, она испугалась. Она не справилась. Она даже не могла вести себя вежливо и не ложиться, пока не поздоровается с Полом и Филлис. Со старыми друзьями и потенциальными клиентами.

— Ты же знаешь, как для меня важно, чтобы они переехали. Черт.

— Да, — с готовностью согласилась она, — наконец-то у тебя будет кто-то, с кем ты сможешь поговорить. Тебе не будет так одиноко.

— Мне не одиноко.

— Вы с Полом могли бы поговорить о лодках.

Пол Уилби много лет ходил под парусом. У него была яхта класса «Стар», и он участвовал в гонках. Рансибл даже познакомился с ним в яхт-клубе Каркинеза. Но дело было не в этом. Ему не нужны были новые люди, чтобы болтать о яхтах, здесь у каждого второго были яхты, ялики и лодки. На берегу стояли пляжные домики и летние домики. В магазине продавались лицензии на рыбалку, наживка и снасти. На почте вывешивали объявления об ограничениях на вылов мидий. На машинах имелись крюки для буксировки лодочных прицепов.

— К черту лодки, — сказал он.

В течение многих лет Пол Уилби успешно

работал строителем в округе Саус-Марин. Он сотрудничал с лучшими архитекторами, строил на холмах прекрасные дома по сорок тысяч долларов и скупал участки для перепродажи.

Несколько участков вдоль шоссе 101 были куплены его фирмой.

— Я хочу вести с Полом бизнес, — пояснил Рансибл, — здесь все еще много дешевой земли, но большими участками. По двести-триста акров.

Все более мелкие участки были уже разобраны, но пока их не начали перепродавать. Никто не пришел из-за горы. Рано или поздно это произойдет; зажиточные фермеры, у которых есть земля для продажи, заключат свои сделки.

Он знал, что старый Боб Хансон уже начал подыскивать покупателя на свое ранчо «Медвежья гора». Точнее, он вспахал бульдозером десять или двадцать акров относительно ровной земли по обе стороны от окружной дороги, чтобы привлечь покупателей.

Днем в городе слышался рев бульдозера, и все, кому было не все равно, уже все поняли. Однако земля Хансона была недешевой. Кажется, он хотел около шестисот долларов за акр. Это означало, что покупателю понадобятся примерно двадцать тысяч наличными. Довольно много, и это только

на покупку земли. А чтобы разбить ее на более мелкие участки и продать, по закону округа нужно проложить дороги. А это целое состояние. И ведь о строительстве еще и говорить не начали. Дороги просто разбили бы большой участок на, скажем, шестьдесят маленьких. К каждому участку нужен был подъезд, а земля тут была по большей части холмистая. Понадобятся собственные машины, потому что, если отдавать работу на сторону, это разорит первоначального покупателя. Могут потребоваться годы, чтобы продать сто акров мелкими участками. А чтобы привлечь людей, надо показать им образец дома и смету. Но если взять, например, дом Джанкуззи…

— Но… — неуверенно сказала Джанет, — разве можно вести бизнес с друзьями?

— А почему нет?

— Потому что бизнес разрушает дружбу.

— Почему?

— Потому что… — она запнулась, — это же конфликт. Это как будто муж и жена пытаются вести бизнес вместе. Помнишь, что случилось с нами в пятьдесят седьмом…

Это был год, когда она пыталась работать в агентстве Рансибла.

— Или когда муж пытается научить жену во-

дить машину.

Она замолчала и с надеждой улыбнулась ему.

— Почему ты хочешь лечь на самом деле? — спросил он тоном, который требовал правдивого и полного ответа.

— Знаешь, после того, что тогда случилось, мне неприятно сидеть в одной комнате с Полом и Филли. — Она говорила так тихо, что он едва ее слышал. Ему пришлось наклониться к ней, как глухому старому фермеру.

— Эта жуткая игра, — пояснила она, — шарады…

Как это похоже на его жену — зацикливаться на ерунде. Несколько месяцев назад они вчетвером были на вечеринке в Сан-Ансельмо, в доме у делового партнера. Джанет слишком много выпила, и, когда настала ее очередь изображать название книги, она просто глупо размахивала руками и делала неловкие бессмысленные гримасы, пока время наконец не истекло и она не прокралась назад на свое место.

— Все, кроме тебя, давно это забыли.

— Я так и не понимаю. Даже если бы я была трезвой, даже если бы у меня были недели на подготовку. Как, интересно, можно показать «Тезаурус Роже»?

Она беспомощно посмотрела на него.

— Чертишь в воздухе линию. А потом рисуешь букву J.

— А потом?

— Не знаю. Но точно могу сказать вот что. Если ты пойдешь спать, вместо того чтобы провести время с Уилби, я испорчу тебе всю жизнь.

Наступила тишина.

Опустив голову, она пробормотала:

— Я еще останусь ненадолго. Но, честно говоря, мне правда нехорошо. Кажется, снова тот грипп. Опять в том же месте болит. — Она провела рукой по талии.

Увидев выражение ее лица и тревогу в ее глазах, он понял, что она не уйдет спать. Она боялась бросить его. Как бы ей ни хотелось лечь под одеяло, читать и есть артишоки с лимоном и сливочным соусом, она останется в гостиной и будет вести беседу, как полагается жене и хозяйке дома.

— Ты можешь обсудить свою книгу с Филлис, — предложил он.

— Филлис Уилби, — отрезала она, — читает только журналы в салонах красоты. Никто, кроме меня, не читает хороших книг.

Мгновение она вызывающе смотрела на него, а потом снова начала убирать со стола.

Какая она жалкая, подумал он. Она называет этот порнографический мусор из книжного клуба «хорошими книгами». Это просто мерзость. Лежать в кровати, жевать вареные артишоки и читать про стариков, которые трахают маленьких девочек. И все эти книжные клубы работают только за счет таких женщин. Которые могут получить хоть какое-то подобие оргазма только из вторых рук, из книг.

Подойдя к окну гостиной, он встал, засунув руки в карманы, и стал смотреть в сторону дороги под холмом. Кое-где горели фонари, освещая соседние дома. Когда гости свернули с шоссе и поднялись по подъездной дорожке, свет фар попал в гостиную. Дорожка была довольно крутой, и Пол всегда долго выбирал, чтобы потом нормально выехать. Иногда он уезжал слишком пьяным, чтобы долго разворачиваться.

— Они могут себе позволить дом Макгаффи? — спросила Джанет из кухни.

— Слушай, — сказал он, — Пол может позволить себе все что угодно.

— Но он такой большой! А их двое, и детей нет. Там куча спален. Три этажа!

— Дом Макгаффи — это лучший дом в нашем районе. Независимо от цены.

— А как же дом Марстона?

— Ты собираешься это повторить, когда придут Пол и Филлис?

— Ты лучше подожди и посмотри, что они скажут, когда увидят дом. Они наверняка решат, что он слишком большой.

— Они его уже видели. И нет, он не слишком большой. Им нужно место для гостей.

— И когда ты его им показывал? — Она вышла из кухни.

— Месяц назад.

— И сколько запросил?

— Тридцать две.

— Но ты же говорил, что Макгаффи хочет сорок две.

— Да мне плевать, чего хочет этот старый пердун.

— Но ты его брокер… вы договорились.

— Мы договорились, что я получу максимальную возможную цену, — перебил он. — Сорок две тысячи за дом не выручить. Он жадничает. Он понятия не имеет о рынке. Это моя работа.

— И давно дом у тебя в работе?

— Месяц, — признался он.

— И ты уже скинул десять тысяч? — Она повернулась к нему лицом. — А ты бы назвал ту

же цену чужому человеку? Любому, кто просто пришел бы и захотел купить дом? Это неправильно, — решила она, — у тебя эксклюзивный контракт на три месяца.

— Четыре.

— Макгаффи может продать дом только через тебя. И ты собираешься отдать его своему другу гораздо дешевле, чем…

— Я тебя учу соусы готовить? Или стиральный порошок выбирать?

— Ну ты и дрянь, — сказала она, — кусок дерьма.

— Что? — ошеломленно спросил он.

Не отвечая, она вернулась на кухню и загрохотала посудой. Он услышал, как она резко говорит с Джеромом, который сидел в своей комнате и смотрел телевизор.

Через десять минут гостиную озарили фары. Приехали Уилби. Он включил свет на крыльце и пошел открывать дверь.

Пока огромный Пол Уилби поднимался, держа жену под руку, Рансибл разглядел, что он хмурится. И Пол, и Филлис его, казалось, не замечали, тихо переговариваясь.

— Приветствую, — сказал Рансибл.

— Привет, Лео. — Пол протянул ему сильную

руку, и они обменялись рукопожатием. Филлис, поздоровавшись с Джанет, прошла в дом.

— Что случилось, Пол? — спросил Рансибл.

Пол закрыл за собой дверь, взял у супруги пальто и повесил в шкаф.

— Ничего. Лео, здесь есть цветные?

— Нет, — ответил Рансибл, — ни единого.

— Точно? — спросил Пол.

Филлис добавила:

— Может, кто-то недавно переехал, а ты не знаешь?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

Пол сел на диван и положил руки на колени.

— На подъезде к твоему дому… знаешь, тот дом справа, с решеткой и деревьями?

— Это дом Домброзио, — сказала Джанет.

— Я знаю, — ответил Рансибл, — ну да, я хорошо знаю этот дом, а что?

— Там на крыльце горит свет. И мы увидели цветного мужика.

— Абсолютно точно, — добавила Филлис, — мы очень медленно ехали.

— И что дальше? — спросил Рансибл.

— Он вошел в дом, а мы поехали дальше.

— Такой, знаешь, круглолицый, угольно-черный и блестящий, — сказал Пол.

— Но Домброзио не могли продать дом, — возразила Джанет и повернулась к мужу. — Не могли ведь? Ты бы ведь знал? Лео всегда знает такие вещи.

Рансибл попытался заговорить, но ему показалось, что у него что-то случилось с языком. Как будто бы он распух и еле ворочался. Он закашлялся и потер руки.

Все трое смотрели на него. Жена и чета Уилби.

— Я клянусь вам, — хрипло сказал он, — что в этом районе не живут негры.

— Он, наверное, просто зашел к Домброзио? — предположила Джанет.

— Думаю, да, — кивнул Рансибл, — может быть, чинит что-то. Или он их друг.

— Сомневаюсь, — сказала Джанет, — они бы не позвали к себе негра.

Рансибл видел только ее; он не видел ни Уилби, ни собственной гостиной, ни вещей в ней.

— Сомневаешься? Это почему ты сомневаешься? Хотя не говори. — Он поднял руку. — Не хочу этого знать. Пол, — обратился он к Уилби, — я могу поклясться, что это хорошее место, чтобы растить тут детей. Ни к кому тут не ходят в гости негры. А если кто-то продал дом неграм, то… — он замолчал, тяжело дыша. Сердце у него колоти-

лось, — и с евреями то же самое. Тут нет ни одного еврея, и некому гадить на улицах. Вот и все. И почему бы вам сюда не переехать?

Они молча уставились на него.

— Ты что, нацист? — спросил Рансибл. — Хочешь снова открыть Дахау?

Они посмотрели на него как на сумасшедшего, как будто у него изо рта пошла пена. Он невольно поднял руку и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Слушай. — Лицо Пола Уилби наливалось кровью. — Что ты тут из себя изображаешь? Я только что проехал сорок миль, но я готов развернуться и поехать обратно, если хочешь.

— Ты же не можешь здесь остаться. В доме еврея.

— Еврей, шмеврей, — сказала Филлис, — кончай, Лео.

— Дорогой… — вмешалась Джанет.

— Я так понимаю, вам больше не интересен дом Макгаффи, — сказал Рансибл, — раз уж вы увидели чернокожего…

— Черт, — громко сказал Пол, — я просто спросил, есть ли в городе цветные. Я разве говорил что-то другое? Или это неприлично? А ты, как всегда, немедленно залезаешь на трибуну и на-

чинаешь проповедовать…

— Да не залезаю я.

— Хрена с два.

— Я не продам вам дом Макгаффи, — сказал Рансибл, — и вот почему. С удовольствием вам об этом расскажу. Хватит с меня фашизма. Я сражался с ним и почти отдал ему жизнь. То есть почти отдал жизнь за то, чтобы стереть его с лица земли.

Он чувствовал, что у него горят уши. Филлис издала короткий резкий смешок. Рансибл почти кричал:

— Пока ты делал на войне деньги, я рисковал жизнью. Так что я тебе скажу, что ты можешь сделать со своими деньгами. Я скажу.

— Как ты смеешь так говорить с моим мужем? — резко сказала Филлис Уилби.

— Во Вторую мировую я был во Франции, — добавил Уилби. Его лицо потемнело, а губы дрожали.

— Пойдем. — Филлис направилась к двери.

— Пальто не забудьте. — Рансибл подошел к шкафу и вынул оба их пальто.

— Он что, пьяный? — спросила Филлис у Джанет.

— Мой муж не пил, — ответила Джанет и про-

тянула одно пальто Филлис, а другое Полу, — я хочу, чтобы вы ушли.

— И ты? — До Пола медленно доходило. — Господи, их двое. Мы приехали в такую даль, чтобы на нас кричала пара психов.

Филлис Уилби уже открыла дверь и вышла на крыльцо. Она стояла спиной к двери.

— Пошли, — крикнула она, — не будем тратить на них время.

— Спокойной ночи, — сказала Джанет холодным официальным тоном и повела Пола Уилби к двери.

Он протестовал и пытался остаться, но она силой выставила его на улицу и захлопнула дверь.

— Спокойной ночи, — повторила она почти весело, улыбнулась и заперла замок. Повернулась к Рансиблу. Лицо ее было суровым и решительным. Так же весело она сказала: — Ну и сюрприз.

— Да уж, — кивнул Рансибл.

Они молча постояли. Через мгновение послышались шаги Пола Уилби по лестнице, хлопанье дверцей машины, заведенный мотор. Машина уехала, и стало совершенно тихо. Только гудел холодильник.

— М-да. Никогда не знаешь, что случится в следующую секунду, — сказал Рансибл.

Лицо его жены померкло и стало совсем усталым. Ее упорства хватило только на этот разговор. Он видел в ее глазах робость и осознание возможных последствий.

Последствия… несостоявшаяся сделка, потеря давнего друга…

— Вот я тебя заставляю вести себя с ними вежливо. А потом сам так поступаю…

— Как думаешь, они действительно видели негра?

— Конечно. Очень в духе этого мудака Домброзио — устроить межрасовую вечеринку.

— Но я очень хорошо знаю Шерри, — возразила Джанет, — и мы говорили о Марин-Сити и неграх и о том, сколько их стало в округе. И я знаю ее мнение. Она бы никогда такого не допустила. Ей слишком важны чувства соседей.

— Я собираюсь позвонить ему, — сказал Рансибл. В спальне он сел на кровать и достал телефонный справочник.

— И что ты скажешь? — спросила Джанет.

— Расскажу ему, что он сделал. Привел сюда негра. Это не только испортило мне сделку, но и разрушило важную десятилетнюю дружбу. Он должен это узнать.

Он начал набирать номер.

4

Ранним утром Шерри Домброзио шла по дороге, сунув руки в карманы голубого замшевого жакета. Поскольку она была в сандалиях, камни она не пинала. Прохладный ветер трепал ее юбку, длинную, темную, с напечатанным вручную узором авторства друга-художника из Саусалито. Сандалии тоже были ручной работы; она сделала их сама несколько лет назад.

У нее все еще оставались инструменты для кожи, и на Рождество она делала в подарок близким друзьям ремни, сумочки и бумажники.

Справа пастбище обрывалось в заросший деревьями овраг. На обочине пасся теленок, серовато-коричневый, коренастый, с блестящим от мокрой травы розовым носом. Высоко над головой кружил ястреб или канюк — она не могла разглядеть, кто именно, пока солнечный свет не осветил раскинутые крылья и она не уловила характерный для ястреба рыжий оттенок. Раньше она иногда встречала по утрам голубую цаплю, но сегодня ее не было. На ветках дуба, где она жила, осталось только растрепанное гнездо.

Цапля улетела на день в лагуну Болинас.

На повороте Шерри сошла с гравийного покрытия на обочину, чтобы пропустить ехавший в город пикап. А он мог бы ее подбросить, если бы она подала какой-нибудь знак. За рулем сидел мистер Гримальди, отставной горный инженер, живший в конце их улицы. Он всегда был очень предусмотрителен: в дождь, если она тащилась по дороге в своем желтом дождевике, шапке и ботинках, он всегда останавливался, независимо от того, махала она ему рукой или нет, но, если светило солнце, он никогда не забывал, что она любит пройтись. Но если речь шла об обратной дороге, с продуктами, она предпочитала, чтобы ее подвозили, независимо от погоды.

Гравий захрустел под сандалиями, когда она вернулась на дорогу. Справа виднелся дом миссис Пестолези, перед которым росла пампасная трава. Затем круто вверх шел склон, а внизу стояла станция Шеврон, где маленькая сельская дорога сливалась с государственным шоссе.

Пронесся порыв ветра, взъерошив траву на обочине. Нагнувшись, она сорвала травинку, которая продолжала дрожать. Как проволочка, подумала она. Игрушечное растение из Гонконга, только цвет не очень удачный. Ей пришло

в голову, что можно было бы высушить траву, окунуть в майонезную баночку с акварелью и использовать как садовое украшение. Она уже экспериментировала с окраской разных сорняков. Порой выходило интересно, а иногда и вовсе потрясающе. Сложный изящный узор листьев невозможно воспроизвести искусственно, а цвет выявлял их малозаметную красоту.

«Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, — подумала она, — я бы расположилась с мольбертом у этой дороги. Я бы написала станцию Шеврон, холм за ней, край лагуны. Но даже если бы я это сделала, это был бы всего лишь обычный пейзаж художника-любителя. Как у Уинстона Черчилля, да еще и не оригинальный».

Если тебе нравится природа, думала она, то ты не художник; ты просто сентиментален. Поэтому она зашагала дальше вниз по склону.

Каркинез лежал внизу. Одиннадцать магазинов подряд, пять по левой стороне шоссе, шесть по правой, магазин кормов заметнее всех. Туда-то она и собиралась: она держала кур-бентамок.

Звук машины за спиной заставил ее снова сойти с дороги. Мимо проехал серый седан, в котором она узнала машину Рансиблов. Джанет Рансибл сидела за рулем, напряженно, как маленькая

старушка, глядя прямо вперед. Серая машина, серый человек, подумала Шерри. И никому из них никогда не придет в голову кого-то подвезти; Лео Рансибл обычно проплывал мимо любого, кто шел пешком, едва кивая, далекий, как статуя.

Но вдруг серый седан сбросил скорость, а потом и вовсе остановился.

«Из-за меня?» — подумала Шерри и продолжила идти с прежней скоростью, не обращая внимания на машину, пока наконец не подошла к окну. Джанет Рансибл опустила стекло и высунула голову. Но дверь не открыла.

— Я заметила, что ты идешь по дороге.

Тусклое лицо Джанет казалось необычно вытянутым, и Шерри решила, что это последствия вчерашнего.

— Знаешь, Лео, как единственный в городе агент по недвижимости, должен на все смотреть с двух сторон. Со своей личной точки зрения и с точки зрения пользы для города.

— А когда он нам звонил вчера вечером, он был кем? — поинтересовалась Шерри.

— Он расстроился и очень удивился. И это справедливо, если учитывать чувства местных жителей — верные или нет — при известии о том, что вы пригласили цветного в гости, не по-

советовавшись ни с кем и не учитывая ничьих чувств. Мы все знаем друг друга, живем на одной улице, наши дети учатся в одной школе… Он не понял… — она махнула рукой, — это сорвало очень важную сделку, о чем он и сказал твоему мужу. Нельзя его винить за то, что он разозлился. В конце концов, это ничего вам не стоило. Вам не нужно зарабатывать на жизнь в этом городе, твой муж работает не здесь. Конечно, ты относишься к этому легкомысленно. Я вижу, что тебе плевать, и сэкономлю время. — И она уехала, оставив Шерри стоять.

Они все сошли с ума, подумала Шерри и пошла дальше.

И очень быстро столкнулась с одной из трудностей жизни в небольшом городке. В магазине кормов Карлтона она снова встретила Джанет Рансибл. Миссис Рансибл стояла у прилавка, пока ей взвешивали сухой корм для собак. Увидев Шерри, она сразу же отвернулась.

Так будет и впредь, подумала Шерри.

И поэтому она подошла к прилавку.

— Я не хочу, чтобы меня ненавидела ты или кто-то еще в городе, — сказала она Джанет, когда продавец ушел за сдачей, — давай раз и навсегда разберемся с этим.

Продавец вернулся, отдал Джанет Рансибл сдачу, а затем ушел разгружать мешки с кормом. Очевидно, он предположил, что они приехали вместе.

— А что тут разбираться? — сказала Джанет. — Вы случайно лишили нас огромной суммы денег, и вас, разумеется, это нисколько не беспокоит. Да и не должно. Вы не входите в местное общество, для вас это просто жилой пригород. Но я полагаю, что вас должна волновать стоимость вашей недвижимости, так что…

— Какая глупость. То, что Уолтер сказал вчера вечером твоему мужу, я готова повторить тебе. Нам не за что извиняться. Если бы нам пришлось сделать это снова, мы бы сделали это снова. Я согласна с Уолтом на сто процентов; никто не имеет права указывать нам, кого мы можем принимать, а кого нет.

— Лео говорит… — начала Джанет.

— Мне все равно, что говорит Лео, — ответила Шерри, — в этом городке полно людей, которые знают, что твой муж служит всемогущему доллару, и ты знаешь, что я имею в виду.

— Ты намекаешь на его национальность. Так вот, я ею горжусь, и Лео гордится наследием предков.

— Да, но твой-то муж не Барух Спиноза, — сказала Шерри, — и довольно нелепо приписывать себе заслуги Мендельсона и Эйнштейна на основании принадлежности к одному народу. Я могла бы также приписать заслуги Франклина Рузвельта или Альберта Швейцера. — Понизив голос, она добавила: — Мы с мужем пользуемся гораздо большим уважением жителей города, чем человек со стороны, который пытается спекулировать недвижимостью, чтобы заработать побыстрее, при том, что никто точно не знает, чем именно он зарабатывает.

Джанет Рансибл не нашлась с ответом. Она прочистила горло и взяла запечатанную упаковку сухого корма для собак. Ее лицо стало совсем бесцветным, тяжелым и некрасивым, она больше не улыбалась. Наконец она вздрогнула, опустила голову и протиснулась к выходу мимо Шерри.

Шерри ровным голосом сказала продавцу:

— Будьте добры, примерно пять фунтов корма для кур.

Ей было приятно, что она вела себя спокойно. Конечно, Джанет не смогла ей возразить. Держу пари, что она вернется домой, подумала Шерри. Сегодня больше никаких дел в городе, чтобы ни за что не столкнуться со мной.

Какая она жалкая и похожая на старую деву, думала Шерри, расплачиваясь за корм для кур. Этот дергающийся глаз, напряженная шея, опухшие от ежевечерней выпивки веки. Как просто было ее заткнуть. Всего пара фраз.

Они неправы, думала она. Они должны это понять. Все эти вечерние ругательства по телефону, этот разговор, все эти фокусы. Они нападают не на нас, они пытаются заглушить голос своей совести.

Но потом она подумала: «А сама-то? Что я им сказала?» Теперь ей стало стыдно за то, что она намекнула на национальность Рансибла.

Это было плохо, решила она.

И все же они заслужили это. Это было справедливо. Их собственное священное писание, Ветхий Завет, требовал отдать око за око. Они отвергли христианское «подставь другую щеку», так почему она должна сдерживаться? Она поступила так, как велел их собственный закон.

Она вышла из магазина и спустилась на гравийную парковку. Там стоял седан Рансиблов, а рядом ждала Джанет с мешком собачьего корма в руках.

— Что еще? — При виде нее Шерри слегка вздрогнула.

— Я хочу кое-что прояснить. Мы вовсе не фанатики. Не надо делать поспешных выводов. Вчера вечером мой муж выгнал из дома человека, с которым мы дружили десять лет, потому что этот человек, Пол Уилби, спросил о вашем друге-негре. Он увидел его у вас на крыльце и спросил, живут ли негры в этом городе.

— Ну и что? — спросила Шерри.

— Мой муж добровольно отказался от крупной сделки, на которой мог бы заработать много денег, потому что он не терпит расизма в своем доме. Лео — идеалист.

Ее покрасневшие глаза вспыхнули, а губы яростно сжались. Шерри решила не уходить и не перебивать ее.

— Он чуть не отдал жизнь за свободу и равенство всех людей. Он сражался против фашизма не потому, что его заставили, а потому, что верил в это. Он благородный, умный, тонко чувствующий человек. Если кто-то в этом городе сделал больше добрых дел, чем Лео, назови мне его имя. Ну, скажи. Кто?

Шерри ничего не сказала. Это еще не все, поняла она. Она застонала про себя и прижала к себе пакет с кормом для кур.

— Если бы ты была у нас дома вчера вечером, —

сказала Джанет, — ты бы сама увидела…

— Если твой муж так считает, то зачем он нам позвонил? — перебила Шерри. — Почему он сказал то, что сказал? Если он такой идеалист, почему он кричал по телефону, что мы эгоисты и разлагаем общество? Объясни это.

Открыв дверцу машины, Джанет помедлила и сказала:

— Лео хотел, чтобы вы осознали последствия своего поступка. Он хотел, чтобы вы понесли за него ответственность. Запомни. — Она села за руль и захлопнула дверцу. Заводя двигатель, она сказала спокойно и твердо: — Ваша… межрасовая вечеринка ничего вам не стоила. Заплатили за нее мы.

Серый седан с серой женщиной внутри уехал.

Шерри подумала: «Может, в этом что-то есть. Интересно. Эти евреи так нервно относятся к расовым вопросам. Может, Рансибл воспринял замечание, направленное в сторону негров, как личное оскорбление. Это очень похоже на него. Насколько хорошо мы вообще знаем Рансибла? Мы видим, как он проезжает мимо; слышим о сделках, которые он провернул; видим его вывески и его контору. Когда мы покупаем недвижимость, нам приходится действовать через

него, и когда продаем — тоже. Он холеный и даже симпатичный. И он, конечно, затаил обиду. Он враждует с половиной людей в городе — или враждовал раньше. Просто он вспыхивает почти по любому поводу, выходит из себя. И он участвует во всех общественных делах, школьных собраниях, обсуждениях дорог и права проезда».

Он, наверное, действительно такой донкихот, подумала она. Если он это сделал, если он послал клиента к черту всего лишь потому, что тому не понравился негр в городке. Кто бы мог подумать такое о Лео Рансибле?

Вчера вечером все казалось совсем простым и даже банальным. Ее муж приехал домой вместе с негром-механиком, которого он знал много лет, любил и уважал. А в городе жили исключительно белые. «Лилейно-белое» сообщество. Она сама первым делом подумала о том, что скажут соседи. А сам Чарли шутил за ужином о падении цен на недвижимость.

И конечно же, местный агент по недвижимости позвонил им в тот же вечер, он был очень расстроен и сердит, накричал на них. Уолт, стоя в холле с телефоном в руке, сказал совершенно правильную вещь; он велел агенту по недвижимости пойти заниматься своей мелкой торговлей, ска-

зал, что человек имеет право пригласить к ужину кого угодно, будь то негр, еврей или марсианин. Упоминал ли Уолтер евреев? Она уже точно не помнила. В общем, произошел конфликт гуманистических ценностей и капиталистического цинизма, причем Лео Рансибл, имевший репутацию человека, замешанного в темных делишках, представлял вторую сторону.

Но теперь… она представила, как Рансибл выгоняет друга из дома, произносит гневную речь, а затем, как только гость уходит, идет к телефону, звонит ей и Уолту и занимает прямо противоположную позицию. Они сумасшедшие, сказала она себе.

Они оба, Лео и Джанет, просто идиоты. Настоящие безумцы. И они действительно злы на нас. «Если это дорого им обошлось — или они так думают, — они не сразу это переживут. Я знаю, если бы я была на их месте, я бы долго лелеяла обиду из-за большой суммы денег».

Если бы он вел себя рационально, подумала она, он бы не винил нас; он понимал бы, что сам несет ответственность. Это мы с Уолтом заставили его высказать свое мнение клиенту? Разве мы? Но, думала она, люди не рациональны — они эмоциональны. В любом случае, решила она,

они ничего не могут нам сделать, кроме как не подать руку для рукопожатия или не предложить подвезти в сырую погоду. Рансибл не имеет большого веса в этом обществе. В социальном плане он изгой. Честно говоря, пренебрегая нами, они потеряют больше, чем мы.

Какой смех, решила она. Рансиблы пренебрегают нами!

5

Уолт Домброзио увидел впереди красную неоновую вывеску. Придорожный бар на окраине Стинсон-Бич. «Смогу ли я доехать нормально? — спросил он сам себя. — Если выпью пару рюмок? Мне правда хреново».

Он съехал с дороги на гравийную обочину, остановился, выключил фары и заглушил двигатель. Выйдя из машины, он сунул руки в карманы и двинулся к бару.

Старая история, думал он, открывая дверь. Проблемы с женой. Бармен наверняка слышал эту историю уже миллион раз. Эти красные знаки вдоль шоссе, приглашающие мужчину остановиться на минутку, чтобы припасть к живительному источнику и забыть про все проблемы. Бармен — мускулистый волосатый мужик с сигарой в зубах — был, казалось, увлечен своей газетой. Он сидел сгорбившись, курил и читал, не обращая внимания на трех-четырех клиентов.

Ему все равно, подумал Домброзио. Он не станет меня слушать, он занят. Евреи, подумал он. Я мог бы пожаловаться на евреев. Обычный

разговор в баре. Выбить почву у меня из-под ног и одновременно бить себя в грудь и рыдать от того, как плохо относятся к его собратьям. А у кого спросить, правильно ли я поступил, дав ему отповедь?

«Ну и к кому ты пойдешь? — спросил он себя, присаживаясь на барный стул. — К священнику? К психоаналитику?» Шерри порой ходила к психоаналитику в Сан-Франциско. Но это для женщин, да и дорого. К священнику, подумал он. Очень смешно. В Каркинезе есть священник. Если бы я пошел к нему, что бы я сказал? Какого рода мои колебания в вере?

Бармен отложил газету и сигару, оперся большими плоскими ладонями о стойку и выжидающе посмотрел на Домброзио.

— Какой скотч у вас есть?

— «Кроуфордс». — Бармен оглянулся на полки.

Этого виски он не знал, но все же согласился.

— Отлично. Налейте скотча с водой, безо льда.

— Еще «Тичерс» есть.

— Нет. «Кроуфордс» подойдет.

И подумал: «Какой же я идиот, делаю вид, что знаю, о чем речь. И мне это обходится в десять лишних центов за стакан, я плачу за то, что я идиот, потому что я бросаюсь названиями, кото-

рых не знаю».

— А как, по-вашему, — спросил он, когда бармен принес виски, — «Кроуфордс» — хороший скотч?

— Я не любитель скотча, — отозвался бармен.

— Лучший скотч, который я знаю, — сказал Домброзио, — это «Катти Сарк».

Он никогда его не пил, но видел рекламу в журналах, которые приносила домой жена.

— Ну, как вам сказать, — ответил бармен, пробивая чек, — сюда приходят и заказывают скотч конкретной марки, «Баллантайн», например, или вот «Катти Сарк», или «Олд грауз». Но уже третий стакан я просто наливаю из ближайшей бутылки, будь там «Тичерс» или еще что. И им уже все равно.

Он ухмыльнулся и бросил сдачу на стойку.

Домброзио заставил себя улыбнуться в ответ и изобразить подобающее выражение лица.

— Держу пари, они и первый стакан бы не узнали. Можете лить что попало сразу.

Бармен вернулся к своей газете. Чуть позже Домброзио услышал тихий разговор и увидел, обернувшись, что бармен наклонился к двум клиентам. Они смеялись.

«Они смеются надо мной? — спросил себя Домброзио. Он отпил виски и уставился прямо перед

собой, чувствуя, как шея и уши сначала краснеют, а потом леденеют. — Потому что я переплатил за этикетку скотча, и, возможно, бармен действительно налил мне чего-то другого, а я не заметил… Он ждал, не скажу ли я что-нибудь, и я не сказал. Может, мне стоит что-то сказать. Сказать, что виски не слишком хорош».

Он искал в голове какой-нибудь безобидный способ разрешить ситуацию на случай, если он действительно пил не «Кроуфордс». И чтобы это сошло и на случай, если бармен все же не подменил напиток. Но он не мог найти слов.

Повернувшись к человеку слева — этот не смеялся, — он спросил:

— А что вы пьете?

Сначала ему показалось, что человек не собирается отвечать; он даже не подал виду, что услышал, и Домброзио ощутил еще больший ужас. Но затем сосед по стойке медленно поднял голову и сказал:

— «Берги».

— Я вас угощу, — сказал Домброзио.

Тот поднял руку и покивал.

— Спасибо.

Бармен подошел, не спрашивая, с новой бутылкой пива. Домброзио заплатил. Никто ничего не

сказал. Тот человек пил очередную порцию пива, а Домброзио вернулся к своему скотчу.

«Что не так? — спросил он себя. — Если бы он стал меня слушать, что бы я ему сказал? Никто не пытается причинить мне боль. Я не болен и не разорен. У меня хорошая работа. Моя жена хорошо одевается, и у нее отличная фигура. Но если бы все было хорошо, разве сидел бы я в этой помойке? Я бы уже был дома и садился ужинать».

Разве этот агент по недвижимости отобрал у него дом телефонным звонком? Нет ведь. «Я чувствовал то же самое и раньше, — подумал он. — Проблема не в Рансибле, хотя он меня расстроил и взбесил… как обычно. Если у меня вообще есть проблема, она в…

…в ком-то, кто постоянно теснит меня. Кто смотрит мне через плечо. И при этом я никак не могу ее застичь, она, кажется, все еще ждет, сдерживается. Может быть, время еще не пришло».

Чего она хочет?

Так вежливо держала себя с гостем. Разумеется. Либералка. Училась в хорошем университете, вращалась в хороших кругах. Она не могла оскорбить Чака Хэлпина, как не могла летать. «Но я-то знаю, — подумал он. — В глубине души знаю. Ее настоящие мысли, которые держатся в тайне.

Люди ее класса не могут говорить многое вслух, пусть даже на самом деле так и думают. Они должны обожать негров, они должны ненавидеть Фобуса и Юг как таковой».

«Господи, а если это его так расстроило, что он больше не будет чинить мою машину? — подумал он. — И я не могу его в этом обвинить». В памяти всплыло темное напряженное лицо. Он почувствовал суть звонка. Не стал спрашивать, кто или что, просто знал. Вероятно, это был не первый раз в его жизни. После этого он ничего не говорил весь вечер. Только кивал. Соглашался, ел, выпивал, но его разум блуждал где-то далеко. Он отстранился. Из-за потери лица.

Тогда придется искать механика в другом месте, подумал он. Найти другую мастерскую. Рано или поздно. Так всегда бывает, когда начинаешь думать, что нашел человека, на которого можно положиться.

Она может наброситься на меня сейчас, подумал он. Первый шанс. Она заставит меня заплатить за то, что я привел негра. Она на самом деле согласна с Рансиблом. Но она слишком умна, чтобы говорить прямо. Она выдаст информацию косвенно. Если бы я был сейчас дома, она бы задавала мне десятки искусных вопросов. Вчера

вечером, когда он сидел в гостиной, она не могла говорить. Или сегодня утром. Но теперь… теперь это обрушится на меня при первой возможности. Надо подождать. Посидеть тут как можно дольше.

«Это же я, — подумал он. — Я знаю, что действительно это чувствую, я совершенно искренен. Я пригласил его домой, потому что он мне нравится. Я знаю мотивы своих действий. Я повел себя с ним так, как с любым другим человеком, белым или негром, потому что для людей вроде меня это естественно. В этом разница между ней и мной».

Его стакан оказался пуст, поэтому он заказал еще один скотч. На этот раз он не стал уточнять и не обратил внимания на сумму, а просто взял стакан.

Нет, дело не в ней. Он боится ее и поэтому не едет домой? Почему? Да черта с два, он просто любит иногда выпить. Почему?..

У Джанет Рансибл порой случались очень счастливые моменты. Моменты, когда она заранее знала, что люди собираются сказать. Им нужно было только открыть рот, и она сразу узнавала все остальное. Это ее очень радовало. Она мгновенно понимала все их мысли.

И это были не какие-нибудь простые мысли.

Ей также покорялись самые интеллектуальные дискуссии. Если разговор на вечеринке заходил о Дэвиде Рисмане, Западной Германии или физике, она могла поучаствовать. Она просто вбрасывала обрывки мыслей, порой даже не стараясь их как следует оформить. И другие сразу же подхватывали ее идеи.

С бокалом в руке она сидела в глубоком желтом кресле в гостиной. Стол был накрыт; ужин стоял в духовке, дел никаких не осталось.

В соседней комнате, за столом, Лео изучал бумаги и то и дело звонил по телефону. Только что придя домой, он остался в костюме и галстуке. Теперь он что-то писал. Его седые, слегка вьющиеся волосы напоминали ей сталь. Какой он твердый, подумала она. Узкие, жесткие запястья. Аккуратный, тонкий, суровый мужчина.

— Ты в этом костюме какой-то узкий. Или дело в тебе самом? Или в галстуке? — Она засмеялась. Теперь даже полоски стали узкими. Все поменялось, особенно лацканы. Началось все с девушек-моделей в рекламе… худых, с черными хищными глазами. Они как будто жаждали крови. Да, они выглядели малокровными.

Лео хмыкнул и зашуршал бумагами.

— Угадай, кого я видела сегодня, — сказала

Джанет. Она уже знала, что он обернется и спросит кого, поэтому продолжила: — Я немного поболтала с девушкой, которая носит сандалии и стрижется еще короче меня. Ты как-то сказал, что она тебе нравится, но мне кажется, она сама предпочитает женщин. Она держит сигарету вот так.

Дотянувшись до пепельницы на кофейном столике, Джанет вынула из нее длинный окурок и сунула в уголок рта. Окурок выпал, и, пытаясь его подхватить, она заметила, что пролила коктейль. Забыв о сигарете, она постаралась потихоньку вытереть лужу вытащенной из сумочки салфеткой, надеясь, что Лео не заметил.

Но он заметил. Выбросив мокрую салфетку, она поняла, что он оторвался от работы и бесстрастно на нее смотрит.

— Сигарета погасла, — сказала она, — ничего не сгорело.

Она подняла с пола окурок, мгновение подержала его в руках и положила обратно в пепельницу. Вдруг она поняла, что он собирается сказать, что ему все равно, видела ли она Шерри Домброзио и говорила ли с ней. И она оказалась права, он действительно сказал именно это долю секунды спустя.

— Меня не интересуют женские сплетни, —

сказал Лео. — Держи их при себе.

— Тебе нравилось про нее слушать, — возразила она. — Я слышала, как ты рассказывал про нее клиентам. Дескать, какие интересные творческие люди живут в этом районе. Женщина, которая сама делает обувь.

— Разговор, вероятно, начался с того, что она сказала что-то вроде: «Как этот чертов жид, продающий дома, посмел позвонить моему мужу?»

Он смотрел на жену, не моргая и не двигая ни единым мускулом.

— Слушай, — ответила она, — тебя там не было. Нет, все было не так. Это я начала разговор. Ты что думаешь, я просто молча стояла, пока она оскорбляла и унижала тебя? — Она почувствовала подступающие слезы. — Какой во всем этом смысл? Ты совсем в меня не веришь. Ты конченый человек.

— Это почему?

— У тебя есть жена, которая на все ради тебя готова и ничего не просит взамен. Знаешь, что я сказала Шерри Домброзио?

— Это уже в прошлом. Я позвонил ему. Я высказал свою реакцию. Он велел мне не лезть в чужие дела.

— И повесил трубку. Ничтожный маленький

человечишка. Чем он занимается? Делает пакеты для молока. Он недостоин даже лизать землю, по которой ты ходишь.

Она неуверенно поднялась, опершись о стол, и пошла на кухню с пустым бокалом. По щекам у нее текли слезы, а комната расплывалась. Сидевший за столом Лео, казалось, беззвучно расширялся, дрожал и распухал. Она не слышала звука собственных шагов. Опустив глаза, она увидела, что осталась в носках. Туфли лежали на диване вместе с зажигалкой и пачкой «Кулз».

— Давай ужинать, — предложил Лео.

— Я знала, что ты так скажешь, — сказала она, — ты держишь меня за служанку. Я могу хоть раз почувствовать себя человеком? Мой образ у тебя в голове… он для меня опасен. Все эти расстройства и боли, которыми я страдала… это ты виноват, потому что ты постоянно меня поддевал и толкал. Я никогда не могла тебе угодить, тебе все недостаточно хорошо. Сам готовь себе свой чертов ужин!

Войдя на кухню, она схватила кофейник и швырнула его в раковину. Крышка слетела, кофе и гуща брызнули во все стороны, залили сушилки и стену. Кофе закапал на пол. Крышка подкатилась к ней, и она ее пнула.

Лео стоял в дверях.

— Оставь меня в покое. — Она повернулась к нему спиной.

— Я могу сам себе положить еды? Сам? Ты отойдешь с дороги?

— Конечно, — согласилась она, сняла кастрюлю с горошком с конфорки, открыла ее и вывалила горошек на пол. Он посыпался дождем во все стороны, засыпал ее босые ноги.

— Угощайся.

— Я оставлю тебя в покое.

— Да. Уходи отсюда. Я хочу убить себя, — ее голос становился все выше и выше, пока не стал невыносим для нее самой, — уйди!

— Я буду в гостиной.

Когда он ушел, она немного постояла, глубоко и медленно дыша. А потом взяла совок и метлу и начала подметать горошек. Голова болела невыносимо.

«И что подать на гарнир?» — думала она. Подняв кофейник, она попыталась собрать его. Ручка погнулась.

— Ты только посмотри, — крикнул Лео из гостиной.

— Что там? — спросила она, держа кофейник.

— Приходи и посмотри.

Она вышла в гостиную. Он стоял у окна.

— Что это? — спросила она, когда он указал на что-то. Она ничего не увидела.

— Видишь мужика, который петляет по шоссе?

— Лео, — сказала она, — я сказала им, какой ты замечательный, уникальный человек. Я так тебя люблю и так много о тебе думаю.

Он взглянул на нее. Затем отошел, потирая лоб.

— Ничего себе этот мужик напился, — пробормотал он.

— Ты один из лучших людей в мире, — продолжила она, — я бы хотела, чтобы мир соответствовал твоим идеалам. Ты должен жить в лучшем мире. Тебя должны окружать лучшие люди. Я пытаюсь, но не могу. Я могу только вываливать то, что чувствую.

Он еле заметно кивнул — или нет, она не могла сказать точно.

— Сегодня очень вкусный ужин, — сказала она, — даже без горошка. Я купила баранью ногу. Неудивительно, что ты хочешь есть. Ты же чувствуешь запах. Я думаю, она почти готова.

— Откроешь еще упаковку овощей?

— Да, обязательно.

Направляясь обратно в кухню, она спросила:

— Может, ты составишь мне компанию?

— Хорошо, — он пошел за ней, — я правда так сильно на тебя давлю?

Она села за кухонный стол и разорвала упаковку замороженной стручковой фасоли.

— Дело в том, что у тебя очень высокие стандарты. Никто не может им соответствовать, кроме тебя самого. Нельзя ожидать этого от остальных, Лео.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Что за стандарты?

— Ты так много работаешь. Ты такой напряженный. Ты увлечен тем, что делаешь; ты так любишь свою работу. Дело для тебя — все.

Она улыбнулась ему, но он не улыбнулся в ответ. Его лицо осталось мрачным и серьезным, на лбу обозначились морщины.

Затем они услышали звук. Рев мотора. Оба дернулись. Лео встал и подошел к входной двери. Она увидела, как он открывает дверь и выходит. Шум машины стал тише, но оставался слышным. Она положила фасоль в кипяток и вышла на крыльцо вслед за мужем.

— Это тот самый человек, — сказал Лео в темноте.

Внизу, на дороге, светили фары. Машина за-

гудела.

— Ты уверен? — сказала она.

— Да, он свернул с шоссе. На заправке.

Он прислушался. В темноте она слышала, как он тихо, но решительно выругался.

— Что происходит? — спросила она. — Он съехал с дороги? Может, упал в канаву?

Свет фар не двигался, шум тоже раздавался с одного места.

— Мне кажется, этот сукин сын врезался в какую-то машину, — сказал Лео, — в припаркованную.

— Мы должны что-то сделать?

— Да. — Он повернулся и вернулся в дом.

Зайдя за ним, она увидела его с трубкой в руках. Он на мгновение ее опустил.

— Я звоню в дорожную полицию. Сообщу об этом гаде.

Она занервничала.

— Может, не надо пока? Может, спустимся и посмотрим? Может, он ни в кого не врезался, а просто застрял и пытается выехать?

— Он пьян, — отрезал Лео, — пьяный урод. Ты сама видела, как он мчался по встречной.

Он замолчал. Потом заговорил тихо и мрачно, взвешивая каждое слово. Он всегда так говорил

по телефону в чрезвычайных случаях. Для него телефонный звонок всегда означал чрезвычайный случай.

— Это Лео Рансибл из Каркинеза. Я хочу сообщить о пьяном водителе. На Уайт-Стар-роуд. — Он замолчал.

Господи, подумала она. Это же один из наших соседей, мы хорошо его знаем. Она не могла вынести этого. Она выбежала из дома на крыльцо. Шум, визг шин и мотора никуда не делись. Потом звуки затихли, и ей показалось, что она различает мужские голоса внизу. И… фонарики?

Он съехал в канаву, подумала она. Она идет вдоль всей дороги. И дорога такая узкая и извилистая, и ночью по ней трудно ехать даже тем, кто здесь живет. Даже если он совсем чуть-чуть превысил скорость, он легко съехал бы с дороги.

Однажды с ней такое было. Ужасное ощущение. Бедный водитель. Даже если он пьян. И откуда Лео знать, что он пьян. Или она. Ах да, точно, мы видели, как он петляет по шоссе. А если это был другой человек?

Внизу загорелись другие фары. В их свете она увидела очертания деревьев и блеск металла. Бок автомобиля. Вот и застрявшая машина, подумала она.

— Лео! Иди сюда, он застрял. Его вытаскивают.

Машина вздрогнула, мотор снова взревел. Теперь она видела, что крыши у нее нет. «Разбилась?» — подумала она, обхватив себя руками, чтобы согреться. Нет, это была спортивная машина. Значит, это машина Уолта Домброзио, подумала она.

— Лео! — закричала она, вбегая обратно в дом. Он все еще говорил по телефону; он отмахнулся от нее и захлопнул дверь спальни.

— Это машина Уолта! — крикнула она, открывая дверь. Ее муж кивнул, слушая собеседника по телефону. Лицо его казалось пустым. Знал ли он? Узнал ли машину? По звуку мотора, например? У него такой острый слух… Муж повесил трубку.

— Я сообщил о нем, — сказал он.

— Ты знаешь, чья это машина? — Она задыхалась.

— Да.

— Ты знал еще до того, как позвонил?

— Неважно, чья это машина, — ответил он с каменным лицом.

— Спорим, ты узнал звук мотора, — сказала она, — я помню, как тебя ночью разбудила какая-то машина и ты сказал, что всегда сможешь отличить спортивную машину.

— Машины целый день ездят мимо конторы.

— И что? Какое это имеет значение?

— Я видел много аварий. Чаще всего они происходят по вине пьяных.

— Нет. Ты имел в виду что-то другое.

Что, сидя в конторе, ты выучил звук мотора большинства машин в этом районе, подумала она. Как в игре.

— О нем нужно сообщить, — сказал Лео, — он вечно гоняет как безумный на этой красной хреновине.

Войдя в столовую, он сел за стол и усталым, скрипучим голосом спросил:

— Мы можем, наконец, поесть? Или ты спустишься и расскажешь Домброзио, что я звонил насчет него в полицию?

Она стояла на месте.

— Иди сюда, — сказал Лео.

И она подошла.

6

Бейсбольный клуб «Каркинез дэдс-н-бойс Донки» занимал огромное старое белое дощатое здание с башнями и пожарными лестницами, расположенное в центре города. Перед ним росли две пальмы, по одной с каждой стороны входа, — с крыльцом, перилами и балконом над ними.

Несколько задних окон были разбиты. Зимой подвал заливало. С одной стороны, среди сорняков, валялся ржавый красный автомат с кока-колой. Флагшток, торчавший из крыши, давно сломался во время грозы.

Зданию девяносто два года, и оно не стоит ничего. Время от времени бейсбольный клуб сдавал здание в аренду для танцев, барбекю или лотерей. А однажды школьный преподаватель фортепиано арендовал его, чтобы устроить концерт американских песен.

Порой клуб сам использовал Донки-холл. Раз в год, в июле, они спонсировали выставку скота, после которой проводили бинго и продавали хот-доги и газировку в подвале.

В декабре члены клуба готовили ужин для

своих жен — около двадцати мужчин в модных поварских колпаках и кителях, с серебряными подносами в руках. Со стропил свисала гофрированная бумага. Столы, одолженные в школе, украшались оригинальными рисунками, в основном юмористическими. А главным праздником был День проектов, который проводился десятого мая. Собравшись вместе, члены клуба обсуждали, какую важную гражданскую инициативу можно предпринять без особых затрат. Однажды они купили краску и полностью перекрасили почтовое отделение и другие общественные здания.

Последние несколько лет президентом бейсбольного клуба значился местный мясник Джек Э. Вепп. Он обожал охотиться на оленей и в качестве клубного проекта в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году предложил большую охоту. Порой стада голодных оленей спускались с холмов в поисках еды и воды, вытаптывали поля, ели дорогое сено, оставляли блох и лезли под колеса. Домовладельцы жаловались, что олени объедают яблоки с деревьев. Проект охоты на оленей получил всеобщую поддержку, и Джек Э. Вепп был переизбран на следующий год.

Большинство мужчин города получали приглашение вступить в клуб. Исключением был один

человек с Бас-Пул-роуд, которого подозревали в симпатии к коммунистам. Другим исключением был Лео Рансибл.

Стоя в вечерних сумерках на станции Шеврон, Рансибл курил трубку, ожидая, пока механик закончит возиться с его машиной. Впервые за несколько месяцев в Донки-холле сияли огни, затмевая городские фонари. Перед холлом парковались машины. Миновала половина восьмого. Глянув на наручные часы, Рансибл подумал, что собрание вот-вот начнется.

— Большие дела делаются, — сказал он механику. Он не знал мальчика по имени, но знал, что тот живет где-то в этом районе и учится в школе бизнеса.

— Да, сэр, — сказал мальчик из-под «студебеккера» пятьдесят пятого года, пытаясь затянуть новый шланг радиатора.

— Ты знаешь, что они затевают? — спросил Рансибл.

— Наверное, это вечер, когда они собирают все газеты в городе.

— Это было в прошлом месяце, — возразил Рансибл, — и они делают это днем.

Две машины из города проехали мимо станции. Он посмотрел им вслед. Разнорабочий Билл

Конли. За ним Кейт Эйсмейсон на своем «форде», владелец молочного ранчо в нескольких милях к северу от города.

— Через минуту все будет готово, мистер Рансибл, — сказал мальчик, — простите, что задержал вас.

Рансибл подумал, что это не страшно: все равно он вечером никуда не пойдет, и продолжил смотреть на машины, паркующиеся у Холла. «Главное общественное событие в этом районе, — подумал он. — Если бы меня спросили: пойду ли я? Вступлю ли в клуб? Нет, даже за миллион долларов нет».

Следующей проехала маленькая красная спортивная машина. Все верно, сказал он себе. Домброзио — член клуба, и не рядовой, а какое-то официальное лицо. Он обязательно будет участвовать. Докажи, что ты мужчина, вступив во все мужские клубы… будь таким, как все. Спортивная машина завернула за угол. Он увидел внутри нее не одного человека, а двух. За рулем сидела Шерри Домброзио, Уолт ехал рядом.

— Они теперь принимают женщин? — спросил он механика.

Спортивная машина остановилась у Холла. Дверь открылась, и Уолт вышел. Шерри развер-

нула машину и уехала. Вскоре она миновала станцию Шеврон и поехала вверх по дороге к дому. Присев, Рансибл спросил:

— Как так получилось, что миссис Домброзио возит его на собрания?

— А вы не читали в газете про него?

— Нет, — ответил Рансибл. Он был едва знаком с парой, которая издавала «Каркинез Ньюз», и давно не читал эту четырехстраничную газетку, разве что размещал в ней объявления.

Мальчик вылез из-под машины и сел.

— Вы не знаете, что мистера Домброзио поймали за вождением в нетрезвом виде в позапрошлом месяце? Прямо здесь, в городе?

— Слышал об этом.

— Департамент транспортных средств лишил его прав на вождение.

— Не может быть!

Мальчик кивнул.

— А они могут это сделать?

— Конечно. Это часть их программы по борьбе с пьяными водителями. Они лишили его прав на шесть месяцев. Поэтому теперь жене приходится его возить.

— Но он работает в Сан-Франциско!

— А Департаменту транспортных средств до

этого какое дело? Они строгие.

— Как он добирается до работы?

— Она его возит, — сказал мальчик.

— Она ездит туда два раза в день?

Это казалось невозможным.

— Нет, — мальчик вскочил, — она остается в городе. С вашей машиной я закончил.

— Как неудачно, — сказал Рансибл, пока мальчик выписывал квитанцию, — потерять права, когда тебе нужно ездить в Сан-Франциско.

— Они строгие, говорю же. И плохо-то в основном жене. Он-то легко отделался и получил шофера.

— Но куда бы он ни захотел поехать, она должна его отвезти.

— Ага. Если только он не хочет нарушить закон. Если его поймают, ему больше никогда не дадут права.

— Это того не стоит, — решил Рансибл.

— Нет. Думаю, нет.

Держу пари, что он винит меня, думал Рансибл, подъезжая к дому. Но возможно, Домброзио так и не узнал, кто вызвал полицию. Но он ведь знает, что обычно полицейские машины не бывают в этом районе, разве что по выходным.

«Должен ли я испытывать чувство вины? —

спросил он себя. — Стыдиться, потому что у этого гада хватило ума сесть за руль пьяным?» Боже мой, каждый раз, когда включаешь радио, оттуда кричат: если выпил, не садись за руль, а если ты за рулем, не пей. Ему некого винить, кроме себя; он должен взять на себя ответственность за собственные поступки.

Приближаясь к дому, он тревожился все сильнее. Как это ужасно, если подумать. Лишиться прав, чтобы тебя возила жена, как какого-то калеку. «Я не думал, что копы так делают, думал, что просто штрафуют за езду в пьяном виде».

Тяжелая ситуация, думал он. Человек ведь ездит на работу в город. Что там, в Сакраменто, одни садисты сидят? Как так можно? Они практически фашисты. У человека вся жизнь от этого зависит. Дом. Семья.

Какая дрянь, подумал он. Паршивая грязная контора, которой наплевать на человека и его нужды. Ну нарушил он правила один раз — и что? Разве это так ужасно? Он что, кого-то ранил? Черт. Да он просто съехал задницей в канаву, поцарапал краску и выставил себя дураком. «Может, мне стоит позвонить или написать кому-нибудь в Сакраменто, — подумал он. — Посмотрим, что я могу сделать. Немного надавить, поднять шум».

«Но разве я что-то должен Уолту Домброзио?» — спросил он себя. — Он же с удовольствием плюнет мне в лицо. Он купил свой дом через меня? Нет, он пошел к дряхлому деревенщине Томасу. Он с самого начала лишил меня денег. Теперь, должно быть, я недополучил около трех тысяч долларов напрямую, и неизвестно, сколько косвенно, ведь он настраивает людей против меня». Людей в городе, которые, возможно, захотят переехать сюда. В конце концов, он весь день торчит в городе. А теперь и его жена-рукодельница тоже весь день сидит в городе, и ей нечего делать. Они могут распространять гадости об агентстве Рансибла.

Люди, которые тебя не любят, дорого стоят, думал он. Но это своеобразная плата за то, чтобы говорить вслух. Будучи прямолинейным и честным, я постоянно сталкиваюсь с разной шушерой. С идеалистами вроде Уолта Домброзио, у которых горят глаза и которые могут пригласить цветного на ужин, ведь платить за это придется не им.

Припарковав машину у дома, он поспешно поднялся по лестнице в гостиную. Джанет с Джеромом смотрели телевизор в спальне.

— Ты мне нужна на минутку, — он вытащил ее из спальни, — ты знала, что Уолта Домброзио

лишили прав из-за вождения в нетрезвом виде?

Его жена заколебалась. Она уже несколько дней не пила, потому что решила снова сесть за руль. На изможденном бесцветном лице виднелись тревожные морщины.

— Ну да, — наконец сказала она, — слышала где-то.

— Почему, черт возьми, ты мне не сказала?

— Ты сам говорил, что тебя не интересуют сплетни, — она посмотрела на него с вызовом, — и я не хотела тебя волновать.

— Но почему это должно меня волновать? Мне плевать на Уолта Домброзио. Они и так не разговаривали с нами два месяца, что мы теряем? Разве нам хуже? Я бы с ними в любом случае не разговаривал, я все сказал по телефону тем вечером.

Джанет спросила:

— Когда ты звонил, ты знал, что у людей за такое забирают права? Об этом много говорят по радио. Некоторые судьи утверждают, что это незаконно, — она последовала за ним к шкафу, — это часть общегосударственной программы безопасности. За этим стоит губернатор.

— Интересно, стоит ли мне позвонить Домброзио? — спросил Рансибл.

— Зачем? — насторожилась она.

— Извиниться.

Твердо, как будто она все обдумала давным-давно, Джанет сказала:

— Тогда он поймет, что это ты.

— Нет, — возразил Рансибл, — я просто скажу, что услышал об этом и о том, как это ужасно. Это паршиво для человека, который каждый день ездит в город. Его везде возит жена, а она сущая гарпия. Танк, а не женщина. Не хотелось бы мне оказаться в ситуации, где у нее есть возможность меня унижать.

— Не звони ему, — сказала Джанет, — пожалуйста, не надо. Я никогда никому не говорила, что это ты вызвал полицию той ночью.

— Точно? — Он не мог ей поверить; он не доверял ей. Возможно, она только вообразила, что никому не рассказала. Возможно, она не собиралась никому рассказывать. Но когда она пила, язык у нее развязывался, а он прекрасно знал, что порой она выпивает днем по нескольку бокалов с другими домохозяйками: у них дома, у него дома или в одном из двух баров Каркинеза.

— Если бы он знал, что это ты, — сказала Джанет, — он бы наверняка к тебе пришел.

Но он не слушал ее. Он бродил по собственному

дому, чувствуя себя очень неуклюжим.

— Что они говорят? — спросил он. — Каково общее мнение о Домброзио?

— Ты хочешь спросить, считают ли все, что с ним обошлись справедливо?

— То есть ему симпатизируют? Господи, он мог сбить любого из наших детей, а у самих Домброзио детей нет. Они о таком не думают. Это еще одна их беда. У них нет детей, поэтому их не интересуют школьные проблемы, облигации и налоговые ставки. И очень многих в округе бесят эти иностранные машины. Он отправляет свою в Сан-Франциско на техобслуживание; он не ездит в местную мастерскую, потому что она не американская. И наверняка бензин он тоже не тут покупает. Они продукты берут в местном магазине или в городе?

К этому моменту он уже так далеко отошел от Джанет, что не слышал ее ответа. В окно гостиной он посмотрел на огни Донки-холла, на стоящие рядом машины. Общественная деятельность. Улучшение жизни общества. Конкурс детских костюмов на Хеллоуин, чтобы дети не хулиганили. «А что бы я сам сделал?» — спросил он себя.

Его предложения были общеизвестны. Когда-то давно, только переехав в Каркинез, он

опубликовал их в местной газете и оплатил их распространение. Два или три новых класса в средней школе — классы становились больше с каждым годом. Даже новое здание школы, с большой аудиторией и горячими обедами. Детский сад. Больше уличного освещения. Городская библиотека, работающая больше четырех часов в неделю и выписывающая другие журналы, кроме «Нешнл джиографик». Новая дорога в город — это требовалось согласовать и с округом, и со штатом. Для обеспечения всего этого нужно было бы повысить налоги, и он тоже этого хотел. И банк должен был бы выдавать больше кредитов.

Но главное: более чистая вода и более дешевое электричество. Если здесь не появится какая-то промышленность или бизнес, денег на улучшения не будет никогда. Владельцы ранчо никогда не заплатят: у них есть деньги только потому, что они очень скупы и платят за работу собственным сыновьям и дочерям. Только мельница в Олеме, электростанция «Эр-Си-Эй», небольшие розничные магазины… и, конечно, люди, которых округ нанял для расчистки дорог зимой, обрезки деревьев и вывоза сломанных веток. Когда-нибудь это все равно произойдет. Все улучшения, которые он предлагал, обязательно осуществятся. Но он

хотел увидеть их при своей жизни.

И, думал он, если мы не сделаем это сами, это сделают люди со стороны. Деньги со стороны, перекупщики земли, которых мы не знаем. Здесь не всегда будут молочные фермы.

Под ним, в темноте, мигали огни Донки-холла. «Надеюсь, вы сможете собрать пять долларов на призы, — подумал он. — Это непросто, антисемитские вы ослы. А потом ежегодное барбекю. Если бы я вступил в клуб, я бы мог управлять горчичной концессией или открыть киоск с мишенями и дротиками. Мы могли бы заработать двадцать долларов, чтобы поставить их на корову на конкурсе».

Подняв правую руку, он сделал непристойный жест в сторону Донки-холла. Любой, кто случайно взглянул бы в эту сторону, его бы увидел: шторы были откинуты и его силуэт освещала лампа в гостиной. Но ему было все равно. Напечатаю это на бланках, подумал он. Агентство недвижимости Рансибла и средний палец. «Всем спокойной ночи».

В одной из комнат на четвертом этаже Донки-холла, поближе к переносному электрическому обогревателю, сидели за столом, углубившись в бумаги, четверо членов правления клуба. Внизу,

в главном зале, остальные смотрели слайды о профилактике венерических заболеваний, которые один из членов клуба, отставной армейский майор, раздобыл в армии. Членами правления были: Джек Э. Вепп, президент клуба, Эрл Тиммонс, вице-президент и водитель грузовика, Уолт Домброзио, менеджер клуба и промышленный дизайнер, и Майкл Уортон, казначей клуба и учитель четвертого класса в средней школе. В последние несколько лет именно Уолт больше всего помогал с организацией Хеллоуина: он искал материалы для костюмов, помогал детям, подсказывал судьям оригинальные идеи. Но в этом году он отказался участвовать.

— Пусть сами делают костюмы, — сказал он, — уже пора.

— Если им не помочь, — возразил Уортон, — они просто наденут пластиковые костюмы из дешевых магазинов. Выбирать придется среди готовых костюмов, и победит тот ребенок, у родителей которого больше денег.

— Некоторые фермерши собираются шить, — сказал Вепп, — так что будут и оригинальные.

— А почему вы не хотите участвовать? — спросил Уортон у Домброзио.

— Мне теперь сложно сюда ездить. Вы же знае-

те, что я лишился водительских прав.

Все закивали.

— Очень плохо, — сказал Тиммонс.

— Да, — согласился Вепп, — чертовски суровое наказание. У этого подразделения вообще нет такого права по закону.

— Вы же подали апелляцию, Уолт? — спросил Уортон.

— Да, — коротко ответил Домброзио.

— Может, кто-то мог бы вас возить? — спросил Вепп.

— А как насчет вашей жены? — уточнил Тиммонс.

— Ей, наверное, надоело его возить, — сказал Вепп, — я постоянно вижу ее за рулем.

— Ей не надоело, — Домброзио пожал плечами, — но… я не свободен в своих действиях. Не могу приходить и уходить, когда захочу.

— Мы очень на вас рассчитываем, — сказал Вепп.

— Помните тот первоапрельской розыгрыш? — спросил Тиммонс. — Совершенно невероятный. Вы придумали.

Домброзио вспомнил.

— Вы придумали все эти коровьи костюмы, — сказал Вепп, — и этот новый пластик, как он

называется?

— Полиэтилен, — подсказал Домброзио, — на самом деле это затвердевший воск. Невероятно длинная молекула углерода.

— Никогда этого не забуду, — сказал Вепп, — это была самая смешная шутка за всю мою жизнь. И все попались, мы обманули целый город!

— Да, вышло неплохо, — согласился Уортон.

Нарядившись в костюмы коров, которые Домброзио изготовил в мастерской «Лауш Компани», члены правления клуба смешались со стадом на ранчо Фэйрчайлда. Они позволили загнать себя в доильный амбар, а затем, когда пришли дояры, стали с ними спорить. Это было весело и безобидно, и они отправились на следующее ранчо. А потом пошли в город и даже выходили на шоссе тормозить машины. Костюмы вышли невероятно детализированными. Одна из лучших работ Домброзио. Один из костюмов хранился в подвале Донки-холла, в постоянной исторической экспозиции.

— Слушайте, Уолтер, — сказал Вепп, — мне тут пришла в голову одна идея; она не имеет никакого отношения к клубу, но она по вашей части. Вы же знаете, что перепела летают стаями, штук по двадцать-тридцать? И если попасть дробью в

самую серединку, убьешь штук пять, а остальные разлетятся.

— Перепела в это время года очень жирные, — заметил Тиммонс.

— Так или иначе, — продолжил Вепп, — может, вы бы сделали для меня что-то вроде электрической ловушки? Пучок проводов, который бил бы током всю стаю, но не сжигал бы тушки. Какой-нибудь провод высокого сопротивления. Вам, с вашими способностями, это раз плюнуть.

— Нельзя заставлять Уолтера этим заниматься, — возразил учитель, — у него и без того достаточно проблем. А охотиться таким образом незаконно.

— Ничего подобного, — сказал Вепп, — и что вы имеете в виду под «этим»? Уолт не меньше других любит жирных перепелок на завтрак.

Он рассмеялся, обнажив золотые коронки.

— С меня достаточно проблем с законом, — ответил Домброзио, — только огромного штрафа за незаконную охоту не хватало. Я даже не уверен, что сейчас сезон.

— На своей территории всегда можно стрелять перепелов, — пояснил Вепп, — в любое время года. Для защиты урожая. Они ведь едят зерно и все такое. И даже овощи. Как вороны и сойки.

— Я мог бы это сделать, — сказал Домброзио. — Но не очень хочу. Мне такое неинтересно.

Все четверо помолчали.

— Трудно придумать, чем бы заняться, — наконец сказал Вепп.

— Мы могли бы пойти понаблюдать за птицами, — сказал Тиммонс и кивнул на учителя, — вместе с четвертым классом.

— Пособираем камни, — поддержал Вепп, — может, найдем какие-нибудь редкие окаменелости, или наконечники стрел, или другое индейское барахло.

Он ухмыльнулся, но Уортон ничего не сказал. Он смотрел в пространство, как будто ничего не слыша.

— Как ваша коллекция наконечников? — с нажимом спросил Вепп.

— Отлично.

— А камней?

Уортон только кивнул.

— А что с коллекцией крышек от молочных бутылок?

— Мне кажется, он ее забросил, — сказал Тиммонс.

— Но это очень важно, — запротестовал Вепп, — в крышечках от молока вся история Калифорнии.

Вы только посмотрите, сколько вокруг молочных ферм!

— Индейских, — хихикнул Тиммонс, — парных.

Он руками изобразил очертания женской груди.

— Давайте соберем коллекцию. Набьем чучела и поставим под стекло. Четвертый класс умрет. — Они с Веппом рассмеялись, и Уолт Домброзио тоже невольно улыбнулся.

— Слушайте, — сказал Домброзио, — Уортон. Помните эти индейские шила, которые у вас есть? Знаете, что я о них думаю?

Вепп и Тиммонс рассмеялись, предчувствуя шутку.

— Как вообще индейцы вымерли, если у их мужиков были такие приборы?

— Окаменевшие приборы, — развеселился Тиммонс, — они же дюймов по десять длиной. Настоящие мужчины, что тут скажешь.

Уортон ничего не ответил. Через некоторое время Тиммонс и Вепп устали его дразнить. Встреча успехом не увенчалась: они не смогли убедить Домброзио участвовать в празднике, поэтому не было смысла продолжать.

— Пойду вниз, посмотрю слайды про инфек-

ции. — Тиммонс встал. — Джек, вы со мной?

Они с Веппом ушли, оставив Домброзио наедине с учителем.

Вскоре Уортон сказал:

— Это очень плохо.

— Что плохо? — Домброзио стало немного стыдно за свои шутки. После ухода Веппа и Тиммонса они перестали казаться такими уж смешными.

— Вы очень творческий человек. Мне кажется, вы способны на большее, чем ловушки для перепелов.

— Ну, вы любите природу, — сказал Домброзио, — вы исследователь, ученый. Вы должны понять его точку зрения. В охоте нет ничего плохого, вы же едите баранину и говядину без всяких угрызений совести.

— Я не это имел в виду.

Уортон никогда не скрывал, что вступил в клуб для участия в гражданских инициативах, которые клуб иногда продвигал, но он не одобрял шумные шутки, которые так любили все остальные. Его неприязнь к Веппу была общеизвестна.

Но он сам говорил, что, если в клубе не будет людей, которым важны общественные дела, другие, вроде Веппа, превратят организацию в… что Домброзио от него как-то слышал? В прикрытие

для проката непристойных фильмов. Кинотеатр. Зал для мальчишников, вот и все. Курительную комнату. Уортон не мог держаться подальше от клуба, потому что боялся, что без него будет еще хуже. Он не мог спокойно оставаться в своей берлоге на Стейт-Фарм-роуд, среди тритонов и змей.

— Сколько платят учителям? — вдруг спросил его Домброзио.

— Пять двести в год.

— На руки?

— Нет, — ответил Уортон, — это до вычетов.

— И как вы умудряетесь на это жить?

— Иногда я подумываю плести корзины из тростника, лепить горшки и сковородки из глины и жевать желуди. Как индейцы.

— Они охотились и ловили рыбу.

— Я не против охоты. Если охотиться для еды, это хорошее и совершенно естественное дело. Мне не нравится Вепп, потому что охота доставляет ему удовольствие.

— То есть получать от охоты удовольствие — плохо? А убивать животных хладнокровно — нормально? — уточнил Домброзио.

— Знаете, чего я от вас хочу, — сказал Уортон, — чтобы вы раздобыли для школы несколько высокочастотных генераторов. И, может быть,

FM-тюнер. Кажется, в прошлом году я просил собрать нам осциллятор. Как с ним дела?

— Я начал, — виновато сказал Домброзио, — он в домашней мастерской. Где-то половина готова.

— Тогда у меня будет еще пара просьб.

— Я всегда готов помочь школе.

Уортон серьезно посмотрел на него:

— Тогда приходите и покажите четвертому классу, как работать с определенными материалами.

— Объяснить прямо детям? Как будто я учитель?

Ему не очень нравилась эта идея. Он нервничал и чувствовал себя очень застенчивым.

— Что за материалы?

— Новые пластмассы. Мальчики покупают модели лодок и самолетов, но там просто готовые детали, которые нужно склеить. Раньше там лежали дерево, папиросная бумага и все остальное, и работать надо было руками. А теперь все детали делает кто-то другой.

— Это правда, — согласился Домброзио, — зато подумайте о богатстве деталей с этим новым пластиком. Всякие мелочи вроде выхлопных труб.

— У вас прямо в Холле есть отливки, — сказал Уортон, — я видел их в кладовой.

— Но это гипс, а не модный пластик.

— Над чем вы работаете? Выглядит очень интересно.

— Так, ерунда, — сказал Домброзио. У него всегда было несколько любимых проектов. И теперь, лишившись водительских прав, он возился с ними еще больше.

— Это были ваши маски? Жесткие маски, которые надеваются на всю голову? Вроде тех ваших марсиан? Великолепная идея. Даже гениальная.

— Спасибо, — сказал Домброзио. Это воспоминание его грело.

Неподалеку от Дрейс-лендинг собиралась группа любителей летающих тарелок, состоявшая в основном из женщин среднего возраста и пенсионеров. В прошлом году в качестве клубного розыгрыша он сделал маски и костюмы инопланетян и даже муляж летающей тарелки, который Тиммонс привез на грузовике. Среди ночи они выгрузили свою тарелку из жести и пластика посреди овечьего пастбища. Надев костюмы и маски и вооружившись игрушечными бластерами, они вчетвером поднялись по ступенькам дома, в котором собиралась группа. Собрания там не было, зато спала женщина — руководитель группы. Они разбудили ее, издавая металли-

ческие скулящие звуки с помощью вибратора, который Домброзио вытащил из мусора «Лауш Компани».

— Вы это оценили? — спросил он Уортона. Ему всегда казалось, что Уортону не нравятся их трюки; что он полагает розыгрыши жестокими и несмешными. — Вы же говорили, большинство розыгрышей инфантильны. Как вы их назвали? Садизмом?

— Но это же любители летающих тарелок, — сказал Уортон, — я их презираю. Они это заслужили.

— Выходит, это исключение.

Впервые на его памяти учитель показал другую сторону своей натуры.

— Нормально разыгрывать людей, которые тебе не нравятся.

Уортон задумался.

— Дело в том, что они доверчивые. Они бы не повелись на обман, будь у них капля здравого смысла. Вы проверяли их способность оценивать реальность. Их научную позицию или ее полное отсутствие.

Прежде чем учитель сумел продолжить свою любимую тему, ценность науки в тренировке ума, Домброзио перебил его:

— А позвольте спросить. В истории науки случались фальсификации?

— В каком-то смысле можно рассматривать всю геоцентрическую картину мира как фальсификацию… Но вы имеете в виду что-то преднамеренное? Где было известно, что идея неверна? — Уортон нахмурился. — Я слышал, что советские ученые намеренно подделывали данные, чтобы их генетические теории казались правдоподобными. Восковые яблоки…

— А как насчет Пилтдаунского человека?

— Разумеется, — поморщился Уортон.

— Это очень интересно. Ведь так и неизвестно, кто это сделал?

— Если вы посмотрите статью в Британской энциклопедии, то обнаружите, что большинство авторитетных ученых сомневались в этой находке. Череп не вписывался ни в одну систему. Даже когда не было известно, что это подделка, он выглядел аномалией. Мозг как у современного человека, но челюсть шимпанзе.

— Но ведь так и было?

— Да. Автор мистификации соединил их, зная, что они не имеют отношения друг к другу. Это был сознательный обман человека, хорошо знакомого с предметом и очень искусного. Как вы,

наверное, знаете, подделку обнаружили только с помощью нового радиоуглеродного анализа.

— То есть это сделал ученый. Может быть, тот, кто нашел череп.

— Возможно.

— Но каков был мотив? — спросил Домброзио.

— «Найдите меня».

— Вероятно, он в конечном итоге намеревался сообщить, что это подделка? Не понимаю, какой смысл в розыгрыше, разгадку которого никто не узнает. Может быть, он собирался рассказать, но умер.

— Возможно, он устал от поиска подлинных артефактов останков каменного века. Моя теория такова… — Уортон махнул рукой. — Конечно, все уже знают, что я антиклерикал… Я не удивлюсь, если мы когда-нибудь узнаем, что череп Пилтдаунского человека был изготовлен священником, чтобы доказать, что все ископаемые останки — подделки. Он надеялся, что череп признают выдающиеся научные авторитеты его времени, чтобы потом рассказать всему миру, что он собрал его у себя на чердаке.

— Но почему он этого не сделал?

— На этот счет у меня нет теории, — признался Уортон, — возможно, он ждал, потому что не все

ученые признали находку. Ожидал всеобщего согласия, а оно так и не случилось. Он слишком долго медлил.

— А могут и другие черепа древних людей оказаться подделками? Неандертальцев и прочих недостающих звеньев?

— Их уже слишком много, — сказал Уортон, — их найдены сотни. После войны их находили в Африке, Израиле и Азии. Смешанные типы. Новые типы. Подтипы. Обезьяны, более развитые в некоторых отношениях, чем люди. Если вам интересно, я с радостью дам вам почитать несколько статей из «Сайнтифик Американ».

— Я помню, что читал о каком-то озере в Африке, где нашли самого первого человека.

— Находка Лики, — подтвердил Уортон, — самый старый известный нам череп человека, изготавливающего орудия труда. От шестисот тысяч до миллиона лет. Хорошо развитая обезьяна или плохо развитый человек, — он поднял указательный палец, — вот что интересно. Раньше считалось, что первобытные люди, вроде неандертальцев и Гейдельбергского человека, появились раньше Homo sapiens.

— А что, нет?

— Нашли черепа настоящих людей из куда

более ранних времен.

— Значит, люди существовали бок о бок с другими видами.

— Люди не произошли от них. Homo sapiens всего лишь один из множества типов. Мы не произошли от неандертальцев или еще кого-то. Наши предки могли с ними скрещиваться.

— Возможно, в жилах людей до сих пор течет кровь неандертальцев.

— Возможно.

— Значит, неандертальцы не были расой, — сказал Домброзио, — они были больше похожи на стадо, так сказать, выродившихся людей?

— Это мало что значит или ничего не значит. В любом случае они исчезли очень внезапно. И они, очевидно, жили на огромной территории, от Африки до Азии и Европы. Но не в Новом Свете. Ни в Северной, ни в Южной Америке черепов не находили.

— Интересно, — сказал Домброзио.

Снизу они услышали голоса и скрип стульев. Слайды об инфекциях закончились, люди расходились. Домброзио услышал, как заводят двигатели.

— Вас подвезти? — спросил Уортон. — Могу добросить вас до дома.

— Нет, за мной заедет Шерри.

— Ей не слишком сложно? Она пять дней в неделю проводит в городе. Чем она занимается?

— Общается со знакомыми, — Домброзио надел пальто, — ей все очень нравится. Это не такая плохая ситуация. Она ходит по магазинам. Ходит в кино. Была на нескольких лекциях о коммерции в искусстве. Раньше она хотела стать профессиональным художником.

— Может, она могла бы помочь с костюмами на Хеллоуин, — с надеждой сказал Уортон.

7

На первом длинном подъеме на гору Тамалпаис его жена осторожно включила нужную передачу, не сводя глаз с тахометра «альфы». Позади, далеко внизу, виднелся океан. Подняв глаза, он увидел лес, густые заросли секвойи и пихты и пожарную вышку на самой высокой вершине. В холодном туманном свете в половине седьмого утра вышка походила на маленькую металлическую орудийную башню. И вообще-то, тут есть ракетная база «Найк», подумал Домброзио. Может, это вовсе не пожарная вышка. Может, это радарная установка.

Поскольку ему не нужно было следить за дорогой, он мог любоваться пейзажем. Немного расслабиться и посмотреть по сторонам, даже обернуться и посмотреть на извилистую дорогу и океан. У него кружилась голова.

— Не поворачивай так резко, — сказал он.

— Шины даже не визжат, — возразила Шерри.

— Это непредсказуемая дорога со слепыми поворотами. — Он постоянно это говорил по дороге туда и обратно. Он нервничал, будучи пассажи-

ром. Его не устраивало, как водит жена, но он не мог понять, что не так. Она следила за тахометром, она не разгонялась слишком сильно, и, как она и сказала, не слышалось визга шин.

На спуске она сбросила скорость, переключив передачу, а не нажав на тормоз. «Я просто не люблю быть пассажиром», — решил он. Не имея возможности держаться за руль, он чувствовал, как его бросает при каждом повороте. Его мутило с первого дня, когда Шерри села за руль.

«Вообще-то, я должен быть благодарен», — подумал он. За то, что она вообще готова это делать. С самого начала, со дня суда, она возила его везде и не жаловалась. Как будто это была ее работа.

— Чем сегодня займешься? — спросил он.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты сегодня красивее, чем обычно. — Он заметил, что она надела один из лучших своих костюмов, темно-синий. Насколько он помнил, она надевала его только по особым случаям, в последний раз — на встречу с адвокатом.

— Я ищу работу, — сказала как ни в чем не бывало.

Ему стало холодно. Холодно и дурно.

— В смысле?

— Я ищу работу. Я все обдумала, и раз уж мне

приходится ездить в город каждый день и торчать там весь день, то почему бы мне не устроиться на работу.

Она не отрывала глаз от дороги и говорила совершенно спокойно.

— Какую работу?

— Посмотрим.

— Эта херня продлится еще четыре месяца, — сказал он, — потом тебе не нужно будет меня возить. Пока ты найдешь работу, половина срока уже пройдет. Нельзя же выйти на работу на два месяца.

— Думаю, что найду работу чуть раньше.

— А ты уже искала? — Он совершенно точно понимал, что да, конечно, она ищет работу. И до сих пор ничего ему не говорила. Вероятно, у нее хорошие перспективы. Или уже есть работа. Естественно, она выжидала. Зачем ей говорить ему? Ей плевать на его мнение.

— Да, искала, — сказала Шерри.

— А почему ты ничего не сказала? — Он заставил себя говорить спокойно. Он изо всех сил сдерживал эмоции, чтобы выглядеть таким же разумным, как она. — Мне кажется, было бы неплохо обсудить это со мной.

На это она ничего не сказала.

Не в силах молчать, он продолжил:

— А если мне эта идея не нравится?

— Нам пригодятся деньги. Скоро надо платить налоги за дом. И канализация обойдется дорого. И мы не все заплатили адвокатам. Я отозвала тот чек, я не говорила?

— Но ты же уволишься, когда мне вернут права?

— Я думаю, это будет зависеть от того, насколько хорошо пойдут дела на работе, — ответила Шерри.

— Принципиально я против того, чтобы моя жена работала.

— Ну… я все равно собираюсь устроиться на работу. Ты ведешь себя слишком агрессивно и властно, и мне не нравится твой тон.

— Я тебе не разрешаю.

Повернув голову, она на мгновение остановила на нем пристальный холодный взгляд и снова взглянула на дорогу. Раздельно сказала:

— Я больше не стану тебя возить.

Его захлестнули чувства, которые он был не в силах выразить. Он уставился на массивные секвойи. Впереди появилась машина, проехала мимо, провизжав шинами на повороте. Водитель взглядом оценил их машину.

— Странно, что американская машина способна пройти эти повороты, — сказал Домброзио.

— Я освободила ему дорогу, — сказала жена.

— Ты настаиваешь? — спросил он. — Чего ты хочешь? Я не могу понять. Что для тебя значит получить работу? Это как быть мужчиной?

Она ничего не сказала.

— Ты решила, что это ты носишь штаны, — сказал он.

— Почему это для тебя так важно? — спросила она. — Ты настолько не уверен в своей мужественности, что моя временная работа чем-то тебе угрожает. Кажется, ты чувствуешь себя неудачником в каком-то глобальном смысле.

— Если бы я умер, — сказал он, — ты бы устроилась на работу?

Это ее озадачило.

— Как — странно…

— Не устроилась бы. Потому что, если бы я умер, тебе не нужно было бы подавлять меня и соревноваться со мной.

Она резко рассмеялась, и ее лицо покраснело.

— Ты не в себе, — сказала она, — эта история с правами с ума тебя свела.

— Что бы ты делала? — настаивал он. — Если бы ты не была замужем за мной? Ты бы не устро-

илась на работу; тебе было бы плевать на работу. Это было бы последнее, о чем бы ты думала. Ты бы сидела дома… или сняла студию… и писала бы прекрасные картины. Великолепные картины. Как Пикассо.

— Спасибо.

— Ты бы снова жила за счет своей семьи. У тебя никогда не было работы. Ты никогда в жизни не работала. Когда я встретил тебя, тебя содержали родители. Если ты так хочешь работать, почему же ты тогда не работала?

— Как я могла работать? Я училась.

— Многие работают и учатся одновременно. — Он давил на нее, получая от этого несказанное удовольствие. — Я работал, когда мы познакомились. Я учился и работал, у меня нет богатых родственников.

Он почти кричал, но ему было все равно.

— Я знаю настоящую причину, почему ты меня не уважаешь!

— И почему же?

— Потому что я даже за миллион лет не смогу заработать столько денег, сколько тебе хочется. Как твоя семья. Ты думаешь, я должен быть в состоянии сделать то же, что и твой отчим. Ты сравниваешь меня с финансовым гением.

— Финансовый гений Уиллис, — горько усмехнулась она.

— Да. Так и есть. Ты считаешь, что совершенно нормально, чтобы мужчина владел сетью предприятий, которые приносят пятьдесят процентов прибыли каждый год. Боже мой, когда ты поднимаешься на этот уровень, деньги значат уже совсем не то, что они значат для нас. Это не способ покупать вещи. Это власть, власть в чистом виде. Ты думаешь, что я способен с ним соперничать? А ты понимаешь, что он начинал не с того же, что я? Вся его семья, его отец и его дед были инвесторами. Я еще не родился, когда они заработали капитал.

— Ты вечно об этом говоришь, — сказала она.

Не слушая ее, он продолжил:

— Уиллис поднялся так высоко, что для него уже даже закон не имеет значения. Такие люди сами создают законы. Они покупают адвокатов и судей из маленьких городков. Если не считать того суда из-за подоходного налога, где ему пришлось иметь дело с правительством, — за исключением этого, он может делать все, что захочет. И я должен соответствовать. Иначе я неудачник. Боже мой, когда им хочется нас увидеть, они садятся в самолет и летят сюда из Нью-Йорка. В любое

время. И снимают люкс в «Марке Хопкинсе». И у них есть адвокаты по всей стране.

— Тебе следовало бы воспользоваться услугами одного из адвокатов Уиллиса, — сказала Шерри, — тогда ты не потерял бы права.

— И это ты тоже ставишь мне в вину.

— Я ставлю тебе в вину то, что ты такой инфантильный. Когда он позвонил и предложил тебе услуги Адамсона и Роджерса, ты отказался. И вместо этого нанял какого-то новичка без связей.

— В том-то и дело. Важны только связи.

— В том, что касается законов.

— Ну и мир.

— Тебе придется к нему приспособиться, — сказала Шерри, — такова жизнь. Прекрати носиться со своей инфантильной гордостью. Она тебя уничтожит. Ты не выносишь, если кто-то успешнее тебя. Ты завидуешь. Ты терпеть не можешь Уиллиса, потому что он богатый, а ты нет. Ну… ты не настолько успешен, — добавила она и стала ждать его реакции.

«Да, — подумал он. — Я тебя услышал, а ты меня нет». Вслух он сказал:

— Да, я инфантилен, и тебе приходится говорить это вслух. Что ты считаешь, что я не состоялся как мужчина.

— Я считаю, что у тебя нет способностей к бизнесу, — осторожно сказала она, — если это означает не состояться как мужчина…

— В нашем обществе — да. Мужчина — охотник; мужчина приносит домой еду. То есть деньги.

— Выходит, если я устроюсь на работу, я буду конкурировать с тобой как с мужчиной. Я стану мужчиной.

— Да.

— И ты думаешь, что я этого хочу. Что это и есть моя цель.

— Да.

— А тебе не приходит в голову, — спросила она жестко и тихо, — что это все твои проекции? Что это существует только у тебя в голове?

Но он остался глух. Он слишком часто слышал это за годы брака. Он понял, что это единственный аргумент. Просто сказать, что это все в голове. Говорить, что он ничего не знает. Не приводит никаких доказательств, достойных мужчины, разумного человека, ученого. Что говорит мне моя жена? Что я неспособен принять иную реальность, кроме своей. И как я могу на это ответить?

Он в ужасе понял, что никак. Может быть, то, что она говорит, правда. Какой плохой, беспринципный, чисто женский аргумент, подумал он.

Как это жестоко по отношению к нему. Если только она не права. «О боже, — подумал он. — Ей нужно только согласиться. А она завершает разговор. Как я могу продолжать? Чем больше я говорю, тем злее становлюсь — это только доказывает, что она права. Что такого ужасного в том, что жена работает? Многие жены работают. Мужья остаются дома; некоторые из них кормят детей, моют посуду. Если это меня и унижает, то только потому, что я сам так решил.

Такая мелочь, — подумал он. — Она хочет устроиться на работу, ей в любом случае нужно ездить в город, и нам нужны деньги. Но я же знал, что это произойдет, — сказал он себе. — Я предвидел это. Значит, у моих страхов есть какое-то основание».

Он в панике подумал, что знает, что будет дальше. «Следующий шаг — чтобы она работала, а я оставался дома. Я знаю, что так и будет, и ничто не сможет этому помешать. Я уже близок к этому.

К этому она и стремилась с самого начала; потеря прав сделала меня беспомощным, отдала меня в ее власть».

— Ты действительно так поступишь? — спросил он.

— Как?

— Откажешься отвозить меня на работу? Если я не позволю тебе устроиться на свою?

Поразмыслив, Шерри ответила:

— Может быть, это поможет тебе понять, что в этом мире нужно не только брать, но и отдавать.

— Ради бога, о чем ты? — яростно выкрикнул он.

— Уолт, — спокойно ответила она, — ты же не можешь ожидать, что отдавать буду только я? А я даю и даю. И я не веду счет. У меня нет маленькой черной книжечки, куда я записываю свои добрые дела. Я никогда не жалуюсь на то, что мне приходится возить тебя каждое утро и торчать весь день в Сан-Франциско. Но я думаю, ты достаточно взрослый, чтобы понять, что ты должен что-то отдавать тоже. Иначе знаешь, что получится? Что ты ребенок, а я родитель. А брак — это союз равных.

— Ну и словечкам тебя научил твой гребаный психоаналитик.

— Хочешь, чтобы я остановила машину? — спросила она. И, увидев широкую обочину, она переключила передачу и съехала с дороги, остановившись в грязи.

— Я могу просидеть здесь все утро. У меня с собой книга, почитаю о стойких красителях.

Нагнувшись, она достала из-под сиденья огромный том в красной обложке. Сочетание книги о красителях, государственного парка Тамалпаис, припаркованной на обочине машины и шести сорока пяти утра оказалось для него слишком. Он начал смеяться, и через мгновение Шерри тоже улыбнулась.

— Зачем мы ссоримся? — спросила она и отложила книгу. — Мы же любим друг друга. Правда?

Конечно, он испытывал к ней определенные, довольно сильные чувства. В своем синем костюме, свежая, с гладкой кожей, подкрашенными бровями и ресницами, она была очень хороша. Никто не мог этого отрицать. Его руки так часто касались ее в прошлом, что теперь одного взгляда на нее было достаточно, чтобы вспомнить те ощущения; его ладони, пальцы и плечи, вся его кожа зудела от желания прикоснуться к ней. Его тело привыкло к этому благодаря огромному опыту. Среди всех его реальностей эта была в некотором роде наиболее реальной.

— Никакой любви здесь, — велела она, когда он потянулся к ней, сдерживаемый ремнем безопасности, — пристегнись.

Это была их внутренняя шутка, рискованная шутка, которую не понимал больше никто на

земле.

— А потом? — спросил он и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Ну, если ты хочешь заниматься любовью с женщиной, чья главная цель — унизить тебя и стать мужчиной.

Услышав это, он снова ожесточился, но постарался скрыть это от нее и говорить нежно.

«Я сделаю все, что смогу, — сказал он себе. — Чтобы удержать тебя там, где тебе место: в моем доме, в роли моей жены. Я буду бороться до самого конца. — Глядя на ее прекрасные ноги и лодыжки, он подумал: — Во всем. Я буду бороться везде, где у меня будет шанс победить».

— Давай вернемся на дорогу, — сказал он и нежно коснулся ее ноги под коленом, там, где была особенно нежная кожа. Она задрожала и невольно отдернула ногу.

— Ты выглядишь таким довольным, — сказала она, — быстро ты оживился.

Улыбнувшись ему, она завела двигатель и снова выехала на дорогу.

Вечером дома он услышал, как она говорит по телефону в спальне. Она закрыла за собой дверь, но он точно знал, что она говорит по телефону; ее голос в такие моменты становился еще более

твердым и непреклонным. Она не говорила громче или медленнее, просто в голосе появилась властность, как будто она звонила сантехнику или стоматологу: кому-то, кому она платила за услуги. Это она звонит, размышлял он. Ей не звонят.

«Что бы это ни было, — подумал он, — этим обязан заниматься я. Как в тот раз, когда она позвонила Арбарту насчет ремонта. Она снова меня опережает».

Когда она вышла, он спросил:

— С кем ты говорила?

— С отчимом, — ответила Шерри. В руке у нее были карандаш и блокнот; сев на подлокотник дивана, она закинула ногу на ногу, разгладила юбку и стала разглядывать запись в блокноте.

— Как у них дела? — спросил он наконец. — Твоя мать уже восстановилась после отслоения сетчатки?

— Почти. Это всегда очень долго.

— А как твой брат?

— Все хорошо. И у детей тоже. Спрашивают, почему мы не пишем.

— Хорошо.

— Уиллис спрашивал о тебе. Я сказала, что ты на улице, потому что знала, что ты не захочешь с

ним разговаривать.

— Это правда. Да и как я бы мог захотеть… раз ты не сказала мне, что собираешься позвонить. Ты, случайно, не знаешь, сколько стоит звонок?

— Нет, — ответила она уверенно.

— Зачем ты ему звонила?

— Хотела спросить, знает ли он кого-то в Бэй-Эриа. Там может быть интересная работа.

— И что сказал Уиллис?

— Сказал, что знает три или четыре фирмы. Он с ними свяжется и позвонит мне, завтра или послезавтра.

— А тебе не приходило в голову пойти в агентство по трудоустройству самостоятельно? А не просить отчима?

— Нет. В любом случае это была твоя идея.

— Моя?

— Ты сам сказал, что мне нужна работа немедленно, иначе она не будет иметь смысла. Поэтому я позвонила ему.

Она встала и ушла из гостиной обратно в спальню, закрыв за собой дверь. Вскоре он услышал звук ее голоса, она снова звонила кому-то.

На этот раз он встал и подошел к двери, чтобы подслушать. Довольно долго он слышал только бессмысленные обрывки фраз. Напрягая слух, он

наконец с огорчением понял, что она разговаривает с кем-то из местных. Он услышал, как она набирает номер, а со своего телефона они могли вызывать только абонентов из Каркинеза и Стинсон-Бич. Она уточнила, когда пройдет следующее собрание Ассоциации садоводов Каркинеза, где она и несколько ее подруг покупали цветы и саженцы.

Чувствуя себя сбитым с толку и подавленным, он вернулся в гостиную к шумному телевизору. Телевизор его отвлекал. Смотря телевизор, он мог на время забыть о своих проблемах. Он не просвещал его и не улучшал его, ничему не учил и даже не развлекал. Но расслаблял, как теплая ванна. И этого было достаточно. Больше к концу дня он ничего не хотел. Таким образом он готовился к полноценному сну, это был промежуток между жизнью и кроватью.

Ближе к концу недели его вызвал к себе босс, Норм Лауш. Домброзио стоял у стола, как можно медленнее снимая рабочий комбинезон. За несколько лет работы в компании он почти не встречался с самим Нормом. У этого человека были и другие предприятия, и он успевал заниматься всеми. Любимым его проектом, кажется, была торговля автодомами. Много лет назад

он спроектировал потрясающий интерьер для жилых трейлеров, и один из крупнейших производителей его купил. Его собственная фирма делала всю внутреннюю отделку, специальные столы, полки и шкафы — все, кроме оболочки, самого трейлера. Первые деньги он заработал именно этим бизнесом.

Говорил он очень мягко, и его сложно было расслышать. Голос был не высокий и не низкий. Он курил тонкие черные сигареты длиной с сигару, которые привозил с Филиппин. Каждый раз, когда Домброзио видел его, Лауш был в костюме цвета индийской керамики, красновато-коричневого, и тяжелым на вид, как войлок. У него были красивые бледные руки с ухоженными ногтями и широким золотым обручальным кольцом. Всегда загорелый — он пользовался домашней инфракрасной лампой, — с приятными светлыми глазами.

В те несколько раз, когда Домброзио говорил с Лаушем, он не смог раскусить этого человека. Он общался в обманчиво приветливой манере, со всем соглашаясь, внося предложения, но в результате уклоняясь. И все же он управлял компанией. Он управлял ею через других людей, с которыми и имели дело Домброзио и другие конструкторы

и рабочие: сам Лауш то приходил, то уходил. Его всегда было трудно поймать. По-видимому, этого он и хотел.

«Зачем я ему нужен?» — думал Домброзио, идя по коридору с потолком и стенами из целлотекса, мимо закрытых дверей с надписью «НЕ ВХОДИТЬ». Разумеется, ему не хотелось идти. Для этого не было конкретной причины, но сама ситуация тревожила. Он чувствовал, что любой наемный сотрудник, чьи средства к существованию полностью зависят от доброй воли другого человека, босса, должен нервничать, когда его зовет к себе этот босс.

У двери он остановился, чтобы подготовиться к разговору, и постарался успокоиться, насколько это возможно. Затем он открыл дверь кабинета, прошел мимо секретарши и постучал во вторую дверь из полупрозрачного стекла.

— Войдите, — раздался голос Норма Лауша.

Он открыл дверь и вошел.

Лауш сидел, закинув одну ногу в черном «оксфорде» на стол, и расчесывал волосы на лодыжке карманной расческой. Увидев Домброзио, он убрал расческу в кожаный футляр и сунул в карман.

— Привет, Уолт, — сказал он, — присаживай-

тесь.

Домброзио сел в кресло. Ему не хотелось шутить, и он не ответил.

— Как дела у Хуана Фанхио? — спросил Лауш с дружелюбным смешком.

— В последнее время не гоняется, — ответил Домброзио.

— Можно плавать на яхте. Выходите из той бухты у вашего городка… как его, Каркинез? Плывете вдоль побережья, через Золотые Ворота, и причаливаете прямо здесь, у пристани. Набережная Сан-Франциско — это один из лучших портов мира. Остаток пути можно доехать на такси. Сколько времени это займет?

— Весь день, — сказал он.

— Да, но зато на бензин тратиться не придется. Есть же парус.

Домброзио наконец рассмеялся. Они оба рассмеялись. Это была забавная идея и хорошая шутка; Домброзио оценил и ее, и стоявшие за ней чувства. Его босс сочувствовал его положению. Шуткой он дал Домброзио понять, что он знает о его проблеме, что не осуждает его, что желает ему всего наилучшего.

И все это он высказал, не смутив его, а, наоборот, успокоив.

— Если будет шторм, — сказал Домброзио, — меня может унести в другую сторону. В Японию.

— Ну, у нас работает один из их конструкторов. Ленд-лиз.

Норм Лауш, казалось, не торопился приступать к делу. У него было полно времени.

— А вы видели, что мы с Куинном придумали для той конторы, которая делает лотки для кошачьего дерьма? — спросил Домброзио.

— Ах да. «Кэтти клозет». Но тут надо быть осторожнее, посмотреть, что делают Ex-M — Co.

Мгновение он не мог сообразить, о чем речь, но потом вспомнил — они выпускали «Джонни Кэт», впитывающий состав для кошачьих лотков. Его упаковка была восхитительна, ни единой неприятной коннотации даже в надписи, но все же было вполне ясно, что там внутри. Как сказал Боб Фокс, когда они впервые увидели эту картинку: «У изображенного тут кота не может быть задницы». Коробку разработала другая компания, не их, а «Лауш Компани» все еще не придумала ничего подобного для своего клиента, «Кэтти клозет».

— Конечно, — сказал Домброзио, — «Кэтти клозет» делает сами лотки, а не наполнитель. Так что это не конкуренция. Люди будут сыпать «Джонни

Кэт» в «Кэтти клозет».

— Или «Китти Литтер». Моя жена покупает его.

— А почему? Вы в курсе?

— Она считает, что «Джонни Кэт» звучит вульгарно. Потому что на каком-то жаргоне слово «джон» означает «туалет».

— Но что в этом вульгарного? Они даже пишут это слово не совсем так, как имя!

— У нее есть брат по имени Джон. Ей не нравится, когда имена так используют.

— Значит, мы не можем учитывать ее мнение, — сказал Домброзио.

— Еще один момент, — заметил Лауш, — этот их состав можно использовать как универсальный абсорбент, не только для лотков. Чтобы собирать разлившийся жир… что еще? Для мульчирования почвы. Для мусорных баков. А для чего еще можно использовать лоток? Надо обыграть это на упаковке.

— Наша коробка должна была бы обыграть это.

Пытаясь припомнить буклеты компании, Домброзио предположил:

— Насколько я помню, лоток сделан из резины и его можно использовать как кювету. Для проявки пленки и отпечатков.

— Маловато, — сказал Лауш.

— Наверняка есть еще много способов применения большого плоского резинового поддона. Он не гнется и не складывается, из него не выливается жидкость.

— То есть это была бы хорошая кювета, если бы фотографу вдруг захотелось с ней прогуляться. — Лауш сцепил руки перед собой. — Послушайте, старина. Угадайте, кто сегодня явился сюда в поисках работы.

— Моя жена, — сказал Домброзио. Его сердце на мгновение остановилось.

— Именно. Ваша благоверная.

Лауш достал из стола карточку и бросил ее перед Домброзио.

Красивым разборчивым почерком, который он так хорошо знал, было написано:

ДОМБРОЗИО, МИССИС ШЕРРИ Р.
Пол _ж_ Возраст _31_ В браке _да_
Раса _б_ Вероисповедание _п_

Вертя в руках карточку, Домброзио понял, что не в состоянии прочитать ничего, кроме первых строк. Остальное расплывалось, но он делал вид, что внимательно прочитал все. Потом он снова положил карточку на стол.

— И когда она была тут в первый раз? — спросил он.

— На прошлой неделе. — Лауш ткнул в дату заполнения карточки.

— А я тут был?

— Нет. Она пришла искать вас, ближе к концу дня. Я случайно столкнулся с ней в приемной, и мы разговорились.

— Чья это была идея? — спросил он. — Чтобы она устроилась на работу?

— Наша общая. Она ждала вас — я не знаю, где вы были. Может, что-то покупали. Это был четверг.

— Не помню уже.

— Она разглядывала нашу выставку. Я раньше уже говорил с ней пару раз. У нее ведь есть степень в области коммерческого искусства? И она работала с металлом и кожей — она показала мне пару ремней своей работы. И серьги.

— Она работает с разными материалами, — сказал Домброзио.

— И весьма неплохо.

— Очень хорошо.

— Хотите узнать, какую работу я думаю ей предложить? — спросил Лауш.

Глубоко вздохнув, он сказал как можно ровнее:

— Конечно.

— Опять же, это была отчасти ее идея, отчасти моя. Во-первых, у нее нет настоящего опыта. Ничего, что дало бы ей право на вашу работу. Она не сделала ничего оригинального даже в своей области, а это всего лишь рукоделие. Вы не возражаете, если я буду полностью откровенен?

— Разумеется.

— И она ничего не знает о нашем бизнесе. Очевидно, многое из того, что она знает, она узнала от вас. Я сказал ей, что у нее, вероятно, нет таланта, по крайней мере в тех областях, которые могут быть нам полезны. Она осталась совершенно спокойна. Кажется, у нее нет иллюзий на этот счет. Это не какой-нибудь мечтательный юноша, только что окончивший художественную школу, который пытается устроиться на работу промышленным дизайнером. Честно говоря, старик, мы бы взяли на работу не ее талант, а ее личность.

Домброзио посмотрел на него.

— Я поясню, — добродушно сказал Лауш, вытянул руки, сцепил их за головой и откинулся назад, — в ней много шика. Одежда, манера говорить. Она падчерица Уиллиса Шермана, да?

— Вы знакомы с Уиллисом Шерманом?

— Нет, — сказал Лауш, — я вообще о нем не

слышал, пока она не упомянула его. Она показала мне статью о нем из какого-то журнала. Кажется, он живет в каком-то знаменитом доме в… как его там?

— Тенафли, — сказал Домброзио, — Нью-Джерси. Он богат. У семьи куча денег на протяжении нескольких поколений.

— В этом журнале была статья на три страницы. Фотографии интерьера. Мебель.

— Это не журнал, это иллюстрированное приложение к газете, — пояснил Домброзио, — я видел эту статью, она вышла в пятьдесят третьем.

— Вам не кажется, что газеты редко отводят три страницы под фотографии чьего-то дома?

— Там был регулярный воскресный раздел с интерьерами Нью-Йорка.

— Но там публиковали не любые дома.

— Нет. Только выдающиеся.

Лауш задумчиво поскреб календарь на своем столе.

— Видите ли, ваша жена умеет говорить об искусстве; она умеет общаться с конструкторами, с нами. Она из обеспеченной светской семьи… вам ли не знать. Это сразу видно. Дело не в том, что она красива. У нас есть секретарша с, извините за выражение, отличными буферами. Но посмотри-

те на нашу выставку. Мы производим упаковки и ставим их в витрины. Мы приглашаем сюда клиентов, чтобы оценить реакцию потребителей. Но мы должны поговорить с клиентами; мы должны уговорить их купить упаковку. Мы должны заняться продажами. И мы пытались делать это сами. Но мы этого не умеем. Но и обычных продавцов мы нанять не можем, это совсем не то.

— И сколько вы готовы ей платить?

— Не так много. Это своего рода эксперимент. Хотите знать, как у меня возникла эта идея? Помните эти викторины на телевидении, шоу с большими деньгами, всякие «Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов»? Я читал статью про девушек, которые там работали. Вызывали участников. Статья была про то, что с ними стало, когда викторины закрылись. И я подумал, что нам нужно что-то подобное в нашем бизнесе. Кто-то, кто, так сказать, приведет клиента. Вы меня поняли? — Он махнул рукой. — Знаете, как стюардессы в авиакомпаниях. И чтобы при этом человек мог рассказать о технических аспектах. О красителях. О ценах. Не просто цыпочка с хорошей фигуркой, а кто-то поумнее. — Он говорил спокойно и мягко.

Домброзио едва его слышал.

— Я ясно выражаюсь? — спросил Лауш. — Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вы обсудили с ней это. Вы рассказали ей, чем она будет заниматься?

— Разумеется. Разумеется, я это сделал. Конечно, ее больше интересует серьезная работа; она хочет надеть халат и начать разрабатывать упаковки для молока. Но в этом мире не всегда получаешь то, что хочешь. Честно говоря, я не думаю, что она может создавать оригинальные вещи, но, может быть, я ошибаюсь. Вы, вероятно, знаете лучше меня. Вы знаете ее работу. Что вы думаете?

Он пожал плечами.

— Трудно говорить о собственной жене, — согласился Лауш, — ну, я не буду на вас давить. В любом случае я не могу дать ей эту работу; все, что я могу предложить, — то, о чем я только что рассказал. Очевидно, это не совсем то, что она хочет. Но она будет работать с конструкторами, с творческими людьми. И она могла бы попробовать сделать несколько набросков, если захочет.

— Она говорила, что я думаю о ее работе, — спросил Домброзио, — о том, что она пришла сюда?

— Она сказала, что вы с ней работали над чем-

то дома. Что вы считаете ее талантливой. Она показала мне некоторые наброски, которые вы с ней делали вместе в свободное время. Корпус автомобиля из стекловолокна. Я знаю, что вы оба интересуетесь спортивными автомобилями; вы ведь водите итальянскую машину. Или водили.

Некоторое время он не мог понять, что Лауш имеет в виду, но потом вспомнил, что несколько лет назад, когда вышел «шевроле корветт», они с Шерри сделали несколько набросков тушью, изобразив похожий спортивный автомобиль. Но это же была игра. Он даже не сохранил эти наброски. Это было что-то вроде «машины мечты», которую рисует любой школьник, когда учится рисовать. Автомобильные журналы публикуют по двадцать таких рисунков в месяц и награждают авторов бесплатной подпиской.

— И это все, что она вам показала, — сказал он, — все, что у нее было из набросков.

— Плюс ее ремни. И сандалии.

Домброзио подумал: и никаких подвесных скульптур. Странно, что она не принесла свои скульптуры из коряг. Какой невозможный мир, подумал он. Мир, в котором женщина могла продать твердолобому бизнесмену что-то подобное. Убедить его, что чего-то достигла, показав пару

рождественских подарков и безделушек. Ну, не считая изысканного выговора, дорогой одежды из «Маньина» и трехстраничной статьи в газете семилетней давности с фотографиями богатого дома из Тенафли, штат Нью-Джерси. Причем его хозяин не в том бизнесе, что Лауш, Лауш никогда о нем не слышал и уж точно никогда с ним не встретится и не будет иметь никаких деловых отношений. Она просто знает… пароль, подумал он. У нее есть то, что заставляет распознавать ее как свою с первого взгляда.

Шерри сумела его впечатлить. Он ясно видел это в своем воображении: его жена входит в контору, здоровается с Лаушем, с конструкторами, отпускает пару остроумных замечаний об их работе. Ходит по зданию, перекинув пальто через руку и вызывая у всех благоговение. Особенно у Норма Лауша, который курит филиппинские сигареты и сделал деньги на автодомах.

Порода, подумал он. Порода всегда побеждает.

— Она хорошо воспитана, — сказал он вслух.

Норм Лауш довольно закивал.

* * *

Когда Шерри приехала за ним вечером, он сказал ей:

— Значит, ты хочешь работать здесь.

Никого больше не было; остальные ушли домой. В здании остался только уборщик. Домброзио стоял через стол от жены.

— Не знаю, — сказала Шерри, — я думала об этом. Прикинула, что, раз уж я ищу работу, неплохо было бы оставить заявку здесь.

Она не смущалась и не нервничала, она выдержала его взгляд абсолютно спокойно. По крайней мере, подумал он, она хорошо владеет собой.

— Почему ты мне не сказала? — спросил он.

— Я сказала. Пока мы ехали домой.

— Когда?

— В тот день, когда я оставила заявление.

— Нет. Ты не говорила.

— Сказала, совершенно точно. Мы разговаривали, пока шли через Ван-Несс к машине.

— И что я ответил?

Она пожала плечами.

— Ничего определенного. Ты, кажется, думал о какой-то своей работе. Боб Фокс прошел с нами часть пути. Вы с ним говорили про аэрозоль от моли. Я даже это помню. А ты не помнишь? У тебя, наверное, еще ухудшилась память. Или ты помнишь только то, что хочешь помнить.

Она понял, что она идет в атаку.

«Я никогда не узнаю, что она сказала», — подумал он. Возможно, она что-то сказала; или, может быть, она вообще ничего не сказала, а сейчас просто врет. В любом случае у нее получилось отлично: что бы она ни сказала, он не обратил внимания. Это не привлекло его внимания. Они переходили оживленную улицу; он думал о другом, с ними был кто-то третий, он устал от дневной работы. Возможно, было очень шумно.

Но какое это имеет значение?

— Возможно, ты соблюла букву закона, — сказал он с трудом, — но не дух.

— Какого еще закона?

— Закона, — ответил он, — который регулирует отношения между порядочными людьми.

Она насмешливо приподняла брови. На лице ее была написана неприязнь.

— И что это за люди?

— Люди, которые ведут себя по совести.

Не в силах сдерживать презрение, она язвительно ответила:

— Не смеши меня. Правда, не смеши. — Она взяла пакеты, которые положила на его стол, развернулась и ушла.

Он рванулся вслед, схватил ее за плечо и развернул. Один из пакетов упал на пол, послышался

звон разбитого стекла.

— Иди к черту! — сказала она сквозь сжатые зубы и прищурилась. — Это, кажется, пятнадцатидолларовый флакон «Шанель номер пять», а из-за тебя я его разбила!

Он выбил остальные пакеты из ее рук, они разлетелись в разные стороны. Она на мгновение распахнула глаза, а потом снова прищурилась, на щеках выступили дикие темные пятна. Румянец ненависти. Раньше он видел его только один раз. Его рука мелькнула так быстро, что он не успел уследить. Она ударила его. Он перехватил ее запястье, сжал пальцы. В ответ она пнула его острым, твердым носком туфли из «Маньина». Ему стало больно, и он отпустил ее. Его пальцы разжались сами собой. Она тут же отступила назад, сдержанная и осторожная. Она смотрела на него напряженно, но без сильных эмоций. Ненависть исчезла.

— Ты все испортил, — сказала она спокойно, — все мои вещи. Можешь вернуться в Каркинез пешком. Я тебя не повезу.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из мастерской, захлопнув за собой дверь. Он услышал стук ее каблуков. Она дошла до лестницы, спустились по ней. Шаги затихли.

«Я мог бы догнать ее», — подумал он.

Он побежал за ней. Внизу, около двери на улицу, рядом с Шерри стоял уборщик, пытаясь нашарить в кармане ключ. Увидев Домброзио, он спросил:

— Вас тоже выпустить?

— Нет, — ответил Домброзио.

Шерри не посмотрела в его сторону, она ждала спиной к нему, пока уборщик не открыл дверь и не придержал ее. А потом вышла на темную вечернюю улицу и исчезла. Уборщик снова замахал метлой.

Какое-то время он стоял на месте и смотрел на машины и наконец увидел, как мимо пронеслась красная «альфа ромео».

Она направлялась домой. Назад, в округ Марин и Каркинез.

Она действительно так поступит, понял он. Бросит меня здесь.

Вернувшись в мастерскую, он изучил раскиданные пакеты. Из некоторых текла жидкость, и он чувствовал тяжелый густой запах духов. Взяв тряпки, совок и ведро, он принялся за уборку. Ближе к концу вошел уборщик, увидел, чем он занят, и помог.

Убрав беспорядок и оставшись в одиночестве,

он сел за стол. Наполовину готовая модель флакона для дезодоранта походила на разрушенную башню, стены которой клонились внутрь. Он машинально поковырял металлическую стружку.

«Если она хочет работать здесь, — подумал он, — она будет работать. Возможно, я никогда не пойму причин, которые ее к этому побудили; я прав в некоторых отношениях, но, несомненно, неправ в других. В любом случае она не была честна со мной. Она тоже это знает. Где-то в глубине души. Вот почему она так разозлилась».

Предположим, она поработает здесь некоторое время, а что потом? Она постепенно станет полноценным конструктором? Будет ли она точно так же стоять за кульманом, выполняя ту же работу? Или ей нужно занять его рабочее место? А ему — уйти отсюда?

А если так, то будет ли она счастлива? — подумал он.

В соседней кофейне он зашел в телефонную кабинку, кинул в автомат монетку и набрал номер и принялся изучать стаканы, составленные в шкафу за стойкой.

— Алло, — ответил незнакомый женский голос.

— Я могу поговорить с Чарли Хэлпином?

Он попытался вспомнить, женат ли Чарли. Кажется, когда-то давным-давно он в шутку упомянул какие-то семейные проблемы.

— Погодите минуточку, — тихо сказала женщина, — я схожу за ним.

— Спасибо.

Через некоторое время телефон звякнул, и он услышал медленное, подозрительное «алло» Чарли.

— Это Уолт Домброзио, — сказал он.

Голос тут же стал дружелюбным.

— Привет. А вы же в курсе, что ваша жена буквально на днях завозила ко мне вашу маленькую «альфу»? Я настроил часы.

— Слушай, — сказал Домброзио, — я застрял в городе. Я не смогу вернуться домой сегодня вечером, — он сделал паузу, — я могу заскочить к тебе ненадолго?

Он не понимал, чего хочет. Он просто хотел куда-то пойти. Быть с кем-то.

— Я мог бы купить что-нибудь на ужин. Или ты уже ел?

Долгая, долгая пауза.

— Ну тут ведь как, — сказал Чарли, — не знаю, захотите ли вы к нам, — он говорил все еще дружелюбно, но куда осторожнее и формаль-

нее, — мы только переехали в нашу маленькую квартирку. Не то что ваш дом. Всего пара комнат. В Хайесе.

— Это прекрасно, — сказал он.

Но он понял, что ему отказали. Ошибиться было невозможно. А теперь что?

— Всего на несколько минут. На стаканчик.

Как будто не слушая его — казалось, их мысли шли параллельными курсами и не пересекались, — Чарли продолжил:

— Мы еще не ели, и вы, конечно, можете поужинать с нами. Но вам негде будет остаться, мы красим гостиную. — Он принялся рассказывать подробности, но Домброзио едва слушал, продолжая смотреть на стаканы. Женщина в пальто ждала своей очереди к телефону.

— В общем, я возьму бутылку и приду, — сказал Домброзио, — «Джим Бим» подойдет?

— Я за вами заеду, — ответил Чарли, — только скажите куда. И покупать ничего не надо, у нас все есть, — он сделал паузу, — если что, у нас тут еще пара человек. Небольшая вечеринка. Ничего особенного.

— Отлично, — согласился Домброзио, объяснил адрес и повесил трубку.

Выйдя из кофейни, он увидел красную «альфа

ромео» у обочины дороги. Мгновение он тупо смотрел на машину, ничего не понимая. И только когда Шерри заговорила с ним, он осознал, в чем дело.

— Я все обдумала, — сказала она ровным бесстрастным голосом, — мне показалось неэтичным оставлять тебя здесь. Как бы ты ни обошелся со мной. Я несколько раз объехала квартал и вернулась, — протянув руку, она открыла дверь с его стороны, — ты ушел, но уборщик видел, куда ты делся.

— Я только что позвонил Чарли Хэлпину. Он приедет и заберет меня.

— Нестрашно, — сказала Шерри, — я подожду с тобой, и, когда он приедет, я объясню, что ты думал, что я забыла о встрече, но нашлась сразу после звонка. Ты ведь не рассказывал ему подробности? О нашей ссоре?

— Нет.

Она выключила двигатель и фары.

— Надеюсь, он скоро приедет. Без обогревателя я замерзну, — она подняла верх машины, — мне придется купить все снова. Ты не посмотрел, уцелело ли что-нибудь?

— Нет.

— Просто все выбросил.

Он кивнул.

— Ну, это было примерно шестьдесят пять долларов. Потому что ты не можешь себя контролировать; потому что ты ведешь себя как ребенок и устраиваешь истерики. — Сидя рядом с ним в темноте, она продолжала спокойным, почти бесцветным голосом.

Он ничего не отвечал. Он слушал.

— Я не знаю, хочу ли я работать с тобой. Я понятия не имею, как ты себя поведешь. Говорят, мужу и жене нельзя работать вместе. Ты наверняка будешь отвергать все мои предложения. Просто потому, что они исходят от меня.

«Я не сдамся, — сказал он себе. — Я продолжу борьбу. Но я знаю, что это безнадежно».

Показались фары старого «кадиллака» Чарли.

— Хочешь, я поговорю с ним? — сказала Шерри. — Я поговорю. Ты совсем устал, малыш.

Похлопав его по руке, она открыла дверцу и вышла, набросив пальто на плечи, очень деловая и уверенная. Не оглядываясь и не говоря ни слова, она подошла к «кадиллаку». Домброзио не слышал ни слова, их голоса заглушали проезжавшие машины. Через мгновение «кадиллак» уехал. Он мельком увидел человека за рулем и еще двоих на заднем сиденье — дружелюбные, радостные

темные лица. Все они помахали ему, и Чарли нажал на гудок.

Сердце ныло. Он сидел и ждал, когда вернется жена.

8

На рассвете у Лео Рансибла зазвонил телефон. Это была компания по продаже недвижимости в Сан-Рафаэле, которая сообщила, что мистер и миссис Дитерс намереваются внести деньги. При этих словах он ощутил дрожь радости, чувство выполненного долга, которое придавало его бизнесу хоть какое-то благородство. Он закрыл сделку. И депозит, как сообщила ему компания по продаже недвижимости, был за больший из двух домов, которые рассматривали Дитерсы.

«Два за вчера!» — подумал он, вешая трубку. Плюс это. То есть, по сути, три за один день. Три сделки закрыты, бах-бах-бах. Вот так.

Его пять процентов… он начал подсчитывать, смакуя цифры. Отлично, подумал он. Получилось две тысячи долларов. Неплохо, совсем неплохо. Вернувшись в спальню, он разбудил Джанет.

— Эй, — сообщил он, — у меня новости.

Когда они оделись и начали готовить завтрак, Джанет спросила его, что он собирается делать с деньгами. Они могли бы вложить их в ремонт, сказала она. Покрасить фасад, сделать новые

водостоки и… У нее было много идей.

— Слушай, — перебил он, — эти деньги уже распределены.

— Конечно нет. Ты же сказал, что совершенно не ожидал их получить.

— Конечно, — мрачно сказал он, — отремонтируй этот дом. Выкинь деньги и обогати какого-нибудь подрядчика. Давай позовем продавца сайдинга и закажем алюминиевую обшивку за четыре тысячи долларов.

Он сердито посмотрел на нее, и она отпрянула, не глядя ему в глаза и теребя пояс халата.

— Этого тебе надо? — требовательно спросил он. — Выкинуть деньги? Ну давай купим спортивный автомобиль, как у Домброзио. Поживем на полную.

— А что ты хочешь сделать с деньгами? — дрожащим голосом спросила она.

— Дело не в том, чего я хочу. Дело в том, что я должен сделать. Послушай меня, пожалуйста. — Он сел за стол и сунул тост в тостер. — Когда у тебя появляются деньги, их нужно инвестировать. Ты меня понимаешь? Умный человек вкладывает свои деньги в дело. Я тебе это уже говорил. Я скажу тебе, во что я собираюсь вложиться. С этими двумя тысячами я могу внести первый платеж за

ту дикую территорию на горе.

— Землю Джанкуззи? — переспросила жена.

— Да.

— Ты собираешься заняться этим без Пола?

— Да кому он нужен. Мне не нужно делить территорию на участки сейчас. Важно заполучить эту чертову землю, пока не вмешался какой-нибудь не местный придурок и все не испортил.

— Сколько нужно денег? — напряженно спросила она.

— Около шести с половиной, — он пожал плечами, — я справлюсь. Не будем обманывать себя, я бы осилил эту сумму в любой момент. С продажей Дитерсам или без нее.

В конце концов, они еще могли передумать и потерять свой депозит. Но они этого не сделают, решил Рансибл. Не те люди.

Он ощущал торжество. Наконец-то он действительно мог купить что-то серьезное. И без Пола Уилби. Без чьей-либо помощи.

Уолтер Домброзио стоял в трусах перед зеркалом в ванной и брился. Он методично водил бритвой по лицу, не получая от этого никакого удовольствия. Дверь была открыта, и он слышал, как Шерри торопливо убирала посуду после завтрака.

— Ты закончил? — спросила она, заходя в ванную в халате и тапочках. Волосы, закрученные на металлические бигуди, плотно прилегали к черепу, из-за чего она походила на священника, аскета. Без макияжа ее лицо казалось бесцветным.

— Почти. Рассказать, что мне снилось? — Он думал об этом, пока брился.

— Конечно.

После посещения психоаналитика она полюбила слушать про чужие сны. Кажется, она думала, что узнает о людях то, чего они сами не знают.

— Во сне я смотрел машины. Туда приехал пожилой мужчина, хорошо одетый, на «виллисе» сорок шестого года. Розовом.

— Розовый «виллис», — повторила она, садясь на стул у туалетного столика и начиная снимать бигуди.

— С великолепным салоном. Как у старого любимого «кадиллака».

— «Виллис»… почти как мой отчим. Интересно, почему розовый. Кстати, сорок шестой год — это разве не ужасно старая машина? Лет шестнадцать… семнадцать.

— У него было четыреста тысяч миль пробега, — сказал он, — но во сне я думал, что это

потрясающая машина. Очень высокого класса.

Во сне машина ему очень понравилась, он заставлял пожилого джентльмена снова и снова возить его вокруг квартала.

— Ты купил ее?

— Нет, — сказал он, — хозяин хотел за нее сто долларов.

Во сне это казалось слишком большой суммой.

— Тебе это действительно приснилось? — спросила она, глядя на него. Он видел ее отражение в запотевшем зеркале. — Интересно, что это значит. Ты ее не купил. Я думаю, это сон об исполнении желаний. Подсознательно ты жаждешь качества, но не хочешь платить за него. Розовый. Интересно, почему розовый.

— Как карамелька.

— Детство, — сказала она, — вот почему машина такая старая и с таким пробегом. Ты хочешь вернуться в более безопасное, более простое время, когда ты был ребенком. Когда ты любил конфеты. Оральная фаза, — закончив с бигуди, она начала расчесывать волосы, — а старик — это отец.

— Четыреста тысяч миль — это много, — заметил он, смывая пену с лица.

* * *

В половине десятого утра они с женой сидели в кабинете Норма Лауша. Норма не было. Они ждали молча и напряженно.

— Теперь я начинаю сомневаться в самой идее, — сказала Шерри и затушила сигарету в пепельнице на столе Норма Лауша. Достала пачку из сумочки и закурила еще одну. — Вчера вечером это показалось отличной идеей… все провентилировать.

Она сидела, скрестив ноги, аккуратно разгладив юбку, и пускала струйки дыма из ноздрей.

— Ты сегодня очень хорошенькая, — сказал он без всякой иронии или злобы.

Она действительно была хорошенькая, даже лучше, чем обычно.

— Спасибо, — улыбнулась она и, кажется, немного расслабилась. Протянув руку, она сжала его пальцы.

— Мы так отдалились друг от друга за последние несколько недель.

— Дольше, — сказал он.

— Ты меня бесишь, — сказала она, — когда портишь вещи. Ты иногда меня ненавидишь, да? И вся твоя агрессия выходит наружу.

Вся, подумал он. Вся ли? И сказал вслух:

— Может, и не вся.

— Ты все еще злишься?

Она приблизила к нему лицо. Он почувствовал запах ее волос, слабый, знакомый и приятный.

Внезапно в дверях кабинета появился Норм Лауш в своем обычном костюме цвета керамики.

— Привет, ребятки, — доброжелательно улыбнулся он.

— Мы мирились, — сказала Шерри.

— Вижу. Все уладилось? — Затем его улыбка исчезла; он стал серьезным. — Послушайте, ребятки. Я знаю, что вы долго ждете, — он поддернул рукав и посмотрел на часы, — у меня много дел. Мне вообще надо ехать в Менло-Парк.

Тут он снова стал добрым. Сунув бледную чистую руку в карман, он вытащил конверт и открыл. Домброзио увидел маленькие цветные карточки.

С улыбкой — лукавой, довольной улыбкой — Лауш поднял палец.

— Билеты.

— Что за билеты? — спокойно спросила Шерри. Очевидно, она не понимала, что происходит.

— На сегодня? — Домброзио встал и протянул руку. Лауш шлепнул билетами по ладони и поз-

волил ему посмотреть. Да, на сегодня. На места в ложе.

— «Джайантс» играют с «Чикаго», — пояснил Лауш, — на крытом стадионе. Я вас приглашаю. Три места в ложе, прямо у первой базы. Поговорим по дороге, лады? — Оставив билеты Домброзио, он двинулся к двери.

— Отлично, — сказал Домброзио, радостный и удивленный.

Прежде чем Шерри успела заговорить, Норм Лауш ушел. Они с Домброзио снова остались одни, Лауш провел в кабинете не больше минуты.

— Значит, мы вернемся домой часа в два или три, — зло сказала Шерри. — Ну, раз ты уже согласился, делать нечего. Но я не понимаю, как ты собираешься вставать завтра утром; и мне тоже придется встать, чтобы отвезти тебя.

— Справимся, — сказал он и спрятал билеты в бумажник для надежности.

Передышка, подумал он. Почти знамение. Как будто какая-то высшая сила решила ему помочь. «Может быть, Норм Лауш видит, что я чувствую», — сказал он себе.

— Ничто не радует мужчину больше, чем пара билетов на бейсбол, — заметила Шерри. — Интересно, что, когда возникает какая-то сложная

проблема, ты просто отворачиваешься и ищешь утешения в игре.

В голосе ее отчетливо звенели раздражение и нервозность.

— Теперь мне надо чем-то заняться до ужина. Я полагаю, что мы с тобой поужинаем вместе где-нибудь в городе. Когда начинается игра?

Он сказал ей, когда начнется игра и когда им нужно встретиться с Нормом Лаушем, чтобы приехать вовремя и найти место для парковки. А потом он встал и пошел в свой кабинет, чтобы начать работу. Он не потрудился попрощаться с ней, просто ушел по своим делам.

— Ты даже не собираешься попрощаться? — крикнула она вслед.

— У тебя очень плохое настроение. Или, наоборот, хорошее и поэтому ты мне грубишь?

Шерри Домброзио в одиночку бродила по «Лауш Компани», держа в руках сумочку и пальто. Она чувствовала себя маленькой девочкой в магазине игрушек. Мастерская Санты, с удовольствием подумала она про себя. Сам воздух пах действием, и она глубоко дышала. Она смаковала запахи и звуки.

Высокий потолок с массивными балками привлек ее внимание. По углам все еще валялись

закрученные стружки. На столах лежали опилки. В этом месте жили отголоски и намеки на события, которые она не знала. Она могла только воображать.

«Что они здесь делают?» — спросила она себя. Они делают вещи. Самые разные. Из краски, гипса, дерева, металла, пластика и клея; они используют все виды материалов.

Собравшись с духом, она заглянула в приоткрытую дверь с надписью «ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Конструкторы усердно трудились.

Мастерская Челлини, подумала она. Санты и Челлини. Серебряные солонки и леденцы.

— Доброе утро, миссис Домброзио, — сказал один из конструкторов.

Она взглянула на его стол, за которым он работал. Можно ли ей войти? Конечно. «Может, я буду здесь работать, — подумала она. — Как и все остальные».

— Можно подглядеть? — спросила она, входя в комнату.

Конструктор в белом халате не отводил взгляда от листа бумаги. Перед ним рядами лежали карандаши конте, кисти, скипидар, тряпки… самые разные краски и пигменты, в тюбиках и бутылочках. Пахло цветом.

— Наверное, мне не следует смотреть, — сказала она, но все равно посмотрела. Тихонько и осторожно глянула через плечо. Конструктор рисовал распылитель. Как быстро двигались его пальцы, когда он чертил линии. Рисунок имел глубину. Она восхитилась его мастерством.

Конечно, подумала она. Мистеру Лаушу она нужна как специалист по связям с общественностью. У нее не было никаких иллюзий по этому поводу. Ей не полагалось стоять за кульманом. Пока.

Поскольку конструктор не обращал на нее внимания, она позволила себе осмотреться. Это была крошечная отдельная комната, в которой она никогда раньше не бывала. Воспользовавшись случаем, она посмотрела на чертежи и эскизы, приколотые к листу строительного картона. Это оказались черно-белые фотокопии, а не оригиналы. Цвета пропали. В открытой кожаной папке лежали фотографии моделей. Банки и картонные коробки… она быстро пролистала их, запоминая. Пачки сигарет… вот одна очень знакомая. Ее разработала «Лауш Компани»? Выходит, что так. Она нашла фотографию, которая лежала отдельно. Неглубокий лоток с крупными буквами «Карти Крозер».

На полях фотографии было карандашом подписано «Домброзио». Она вздрогнула, но тут же поняла, что это фамилия ее мужа. Это была его работа. Последние несколько лет она подписывала свои учебные рисунки так же и на мгновение подумала, что это ее имя. Вслух она сказала:

— Знаете, у меня есть идея.

Конструктор ничего не сказал.

— Почему эту штуку называют «Кэтти клозет», а не «Кэтти корнер»?

Конструктор снова промолчал.

— Ну, знаете, в смысле «укромный уголок».

Через некоторое время он сказал:

— Никто не хочет, чтобы кошка гадила по углам. Для этого и нужен лоток.

Она почувствовала, что у нее покраснели уши.

— Да, — согласилась она.

Подняв голову, конструктор посмотрел на нее поверх очков.

— Клозет — это туалет. Вы понимаете? — сказал он сухим, жестким, чуть насмешливым голосом.

Внезапно ей стало неуютно, словно она сделала что-то плохое. «Может, я зашла слишком далеко, — подумала она. — Мне вообще нельзя тут быть, так и на дверях написано».

— Я вам, наверное, мешаю…

Он снова промолчал.

— Вы знаете, я, может быть, буду здесь работать.

— Да. Вы та женщина.

— Какая «та»?

— Та, которую Тедди называет женщиной мингэй.

— Кто такой Тедди?

Потом она вспомнила, что так звали работающего здесь японского художника.

— А что такое мингэй?

После паузы, не отрываясь от эскиза, конструктор медленно и безразлично сказал:

— Это у них специальное слово для таких, как вы.

Она почувствовала, что покраснела до корней волос.

— Говорите как есть, — сказала она как можно ровнее, — вы имеете в виду нечто неприятное, правильно? Или я ошибаюсь?

— Ничего неприятного, — отозвался конструктор, поглощенный своей работой. Казалось, он едва замечал ее, и это сводило ее с ума; Уолт бывал таким, когда работал над каким-то проектом, либо в мастерской, либо наверху за письменным столом.

Очевидно, что такие мужчины, этот тип мужчин, замыкались во внутреннем пространстве, когда работали.

— Это трудно перевести, — сказал конструктор.

— А вы попробуйте.

— Буквально «народное искусство», — немедленно ответил он, — то, что вы делаете дома.

— Мне надоело то, что я делаю дома, — сказала она, — я хочу отойти от этого и заняться тем, чем занимаются нормальные люди. Чем-то важным, чем-то настоящим. Чем-то творческим.

— Нельзя… — он смешивал пигменты шпателем, — разве нельзя заниматься творчеством дома?

— Меня не интересуют богемная жизнь и самовыражение. Я уже наелась этим в колледже.

— Да, думаю, мы все через это прошли. В свое время. Сандалии, бороды. Свитера с горлом.

— Я хочу что-то делать. — Она не могла выразить это словами.

— Флаконы для спрея от мух, например.

В таком виде это звучало не настолько возвышенно, и она прекрасно это понимала.

— Вы делаете новую упаковку, — пояснил конструктор, — чтобы какая-то домохозяйка, заходя

в универсальный магазин, протягивала руку и брала с полки именно это мыло. Именно это. Не другое.

— Да, — взволнованно согласилась она.

— Вы ходите за покупками, — спросил конструктор, — покупаете все необходимое для семьи?

— Да. Я знаю, каково это — идти вдоль прилавка с мылом. Я всегда ищу распродажи.

— Маленькое рукописное объявление, приколотое к полке. На нем написано «Не больше одной упаковки в одни руки».

Она кивнула.

— Я никогда не плачу больше пятидесяти девяти центов за коробку моющего средства, если это возможно.

— То есть вы смотрите на цену. Вы не покупаете импульсивно.

— Так это называется?

— Нам нужны импульсивные покупки. Цвет имеет большое значение. Расположение на полке. Название марки, само собой. Реклама по телевизору, которая вызывает условный рефлекс. Нажмите кнопку, и домохозяйка подпрыгнет. Слюнки текут при виде «Дрефта». Или «Фелснапта».

— Я это и имею в виду, — сказала она. Теперь она нашла способ выразить свои чувства. Усевшись в кресло напротив него, она положила пальто и сумочку на колени, достала сигареты.

— Я читала эту книгу о том, как потребителем манипулируют, заставляя покупать вещи, которые ему не нужны.

Конструктор смотрел на нее с насмешливым любопытством.

— Именно поэтому это так интересно, — сказала она, прикуривая.

— Господи. Так вы хотите быть на другом конце цепочки.

Он даже перестал распылять лак. Она ощутила прилив удовольствия и поежилась. Не глядя на конструктора прямо, она сказала:

— Как там говорится? Можно быть или молотом, или наковальней. Я никогда не могу вспомнить, что из них что означает, но это интересный выбор. — Она рассмеялась от восторга. — Это поразительно интересно. Даже здесь. Я чувствую, как это все проникает в каждую пору моего тела.

— Что-что вы чувствуете?

— Важность всего этого. — Она взмахнула рукой.

Некоторое время он пристально смотрел на нее,

а затем вернулся к работе. Его лицо потемнело, и он молчал. Внезапно ей захотелось рассказать ему об Уиллисе. Пояснить, кто такой ее отчим. Но уже не было времени. Взглянув на часы, она поняла, что ей пора. В десять сорок ей нужно было быть на другом конце города на занятиях в Калифорнийском кружке «Искусств и ремесел».

— До свидания, — сказала она, вставая и гася сигарету, — у меня встреча.

Когда она вышла из комнаты, конструктор поднял голову. Он смотрел ей вслед, и она чувствовала, что его взгляд прикован к ней. Ощущая легкое головокружение, даже тошноту, она пошла по коридору. Стрелка с надписью «Выход» привела ее к лестнице. Спустившись, она оказалась в мастерской, где жужжали пилы и токарные станки.

У верстака стоял ее муж и смотрел на чертежи вместе с Бобом Фоксом.

— Я пошла, — весело сказала она, подойдя к ним.

— Я думал, ты уже ушла, — мрачно ответил Уолт.

— Нет. Я задержалась поговорить.

Беседа с конструктором подбодрила ее, и она быстро продолжила:

— Я достаточно хорошо одета для вечера? Что женщины надевают на бейсбол?

Муж пояснил для Фокса:

— Мы вечером идем на игру «Джайантс».

— Повезло вам, — сказал Фокс, — завидую. А какие места?

— В ложе, — ответила Шерри, — нас пригласил мистер Лауш; мы поедем с ним.

— Неплохо, — удивился Фокс.

Подойдя к мужу, она наклонилась и поцеловала его на прощание.

— Увидимся в шесть. Здесь?

Он кивнул и коротко коснулся ее руки, просто вежливый жест.

— Ты отлично выглядишь. Отличный коричневый костюм.

— Коричневый? — Она засмеялась и коснулась лацкана. — Ты считаешь это коричневым?

— Конечно, — сказал Уолт.

— Тебе он кажется коричневым?

Обидевшись и что-то подозревая, он сказал:

— Конечно.

Она не смогла сдержать смех и даже зажала рот рукой.

— Уолт.

— Что? — На его лице она увидела страх.

— Это не коричневый, это серый. Посмотри на нитки. — Она поднесла рукав к его глазам, он нахмурился и отступил. — Ты плохо различаешь цвета.

Он уставился на нее, не на костюм, а прямо на нее.

— Какого цвета мои глаза? — спросила она. — Карие?

— Нет, — медленно сказал он.

— Вы знали, что Уолт дальтоник? — спросила она у Боба Фокса. — Я всегда знала.

Ее муж воскликнул пугающе громко:

— Черт возьми, ты о чем? Ответь мне, ради бога!

— Уолт, ты разве не знал? — искренне удивилась она.

Ничего не говоря, Боб Фокс пристально посмотрел на них обоих.

— Ты не можешь отличить серое от коричневого, — сказала она, — например, на мистере Лауше был серый костюм…

Одними губами он произнес «коричневый».

— Я бы назвал костюм Норма серым, — вмешался Фокс, — если вы о том, в котором он был, когда говорил тут об афише Пабста.

— Я пойду? — спросила Шерри.

Ее муж посмотрел на нее с выражением, которое она не смогла назвать. Но она не стала даже думать об этом, потому что уже опаздывала.

— До свидания, — сказала она, направляясь к двери, — пожелай мне удачи.

Выражение лица Уолта не изменилось, когда дверь закрылась за ней.

Игра была хороша. Ну или все так думали. Во время игры ни Норм Лауш, ни муж не обращали на нее внимания, хотя сидели по обе стороны от нее. Они либо орали на питчера, высокого худого парня, который большую часть времени дергал себя за козырек кепки или ковырял землю, либо кричали на ходивших по трибунам продавцов. Оба все время пили пиво. Сама она выпила несколько чашек горячего бульона и съела хот-дог.

Стадион показался ей ужасно холодным. Все время дул ветер, она сидела, завернувшись в пальто и обхватив себя руками, пытаясь согреться. Но ей нравилось, несмотря на холод. Ближе к концу бэттер отбил мяч прямо в их сторону. Игрок, который помчался за ним, на огромной скорости врезался в ограждение перед ними, почти рухнул им на колени и под всеобщий вопль все же поймал мяч. Бэттер оказался в ауте.

Она очень долго не могла успокоиться и сесть на место. Она не помнила, когда последний раз так волновалась.

— Потрясающе! — говорила она, когда они пытались выбраться со стадиона после игры, а люди вокруг толкались и пихались. Но она даже не обращала на них внимания, в таком она была восторге.

— Когда он чуть не упал на нас…

— Да, неплохо, — бросил Норм Лауш, пожевывая сигару и сунув руки в карманы. Уолт ничего не сказал.

Когда они наконец выбрались на улицу, мужчины решили зайти в бар. Она не очень хотела, но и не возражала. В конце концов, им было что праздновать. У нее было отличное настроение. Оно весь день было неплохое, и игра сделала его только лучше. Теперь она поняла, почему мужчины так любят бейсбол. Он стимулирует их и вытаскивает из депрессии. Это как будто у тебя есть в кармане сто долларов и можно их все потратить в магазинах.

В баре на углу толпились зрители, вышедшие с матча. Все громко и оживленно обсуждали разных игроков. Норм, проталкиваясь вперед, сумел занять кабинку. Мужчины заказали креп-

кое, а она ограничилась пивом. Потягивая пиво, она снова подумала, что они еще не обсуждали работу.

По дороге на стадион они до этого не добрались — Уолту и Норму нужно было решить несколько технических вопросов. В этом она не участвовала. И на бейсбольном матче, конечно, не было возможности для обсуждения.

Но теперь, подумала она, пришло время.

— Давайте поговорим о работе, — сказала она.

Держа сигару в зубах, Норм Лауш посмотрел на нее и отпил из своего стакана. Ее муж уставился в пустоту невидящим взглядом, поставив стакан на стол. Казалось, он погрузился в раздумья.

— Сейчас самое время, — сказала она.

Норм ухмыльнулся и похлопал ее по руке.

— Еще по рюмочке.

Она с Уолтом выпили еще по одной. Она все еще пила пиво и еле сдерживалась. Почему они просто сидели, пили и время от времени говорили что-то банальное? Один раз Уолт заговорил о каком-то строительном материале, и ей захотелось его убить. А если Норм говорил что-то, это касалось бейсбола. Пока они сидели в баре, ее любовь к бейсболу утихла так же внезапно, как и родилась.

— Ну что, ребятки, пошли? — наконец сказал Лауш. Поднявшись на ноги, он ослабил ремень, допил свой стакан и двинулся сквозь толпу людей к выходу. Она встала и пошла за ним. И снова ни он, ни Уолт не обратили на нее никакого внимания, ей пришлось самой выбираться из бара.

Выйдя на улицу, она наткнулась на них. Они ее обогнали.

— Так, — неторопливо сказал Норм, — где машина? Давайте искать.

Они приехали на его огромном новом «бьюике». Он стоял в грязи у железнодорожных путей. Оглядевшись, она поняла, что они находятся в заброшенном промышленном районе Сан-Франциско, который она никогда раньше не видела. Для нее город был средоточием магазинов, жилых домов, ресторанов, театров и школ; она никогда не была здесь, к югу от Маркета, в складском районе. Разве что в здании «Лауш Компани», которое стояло неподалеку от набережной. Но там всегда горели фонари. Здесь она почти не видела огней. Мили темных улиц. Никаких магазинов или людей. Только огромные темные здания, судя по всему очень старые.

Открыв машину, Норм придержал для них дверь. Они устроились на переднем сиденье,

а он обошел машину и сел за руль. Вскоре они медленно ехали по одной из пустынных улиц.

— Так много рельс, — сказала она, когда они переехали через несколько рядов.

— Да, — согласился Норм. Кажется, ему не было до этого дела. Запах сигарного дыма, пиво, холодный воздух, необходимость напрягать зрение, а теперь еще и тряска из-за езды через рельсы ее злили. Ее тошнило.

— А теперь мы можем поговорить о работе? — Она удивилась злости и нетерпению в своем голосе. — Вы помните, что нам с Уолтом еще ехать через гору в округ Марин? Мы так до четырех не ляжем.

Ей уже казалось, что Лауш ехал в никуда, они просто катались по пустым улицам, не приближаясь к «Лауш Компани» и их собственной машине.

— Хорошо, — согласился Норм.

— Мне очень важно ваше решение, — сказала она.

Она взглянула на Уолта, но тот молчал, глядя перед собой. О чем он думал? Она попробовала коснуться его руки, но он не отреагировал, и она перестала его трогать. Вытащив изо рта сигару, Норм положил ее в пепельницу на приборной

панели.

— Что скажете, Уолтер? Я бы ее взял.

— Лучше бы вы этого не делали.

— Вы двое так ни о чем не договорились?

— Нет, — сказал Уолт.

— Его согласие не требуется, — сказала Шерри, — насколько мне известно. Я отдельный человек. Меня нанимают за мои заслуги, а не за то, что я чья-то жена.

— Мне будет трудно, если у меня будут работать супруги. Особенно если между ними есть какой-то конфликт.

— Если вы ее наймете, — сказал Уолт, — уйду я.

— Что сделаете? Уволитесь?

Муж Шерри кивнул.

— Да вы чокнутый, — сказал Норм.

Уолт пожал плечами.

— А что вы думаете? — поинтересовался Норм. — Что я не смогу обойтись без вас? Что вы ужасно оригинальный и изобретательный?

— Вот именно, — сказал Уолт.

— Ой, бросьте.

— Что вы имеете в виду? — сказал ее муж медленным, тяжелым голосом.

Раньше она ничего подобного не слышала и замолчала. Сердце у нее сжалось от страха, и она

отстранилась от обоих, съежившись и пожалев, что не сидит на заднем сиденье. Как это вообще случилось?

— Что это за бред насчет лица компании? Какое отношение это имеет к ценам на яблоки? Вас какая-то муха в задницу укусила, и вы решили, что будет очень мило нанять какую-нибудь куколку, чтобы она показывала клиентам, что к чему. Очень нежно и вежливо. Через неделю вы эту идею даже не вспомните. Придумаете что-нибудь новое. Например, чтобы у нас на рабочей одежде были написаны наши имена. Вышиты красным.

Норм ничего не сказал, но она видела его лицо. Он надулся так, что у него, казалось, сейчас лопнет воротничок.

— Вам нравится эта оболочка, — говорил Уолт, — что бы вы ни говорили. У нее пара красивых буферов и отличная задница. И две длинные ноги. И великосветский выговор. И вообще все престижное. Вы самый большой любитель породы в мире. Вы готовы отдать за нее любые деньги, потому что прекрасно знаете, что у вас ее нет.

Норм Лауш, не говоря ни слова, подвел машину к обочине. Становился, открыл дверь и вышел на тротуар.

— Выходи, — велел он и бросил сигару в ка-

наву.

Открыв дверь со своей стороны, Уолт вышел на улицу. Здесь никого не было видно, они оказались в очередном квартале закрытых складов. Сидя в машине одна, она наблюдала за мужчинами, стоявшими друг напротив друга. Из-за темноты и неудачного угла обзора она не понимала, что происходит, в панике она заметалась по огромной машине, пытаясь разглядеть, в чем дело.

Лауш снял пальто и кинул его на капот. Ее муж сделал то же самое. Никто из них не произнес ни слова. Внезапно ее муж выпрямился и неловко поднял кулаки, как человек со старой картинки. Она увидела, как он отступил. Норм Лауш также поднял руки и сжал кулаки, прикрываясь. Оба присели, а затем ее муж ударил Лауша по плечу. Удар вышел таким громким, что она дернулась от страха.

Размахивая кулаками, Лауш также отступил. Широко размахнувшись, он ударил Уолта по шее. Уолт отшатнулся, споткнулся, полностью потерял равновесие и сел на тротуар. Он остался там, опираясь ладонями на асфальт и переводя дыхание. А потом снова поднялся на ноги. Снова они стояли лицом к лицу, очень близко друг к другу, почти соприкасаясь.

— Я тебя убью, — сказал Лауш.

— Да, — сказал Уолт.

— Ты мудак. Убирайся отсюда и не возвращайся. Видеть тебя не хочу.

— С удовольствием, — сказал Уолт.

Они постояли некоторое время, не двигаясь, по-прежнему сверля друг друга взглядами и делая угрожающие жесты. Потом постепенно опустили руки. Отошли друг от друга. Уолт потер шею. Наконец Лауш подошел к машине и взял свое пальто. Вскоре Уолт тоже подобрал свое. Открыл дверцу машины. Когда он сел рядом с ней, она обнаружила, что он дрожит. Все его тело вибрировало, даже зубы стучали.

Обойдя машину, Лауш сел со стороны водителя, хлопнул дверцей и завел мотор. Не говоря ни слова, он двинулся в прежнем направлении. Когда они проехали весь Маркет в полном молчании, Шерри сказала:

— Никогда в жизни не видела ничего более инфантильного.

Мужчины молчали. Уолт к этому времени уже перестал дрожать, но он так и не надел пальто обратно, а держал его в руках.

— Очень инфантильно, — сказала она. Собственный голос показался ей очень тонким,

наверное от страха.

— Соглашусь, — сказал Лауш наконец.

— Я заберу свои вещи на неделе, — сказал Уолт.

— В любое время, — сказал Лауш.

— Это ужасно, — сказала она.

— Нет, не ужасно, — хрипло сказал Уолт, — что в этом такого?

Он яростно откашлялся.

— Ты не передумаешь? Я не возражаю. — Лауш сказал это таким официальным тоном, что даже она поняла, что это лишь проявление вежливости.

— Нет, спасибо, — сказал Уолт.

Когда они припарковались напротив «Лауш Компани», за красной «альфой», Шерри спросила:

— А как же я?

— А что вы? — переспросил Лауш.

— Если мой муж не умеет себя вести, значит ли это, что я должна за это платить? Даже если не хочу?

— Как угодно, — без особых эмоций ответил Лауш, — если хотите, выходите на испытательный срок. Как мы и договаривались.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала

она, — восхищена вашей справедливостью.

— Хорошо, — сказал Лауш, — что ж, на этом все. Счастливой дороги через гору.

Уолт уже вышел из машины и сел в «альфу» спиной к ним.

— Я позвоню завтра, — сказала она Лаушу.

Лауш кивнул.

— Спокойной ночи, — попрощалась она. Выйдя, она закрыла дверцу и последовала за мужем. Села за руль «альфы», открыла сумочку и поискала ключи.

«Бьюик» проехал мимо них, и Лауш не посмотрел в их сторону. Ее муж не пошевелился; она хотела помахать рукой, но передумала. Очевидно, делать этого не следовало.

— Ну и вечер, — сказала она, заводя двигатель.

Осев на сиденье, Уолт молчал.

9

Из окна ванной комнаты Джанет Рансибл отлично видела склон и задний двор дома Домброзио. Она видела патио, три зеленых железных стула с пластиковыми деталями, переносной гриль, забытую чашку с блюдцем. Дерево загораживало ей вид на дверь в патио, а кусты, растущие на склоне холма, не позволяли заглянуть в дом. Но зато она видела гараж, который был пристроен к дому сбоку.

Через окно гаража она разглядела Уолта Домброзио. Было одиннадцать утра.

Посмотрев на вчерашнюю газету, она удостоверилась, что сегодня среда. Он остался дома и накануне, она его видела.

Он потерял работу в Сан-Франциско? Уволился? Или заболел? Или взял отпуск?

Но спортивная машина по-прежнему выезжала рано утром; она каждое утро слышала, как машина спускалась с холма около пяти сорока пяти. И она возвращалась на холм вечером. В то же время, что и всегда.

Итак, Джанет решила, что миссис Домброзио

уезжает одна. И точно по тому же графику, что и ее муж. За рулем спортивной машины должна была сидеть Шерри, потому что семья Домброзио состояла всего из двух человек. И она не видела Шерри днем, только ее мужа.

В полуденной тишине до Джанет донесся скрежет пилы. Уолт в своей мастерской что-то пилил.

Возится в мастерской посреди дня, подумала она. Выходит, он остался без работы. Если только это не какая-то работа, которую они заставили его взять на дом. Но это казалось маловероятным.

Однако казалось маловероятным и то, что он потерял работу, а его жена сразу же нашла работу, которая заставляла ее ездить в Сан-Франциско и обратно в то же самое время. Все это озадачивало.

Сдавшись, Джанет вышла из ванной и вернулась в гостиную, где еще дотлевала в пепельнице на кофейном столике сигарета.

А что, подумала она, усаживаясь на диван, может, он потерял работу, потому что у него отобрали водительские права? Но — святый боже. Это означало бы, что Лео виноват в том, что он потерял работу, потому что именно Лео виноват в том, что он лишился прав.

Она настолько расстроилась, что не могла сидеть. Поднявшись, она зашагала по гостиной, сжимая кулаки. Ногти впились в ладони. «Боже, — думала она. — Я молилась, чтобы этого не случилось, но я знала, что это случится. Этого я и боялась».

Далеко внизу визжала пила. В гостиной она слышала, как он работал в гараже. «Что он делает? — подумала она и зажала уши. — Это что, будет продолжаться весь день? Я буду вынуждена слушать это в собственном доме? Это не я вызвала полицию, а Лео». Но Лео-то не слышит этих звуков. Он в своей конторе. Он в безопасности в агентстве недвижимости Рансибла. Защищен от всего.

Это мне придется заплатить за то, что сделал Лео, подумала она. Так всегда бывает. Виновный никогда не платит. Платит невинный. Вот в чем истинный смысл христианства.

Подойдя к книжному шкафу, она достала Библию короля Якова, а затем, для пущей убедительности, еврейскую Библию Лео. Открыв обе книги наугад, она закрыла глаза и выбрала по строчке из каждой.

К черту все это, подумала она, читая строки, которые ничего для нее не значили; они, по идее,

не могли ей помочь. Должен быть какой-то способ понять, что делать, сказала она себе. Узнать, как правильно.

У стола она опустилась на колени, затем села на коврик. Вытащила из-под стола газеты и журналы и перебирала их, пока не нашла журнал «Уик», который пришел вместе с «Кроникл» в начале месяца. В нем была статья, которую она запомнила. На момент чтения статья показалась ей очень глубокой, и теперь она хотела поискать в тексте моральное руководство.

Она не нашла статью, которую хотела, но зато в другом журнале нашла статью, которую раньше не заметила. Статью о новом молодом диск-жокее — на фотографии он казался хорошим, честным, надежным человеком, — в которой он давал советы растерянному миру. Конечно, в первую очередь они были нацелены на подростков, но, прочитав их, она поняла, что они могут пригодиться и остальным.

Если что-то верно, думала она, для одного человека, это верно и для всех остальных. Независимо от возраста.

Долгое время она изучала советы молодого диск-жокея и в конце концов нашла то, что понимала с самого начала. Прежде всего нужно

хранить верность своему мужу. Она должна держаться его независимо от того, что он делает. Он ее муж. Лео был рядом с ней, когда у нее случился ужасный срыв в пятьдесят восьмом году, когда она пыталась работать. Он страдал так же, как и она. И он лишился помощи, которую она могла бы ему оказать; он был женат на женщине, которая не могла нести свою долю бремени, и все же он не бросил ее.

«Если бы я выполнила свою задачу, — подумала она, — он бы не был таким напряженным и нервным. Он бы не наговорил всего этого Полу Уилби и не позвонил бы Уолту Домброзио. По крайней мере, он бы подумал получше. Это моя вина. Я виновата».

Что бы Лео ни сделал неправильно, если это вообще неправильно, вина в любом случае ее. И поэтому, поняла она, если Уолт Домброзио потерял работу из-за отсутствия водительских прав, то это ее вина.

Она подумала: «Если бы я не подвела Лео в пятьдесят восьмом году, если бы я осталась в конторе и делала свою работу, если бы я не была такой слабой, то Уолт Домброзио не пострадал бы».

Его ужасные страдания, его арест, внесение залога, судебное слушание, лишение водитель-

ских прав, а потом скандал с работодателем… Это было слишком. Она не могла вынести даже мысли об этом.

Снова зажав уши руками, она побежала на кухню и закрыла дверь; затаив дыхание она молча стояла, морщась и чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. «Я недостойна жизни на этой планете, — сказала она себе. Она произнесла это вслух. — Я должна умереть», — сказала она себе. Слезы стекали по ее щекам и капали на рубашку. Она видела большие темные пятна, растекшиеся по белой ткани.

Боже, подумала она. Все бы отдала за стаканчик.

Придется сменить рубашку, поняла она. Она вернулась в спальню, опустила шторы, закрыла дверь, расстегнула рубашку и сняла ее. В полумраке спальни она рылась в ящиках комода. Наконец она сдалась и включила лампу.

У лампы, накрытая пластиком, стояла вырезка из журнала, найденная много лет назад. Она прервалась и перечитала стихотворение. Она читала его тысячу раз, и оно всегда ее успокаивало.

Когда главнейший из судей
Финальный даст свисток,

Победа неважна, важней,
Какой ты был игрок.

«Да, — подумала она. — Дело в том, какой ты игрок. И какой же из меня игрок? Довольно паршивый. Причиняю боль всем вокруг, позволяю им снять с меня мою ношу и нести ее самостоятельно, потому что я слишком эгоистична. Сначала родители, потом Лео, потом даже соседи.

Это распространилось на все общество. Как в тот раз, когда я не появилась на ярмарке тортов и поэтому не было белого торта с шоколадной глазурью. И оказалось, что многие люди хотели как раз его. Он отлично бы продался.

С другой женой, — подумала она, — с активной, решительной, умной, Лео, возможно, смог бы воплотить в жизнь некоторые из тех сказочных идеалов, которые теперь мучают его. Например, он хотел, чтобы я баллотировалась в школьный совет… но разве я смогла бы?» А вот другая женщина могла бы. Лучшая женщина. Прежде всего Лео нужен был напарник, женщина, которая могла бы работать с ним бок о бок, как те женщины в Израиле. Может быть, если бы он женился на еврейке… и в этом она его подвела. Она не была еврейкой и даже не перешла в иудаизм. Она

держалась за свою старую веру не потому, что уважала ее, а потому, что боялась изменений. Она не знала, что может повлечь за собой новая вера.

Она решила, что в первую очередь он нуждается в ней не дома, а на работе. Там, где идет битва. Как только в городе станет известно, что из-за Лео Домброзио потерял работу, люди будут думать о нем еще хуже. «И, — подумала она, — я знаю, что он все равно тревожится. Я точно знаю». Это еще одна опухоль, разъедающая его изнутри. Интересно, он уже знает о работе?

Ему потребовалось два месяца, чтобы узнать о потере прав… может быть, он не заметит, что Домброзио дома днем. В конце концов, мы не разговариваем с Домброзио. А Лео днем на работе, если только не забывает что-то дома и не возвращается.

«И что он почувствует, когда узнает?» — спросила она себя. Сможет ли он простить себя? А может, он сможет дать Домброзио работу? В агентстве по продаже недвижимости. Но там есть только одна работа — печатать документы, отвечать на звонки и выдавать ключи. Для этого Лео держал пожилую женщину, жену владельца ранчо, которая работала полдня.

«Рано или поздно Лео узнает, — сказала она

себе. — Я ему не скажу, я же не рассказала про права. Но… может быть, я снова делаю что-то не то. Это проявление слабости».

Пройдя на кухню, она поставила кофейник на плиту и обнаружила, что на ней нет рубашки. Она сняла ее, начала искать другую, а затем забыла, что делает. Она снова погрузилась в свои размышления и заботы. Она немедленно вернулась в спальню, в полумрак, разгоняемый единственной желтой лампой. На этот раз она достала свитер из ящика и торопливо надела. Задержалась в ванной, чтобы привести в порядок прическу: свитер растрепал волосы.

Мне не помешает косметика, решила она, разглядывая себя. Какой сухой выглядела ее кожа. А под глазами она увидела морщинки.

Она напудрилась, а затем взяла карандаш для бровей; без краски ее брови были такими блеклыми, что их было почти не видно.

Стоя у зеркала, она услышала странный звук. Сначала она продолжила красить губы, а потом с ужасом узнала звук. Это кипел кофе. Она его испортила. Бросив помаду в раковину, она побежала на кухню и схватила кофейник. Запах горелого кофе заполнил кухню; она с отвращением вылила его.

На смену отвращению пришли усталость и все растущее, все поглощающее отчаяние. Сев за стол, она положила голову на руки и закрыла глаза. Отчаяние заполнило ее всю и стало пустотой.

«Предположим, — подумала она, — это случилось с моим мужем. Предположим, Лео заболел или что-нибудь сломал и не может работать. Я неудачница, даже хозяйка никчемная. Я даже не могу сварить кофе на собственной кухне, не испортив его. Как я смогу сделать то, что сделала Шерри Домброзио? Выйти в мир и подхватить ношу, которую уронил ее муж?

Какие мы с ней разные, — думала она. — Как только его лишили прав, Шерри сразу же села за руль и начала возить его на работу. Каждое утро, без пропусков. А теперь еще и работа. Настоящий партнер, товарищ для мужа, готовый делить заботы — и способный их делить. Вот в чем дело, — поняла она. — Возможность. Я, может, и хочу, но я не могу». Она впала в панику от одной мысли. Искать работу, ездить в Сан-Франциско каждое утро…

Эта женщина, подумала она, настолько превосходит меня, что это даже не смешно. Красивая, умная, внимательная — она так хорошо одевается. Посмотрите на ее одежду, а затем посмотрите

на мою. Посмотрите на грязь на моей одежде… видите? Она подняла голову и осмотрела свитер, который только что надела. Сейчас он чистый, подумала она. Но через час… он весь будет в пятнах, как будто я младенец или беззубая старуха.

Но если бы меня воспитывали так же, как Шерри, подумала она. И если бы у меня были ее деньги, деньги ее семьи. Чтобы в меня вложили столько же, сколько в нее…

Она — продукт обеспеченного общества, сказала себе Джанет Рансибл. Эта женщина не создала себя сама, она не несет ответственности за то, кем она стала. Никто не несет. Человека создает среда.

Как я могу быть похожей на нее? У меня никогда не было ее возможностей. Они воспитывают женщин так же, как директоров крупных компаний. Тот класс, к которому она принадлежит… где все мужчины — лидеры этой страны и учатся в Лиге плюща. Все из одних и тех же колледжей. Из Гарварда, как Франклин Рузвельт. Они говорят на другом языке. У них есть свой особый выговор. Они обращаются только друг к другу. Они юристы друг для друга, врачи, деловые знакомые.

Нельзя туда попасть извне, можно только родиться. Вы либо родились в этом обществе, либо

нет. Что я могу сделать? Могу ли я научиться так же говорить и одеваться? На то, чтобы стать Шерри, нужна целая жизнь. Дорогие школы-интернаты. Даже стоматологи. Им выпрямляют и лечат зубы в детстве.

По зубам можно определить прошлое человека. Вот взять хотя бы фермерских детей, которые растут в округе. Если у них кривые зубы, этого никто даже не замечает, не говоря уже о том, чтобы заплатить тысячи долларов за исправление прикуса. Они вообще не знают, что такое возможно. Поэтому, когда девочка или мальчик вырастают и покидают эту крысиную нору… когда он или она выходит в реальный мир…

«Как я», — подумала она. Без какой-либо надежды на успех. Без шансов стать кем-либо. Обреченные на жалкую жизнь во внешнем мире. Какой это злой несправедливый мир, подумала она. Взять только этих людей со всеми их привилегиями.

И тут пришло ужасное новое осознание — мораль не так уж и важна. Это не вопрос морали. Это практический вопрос. И когда она это поняла, страх волной поднялся в ней и вырвался из нее. Она закачалась взад-вперед, зажав уши руками и пища от страха.

— Что это доказывает? — вслух спросила она на всю кухню. — Это доказывает, что у меня нет никаких шансов.

Как бы она ни старалась, у нее ничего не получится. Как бы нужно это ни было. Как бы ужасно ни было их финансовое положение, она не смогла бы выйти в большой мир и конкурировать там, потому что потребовалась бы целая жизнь, чтобы научиться конкурировать; потребовалась бы целая жизнь, чтобы подготовиться, и это доказывало не столько то, что мир злой, сколько то, что лично она, Джанет Рансибл, никогда, никогда не сможет выжить в нем. Выжить экономически, когда есть женщины вроде Шерри Домброзио — потому что даже если организация отступит от своих правил и возьмет на работу женщину, то наймут не ее, а Шерри или другую женщину ее класса с их внешностью, речью, манерами и одеждой.

Поэтому кто-то вроде нее никогда не будет в безопасности. Она никогда не сможет расслабиться. Она будет чувствовать себя обреченной всю свою жизнь, пока ее не заберет могила.

Поднявшись на ноги, она бродила по дому, не понимая, где находится; она ходила из одной комнаты в другую и обратно, едва замечая ме-

бель, — однажды она ушибла палец ноги о ножку дивана, а потом врезалась в полузакрытую дверь спальни.

Дело в том, решила она, что сама идея семьи рухнула во время Второй мировой войны. Во Вторую мировую войну женщины начали работать сварщиками на военных заводах. Как и мужчины. И коммунизм виноват не меньше, чем война. Шерри Домброзио не должна была зарабатывать на жизнь, потому что это мужское дело. «Неудивительно, что я такая тревожная, — сказала она себе. — Меня подвели. Я-то ведь сделала свое дело, родив ребенка?» Это и есть женская работа. А не работать бок о бок с мужчинами на фабрике, как огромная неряшливая русская крестьянка, называющая всех «товарищами». Это не по-американски.

В каком-то смысле эти Домброзио — коммунисты, поняла она. Вспомнить только негра, которого они позвали в гости. Межрасовые браки — часть коммунистической программы для Америки. Шерри не должна работать. Она не должна быть вынуждена работать. Ее место дома, среди детей; она провалила свою настоящую задачу. И если бы ее муж не потерял работу, она осталась бы дома. Он подвел ее. Он поставил ее в опас-

ность, не сумев заработать.

Это мужское дело, говорила она себе, лихорадочно бродя по дому. Это мужчина должен быть снаружи и сражаться с миром, а если он потерпит неудачу, не женщина должна занимать его место. Мне не нужно занимать место Лео, если он не сможет принести домой бекон, и Джерому не нужно. А вот что женщина должна сделать — это признать, что ее муж неудачник. Она должна сделать все возможное, чтобы поставить его на ноги. Она должна позаботиться о том, чтобы он исцелился и снова вернулся на поле битвы. Снова встал в строй.

«Почему Шерри работает?» — спросила она у себя. Она перестала грустить и начала сердиться. Все ее тело дрожало. Снова и снова она сжимала кулаки и шагала все быстрее. Мужчина, который сидит дома, — чем он вообще отличается от бродяги?

Сколько времени он собирается возиться в гараже с клетками для птиц или что он там мастерит?

Если бы я была его женой, решила она, я бы этого не потерпела. Я бы подождала, возможно, день, а потом бы положила этому конец, вернула бы его на работу, заставила бы его пожалеть, что

он не выходит из дома и не работает. Заставила бы его радоваться возвращению на работу…

И вдруг ее чувства переключились на жену, на Шерри. Она перестала злиться и ощутила нахлынувшую волну теплого сочувствия, которая ее чуть не задушила. Глаза жгло от слез. Он сказала вслух, тихо и нетвердо:

— Бедная женщина. Бедная, бедная женщина.

Я должна поддержать ее, подумала Джанет. Сказать ей, что я чувствую, показать, как хорошо я понимаю. Он заставил меня пойти работать, он пытался заставить меня взять дела на себя. Но я не стала. Нет, сказала я ему. Это твое дело, Лео. Это твоя ответственность. Нельзя ожидать, что я буду руководить твоим бизнесом в сфере недвижимости, так же как я не могу ожидать, что ты будешь рожать детей, если я не справлюсь.

Эту женщину подвел и предал муж. Полностью, во всем. Так же, как если бы он сбежал с другой. Священное доверие было разрушено. Ирония в том, что, когда они так поступают со своими женами, у них всегда есть убедительная история наготове. Всегда есть какое-то оправдание, какой-то аргумент, чтобы заставить жену почувствовать себя плохо, вообразить, что у нее есть какой-то «долг». Например, пойти работать, как

сделала Шерри. Если бы Лео потерял работу, он бы начал давить на меня таким же образом; он бы пытался заставить меня чувствовать себя плохо.

Да, они вызывают у нас чувство вины. У них есть много способов. А тебе нужно дать ему отпор. Нельзя признавать свою вину.

Она подумала, что все нужно вернуть на свои места. Это их мир, мир мужчин. Пусть они конкурируют в нем и предоставят женам делать то, для чего их предназначил Господь: оставаться дома и рожать детей.

О да, думала она в тоске. Я прошла через все это. Я так хорошо все это знаю. Как на тебя давят, совсем незаметно, тысячью способов. Таких искусных. Знает ли она? В мире, откуда она родом, таких вещей, вероятно, не было. Все было честно. Понимает ли она, что произошло? Я вижу это так ясно, я как будто смотрю на их брак с высоты, как посторонний человек, и все вижу.

Если она не знает, подумала Джанет, то она, конечно, должна узнать. И он должен узнать. Нельзя позволять ему и дальше обманывать себя и ее относительно истинного положения дел. Подойдя к кухонному шкафу, она подставила маленькую стремянку и, дотянувшись до верхней полки, отодвинула в сторону большие банки

консервированных абрикосов и томатного сока. За ними стояла бутылка плохого токайского, которую они с отвращением отставили в сторону месяц назад. Да, плохого, но хоть что-то.

Взяв стакан из раковины, она поставила бутылку на кухонный стол и села. Это было совершенно ужасное пойло, на вкус как сироп от кашля. И слишком сладкое. Она знала, что ей станет плохо. Ей никогда в жизни не было так плохо, как после плохого токайского. Она долила стакан водой из-под крана, и стало получше. По крайней мере, можно пить. А с кубиком льда получилось почти приятно.

Работая в мастерской, Уолтер Домброзио слышал только пилу. Но вдруг он почувствовал чье-то присутствие, поднял взгляд и едва не подпрыгнул от удивления. В дверях — очевидно, она прошла через дом, никого там не найдя, — стояла Джанет Рансибл.

Ее губы шевелились. Кажется, она здоровалась, но он ее не слышал. Он выключил пилу, лезвие замедлилось и наконец перестало вращаться.

На ее лице была напряженная улыбка. Как будто она удерживала это выражение сознательно, пока спускалась с холма и шла через его дом, пока не нашла его. На ней были красный свитер

и хлопковые брюки, много раз он видел ее одетой именно так, когда она выбиралась в город за покупками. Длинные бесцветные волосы висели нечесанные. Он не мог не заметить, какая она изможденная. Какая высокая и худая; на ее руках виднелись сухожилия, а кожа стала совсем дряблой. На тыльной стороне ладоней на белой коже виднелись темные пятна.

— Привет, — сказал он осторожно, совсем не радуясь встрече. Он был очень увлечен распиливанием двери.

Все еще улыбаясь ему, Джанет сказала:

— Не хотела тебя отвлекать.

Слова она выговаривала по отдельности, очень тщательно. Как будто следила, чтобы не сказать что-то не то.

— Ничего страшного, — сказал он уклончиво. Он почти не общался с Рансиблами после случая с Чарли. Честно говоря, он сделал все возможное, чтобы выбросить их из головы. С учетом всего остального, с чем ему пришлось иметь дело, на мысли о Рансиблах не осталось времени.

Она устремила на него покрасневшие глаза. Они странно блестели, и он не мог понять, в чем дело. Это было не веселье. Внутри нее кипело какое-то чувство. Что-то вспыхивало, когда она

смотрела на него.

— Ну? — сказала она.

Он не смог придумать, что ответить. После долгой паузы она снова заговорила. Глаза опять блеснули. Это злость?

— Ну? Что скажешь?

— Что скажу? — переспросил он.

— Как насчет чашечки кофе? — очень медленно спросила она.

— Ты хочешь кофе?

Глаза ее горели. Как будто она очень хотела что-то ему сказать, как будто едва сдерживалась. И все же у нее, кажется, не получалось. Слова замирали на губах.

— Очень, — подтвердила Джанет.

С большой неохотой он выключил пилу.

— Ладно. Но мне нужно побыстрее вернуться к работе.

Его не особенно интересовало, зачем она пришла, он просто хотел работать дальше. Он терпел ее и всех, кто приходил и кого было нельзя отказаться развлекать.

— Надеюсь, там есть готовый, — сказал он, проходя мимо нее и поднимаясь по трем ступенькам в дом. «Боже, надеюсь, мне не придется стоять тут, пока варится новая порция», — подумал он.

Он мог легко представить ее на кухне, с зажженной сигаретой, с сумочкой, готовую просидеть так весь день, болтая ни о чем.

За его спиной Джанет Рансибл сказала что-то, чего он не уловил. На некотором расстоянии от него она прошла в кухню и встала у холодильника. Сложив руки на груди, она прислонилась к холодильнику, а не села за стол, как он ожидал.

— Кофе готов, — сказал он, зная, что его голос звучит очень недовольно. Но ее, казалось, не волновал его тон. Она вообще не заметила, что он сказал; она продолжала пристально смотреть на него. Это заставляло его нервничать. Поэтому он тоже не сел, а встал напротив и уставился на нее.

Наконец она заговорила:

— Ты не работаешь.

— Нет, — сказал он.

— Ты сидишь дома.

— Я уволился.

Он злился все сильнее и мог сдержать чувства только огромным усилием воли. Он заставил себя успокоиться. Успокойся, сказал он себе. Это невежественная сучка с холма, которой нечем заняться, кроме как сидеть дома весь день, и она умирает от любопытства к чужим жизням. У нее

больше ничего нет, она умеет только совать нос в чужие дела. Эти гарпии питаются сплетнями, несчастьями и скандалами, они заняты этим весь день. Отсюда она пойдет в следующий дом, а потом в следующий.

«Я должен ее потерпеть, — сказал он себе. — Из милосердия».

Джанет Рансибл сказала:

— Ты строишь скворечник?

— Нет. Дверь.

— Где твоя жена?

— На работе.

— В Сан-Франциско?

— Да.

— Она нашла хорошую работу?

— Да.

— Как долго она будет работать?

— Я не знаю.

— Она ведь не любит работать?

— Я не знаю, — повторил он бесцветным голосом и пожал плечами, еле сдерживая свою неприязнь к этой женщине.

— Она когда-нибудь работала раньше? Во время вашего брака?

— Нет.

— Тебе не следует позволять ей работать, — ска-

зала Джанет Рансибл.

— Это правда. — Он не сдержал злости.

Она, казалось, не заметила его тона. Казалось, ей было все равно.

— Это неправильно, — сказала она, — когда муж остается дома, а жена работает.

— Согласен, — сказал он, вложив в это слово всю доступную ему иронию.

— Ты должен как можно скорее снова устроиться на работу.

— Трудновато. Без машины-то.

— Тут ходят автобусы.

— Я подожду, — сказал он.

— Чего подождешь?

— Я подожду, пока мне не вернут права.

— Лео не знал, пьян ли ты на самом деле, — сказала Джанет, — он просто предположил.

Насколько ему было известно, мнение ее мужа по этому поводу не имело для него никакого значения. Но что-то пошло не так. Лицо женщины стало абсолютно белым. Она уставилась на него. Он подумал, что у нее начинается какой-то приступ; в его голове мелькнула мысль, что она эпилептик или что-то в этом роде. Это объяснило бы ее разболтанную походку и неряшливые манеры. Ее губы шевелились.

— Мне нужно идти, — сказала она почти неслышно, повернулась, все еще со скрещенными на груди руками, и бросилась к двери.

Он последовал за ней, пораженный. У входной двери она остановилась и завозилась с ручкой, не понимая, как открыть дверь. По ее щекам катились слезы.

— Господи. — Она резко опустила голову и ударилась о дверь лбом.

— Что такое? — спросил он, не подходя слишком близко. При мысли о прикосновении к ней ему становилось нехорошо.

— Я только что поняла, — сказала она, слепо уставившись на него.

И тут он тоже понял. Он понял, что она имела в виду. Он понял, почему она так отреагировала. Почему это было так важно.

— Это твой муж тогда вызвал полицию?

Взгляд пустых блеклых глаз метнулся в сторону. Она плакала и бормотала что-то, но он не мог разобрать слов.

— Ублюдок. Гребаный урод.

Опершись о дверь, Джанет Рансибл выпрямилась и успокоилась. С трудом сохраняя достоинство, она сказала:

— Мой муж поступил правильно.

— Правильно, — повторил он.

— Ты мог сбить ребенка. — Открыв дверь, она вышла на крыльцо, очень осторожно взялась за перила и принялась медленно спускаться.

— Я бы предпочел сбить тебя и твоего мужа, — сообщил он.

На это она ничего не сказала. Повернувшись к нему спиной, она продолжила спускаться к дороге, а потом, не оглядываясь, пошла вверх по склону к своему дому. Вскоре она исчезла.

«Значит, он действительно это сделал, — подумал Уолт Домброзио. — Я так и думал, но не был уверен. Какая дура. Жалкая тупая уродина».

Вернувшись в мастерскую, он снова включил пилу и продолжил работу, но руки тряслись так сильно, что пришлось прерваться почти сразу. Вместо работы он какое-то время стоял, сунув руки в карманы. И постепенно пальцы снова зашарили, нащупывая опухоль в паху. Проверяя, на месте ли она, существует ли.

10

В дом, который купили мистер и миссис Дитерс, нельзя было въехать, не подключив коммуникации, и Лео Рансибл прекрасно это знал. До прибытия грузовика с бутаном из Сан-Рафаэля оставалось три дня, но на складе кормов в Каркинезе должен был быть запас. Если кто-то сможет отвезти баллон в дом Дитерсов и подключить его к газовой трубе, у них будут и тепло, и горячая вода. Телефонная компания в Сан-Рафаэле записала их данные и пообещала прислать человека в ближайшее время, PG&E сразу же включила электричество, а водопроводная компания Вест-Марин и не отключала воду, потому что клапан был древний и ржавый.

После поспешного звонка Дитерсов Рансибл неторопливо поехал на склад кормов за газовым баллоном. Весил баллон около ста фунтов, и он не был уверен, что справится. Но он решил, что вместе с Дитерсом они вытащат его из машины и дотащат до трубы. Подключить газ просто, он много раз это делал. Для этого нужен разводной ключ, который валялся у него в бардачке.

Дитерсов он нашел на переднем дворе. Вещи уже выгрузили: у дома громоздилась огромная куча коробок, упаковочной бумаги, ящиков и бочек. Цветы, растущие вдоль дорожки, грузчики вытоптали.

— Как дела? — крикнул он, выходя из машины.

Чета Дитерсов казалась взволнованной, но веселой.

— Грузчики сломали ступеньку, — сказал Дитерс, — или она уже была сломана.

— Думаю, это когда они вносили пианино, — сказала его жена, — знаешь, перед тем как разгрузить фургон, они заставляют тебя подписать бумагу, в которой говорится, что все твои вещи в порядке.

Зайдя с ними в дом, Рансибл обнаружил, что, хотя они распаковали большую часть коробок, они не пытались ничего убирать по местам. Они просто хотели посмотреть, что разбилось при поездке через гору. Посуда, книги, стулья, ковры, одежда валялись повсюду в полном беспорядке.

— Давайте подключим газ, — сказал он Дитерсу, — мне понадобится ваша помощь, в одиночку я не справлюсь.

Когда они со стариком вытащили баллон из машины, Дитерс сказал:

— Спасибо вам, мистер Рансибл. Вы не обязаны были тащить это сюда.

— Я хочу, чтобы у вас было тепло, — сказал Рансибл, — по ночам тут бывает холодно.

Когда они крепили трубу к баллону, старик наклонился к нему и сказал:

— Вы же не думаете, что ступенька уже была сломана? Такой милый маленький домик, в таком хорошем состоянии.

Рансибл, занимаясь трубой, твердо ответил:

— Могу вас заверить, что ступенька была в идеальном состоянии. Вы хоть представляете, сколько весят пианино и четверо мужчин? Больше тонны. В Соединенных Штатах нет ни одной ступеньки, рассчитанной на такой вес. Вы можете заплатить сорок тысяч — или девяносто — за дом, совершенно новый дом, который вы построили сами, и там может произойти то же самое. И вот еще что, — он остановился, затягивая гайку, — здесь в городе есть один человек, Джон Флорес. Он может отремонтировать это примерно за доллар.

На лице старика отразилось облегчение. Он неожиданно показался очень маленьким. Не нужно суетиться, подумал Рансибл.

— Я дам вам его номер, — сказал Рансибл, за-

тягивая гайку, — мы все звоним ему, когда нам что-то нужно починить.

Когда он ехал домой, чтобы переодеться, он подумал: но Джона Флореса не так-то просто поймать. Флорес был занят.

Задний двор за домом Домброзио был перекопан компанией старшеклассников, которых Флорес всегда нанимал, когда получал заказ на прокладку труб. Трубы уже привезли, выгрузили и сложили рядом с огромной кучей гравия.

Сбросив скорость до минимальной, Рансибл высунулся в окно посмотреть, как идет работа. Кроме старшеклассников, он увидел детей помладше, мальчиков и девочек. Они стояли на холме, наблюдая за работой.

Среди них был его собственный сын Джером; он был так поглощен зрелищем, что не заметил отца.

Интересно, сколько это стоит, спросил себя Рансибл. И смогут ли они за это заплатить? Она зарабатывает столько же, сколько он? Наверное, нет. Женщинам обычно платят меньше, чем мужчинам, даже за ту же самую работу.

Посигналив, он сумел привлечь внимание сына. Джером помахал ему рукой, и Рансибл помахал в ответ.

Канава тянулась от патио дома Домброзио примерно футов на шестьдесят по его прикидкам. У распределительной коробки она расходилась в две стороны. Коробка уже была сооружена. Он видел в канаве срезы секвойи. Работа продолжалась уже несколько дней и шла медленно. У Флореса не было оборудования, он полагался на лопаты. Удивительно, подумал Рансибл, что он не заставляет их таскать гравий на спинах. Эта мысленная картинка его забавляла: подростки, согнувшись вдвое, словно китайские кули, бредут от гравийного завода Джослин по Петалум-роуд, а затем по шоссе номер один до Каркинеза, вверх по холму к дому Домброзио, на повороте на станцию Шеврон. Он решил, что часть пути трубы можно было бы катить.

Вид из его гостиной не казался многообещающим. Внизу были выставлены на всеобщее обозрение грязь, трубы и гравий. И что это, спросил он себя. Проект переноса дерьма из дома Домброзио во внешний мир? И мы должны наблюдать, как это происходит; мы должны смотреть на трубы и гравий, которые будут компенсировать миру тот факт, что Уолтеру и Шерри Домброзио приходится время от времени посещать туалет.

Такого рода шутки были типичны для этого

района и звучали каждый раз при установке нового септика или труб. Но он не чувствовал себя в настроении шутить; он не получал того же удовольствия от буколического земного юмора, как деревенские жители. «Если мне придется так шутить, — подумал он, — я возьму за образец картины Брейгеля».

У себя в спальне он снял пальто, рубашку и галстук. Таская газовый баллон вместе с Дитерсом, он весь заляпался черной грязью. И, как он только что заметил, грязь засохла и на манжетах брюк. Когда это случилось? Вероятно, очень рано утром, на первом открытом поле, куда он приехал. Невозможно ходить по земле, не испачкавшись; глупо надевать деловой костюм, белую рубашку и галстук… но какая альтернатива была у агента по недвижимости? Мне нужно встречаться с людьми, сказал он себе. И мне нужно выходить на улицу и бывать везде. Поэтому он давно смирился с необходимостью переодеваться пару раз в день. Переезжаешь сюда, подумал он, надевая чистую рубашку, цивилизованным культурным человеком, и вскоре оказываешься в той же канаве, что и все остальные тут. Ты гадишь в длинную трубу и ходишь по дерьму. Если поцарапаешь руку ржавым гвоздем, то умрешь,

как старая овца, от столбняка; будешь скакать по полю, биться в судорогах. Здесь (он репетировал своего рода мрачную пародию на свою обычную речь для потенциальных клиентов) ты не умрешь от атеросклероза или рака горла; тебя переедет косилка или тебя забьют насмерть, или ты подхватишь легочных червей. Или — и это был страх, с которым он не мог справиться, — твоя бутановая горелка взорвется и раскидает твои останки по пастбищу, в которое ты вложил все свои сбережения.

Найдя чистые брюки, он закончил переодеваться и вышел из спальни. У окна он остановился, чтобы еще раз взглянуть на раскопки.

Попробуй обсудить здесь искусство, сказал он себе. Пока банда глупо ухмыляющихся подростков-идиотов роет выгребную яму под твоим окном. Попробуй год за годом говорить о культурном потенциале этого места, его пасторальных красотах, царящем здесь спокойствии. Обычная новость здесь — что соседу оторвало руку во время работы на мельнице. Вот и все новости. Может быть, корову сбил грузовик с зерном. Или рысь спустилась ночью с холма и съела чью-то утку.

А теперь главная новость дня в том, что Джон Флорес роет триста футов канавы для прокладки

труб, и все об этом говорят; все дети выстроились в очередь посмотреть, даже его собственный сын провожает взглядом каждый взмах лопаты. Сколько это стоит? Вот в чем вопрос. Сколько надо выкопать? Это тоже важно. И в чем была проблема?

Он сделал себе пометку узнать, сколько Флорес взял за фут.

«Даже я, — подумал он. — Я тоже должен знать. Потому что больше тут знать нечего. Когда живешь скромно, думаешь мелко».

Интересно, что нужно, чтобы заставить их мыслить масштабно, спросил он себя. И вообще, что тут считается масштабным.

Только тут он заметил, что во дворе его жена возится с растениями. На ней были джинсы, соломенная азиатская шляпа и старые туфли. Опустившись на колени, Джанет пропалывала свою грядку с клубникой.

«Может, идиотам живется лучше?» — спросил он себя.

Некоторые люди счастливы в этом своем маленьком мире. Копаются в земле, час за часом. Моя жена, подумал он. Другие жены, фермерские жены. Да, Джанет довольна, когда может быть как они. А вот когда она не может быть как они,

тогда начинаются мучения.

Он подумал: вот почему ей здесь нравится; здесь нет никаких сложностей. Ничего, что могло бы напрягать ее, никакого, как она говорит, «давления».

Он подошел к входной двери, открыл ее и вышел на крыльцо.

Внизу на дороге что-то двигалось, он не мог разглядеть что. До него доносились пронзительные голоса. Потом он наконец разглядел трех мальчиков, которые с трудом ползли вверх по холму. Потом он увидел, что они толкают тележку. Что они толкают?

«Что это?» — спросил он у себя. Колеса тележки визжали и скрипели, мальчики кричали друг на друга и налегали на нее всем весом. У первого из домов они остановились, подперли колеса; один мальчик прошел по дорожке и постучал в дверь. Когда ему открыли, он что-то продемонстрировал и указал на тележку. Продает что-то, понял Рансибл. Опять. Что на этот раз? Для яблок не сезон.

Стоит ли ему подождать? Он задержался на крыльце, не подходя к машине. Джанет не услышит их, решил он; она слишком занята возней с сорняками. Она даже не услышала его прихода.

Его жена была полностью поглощена своей

работой. Суета с трубами по соседству ее не раздражала. Работа. Шум. «Как она уходит в себя, — подумал он. — Хотел бы я быть ею? Вот идут мальчики с тележкой чего-то на продажу; я вижу их; я слышу их; я знаю о них, поэтому мне нужно оставаться здесь, пока они не приедут».

Такова цена, подумал он, за возможность видеть мир.

Теперь мальчики заметили его. Да, думал он, покорно ожидая. Ваш клиент. Мальчики закричали друг на друга и удвоили усилия, тележка застонала и поехала быстрее.

Что же он увидел? Кажется, это была грязь. Коричневая земля сыпалась из тележки, иногда попадались и камни. Это выглядело не слишком привлекательно. Не дожидаясь, пока они дойдут, он проверил, есть ли у него мелочь. Было бы неловко, если бы ее не оказалось.

— Эй, мистер Рансибл! — окликнул один из мальчиков. Они были старше Джерома. Восьмой или девятый класс.

Он кивнул им.

Пыхтя, мальчики прикатили тележку и с надеждой заулыбались.

— Что у вас там такое? — спросил он.

— Наконечники стрел, — сказал мальчик.

— Индейские сокровища, — весело вставил другой.

Вместе они подтащили к нему тележку. Он увидел грязь и всякую ерунду. Мальчик протянул ему сверток из носового платка. Рансибл, откинув край платка в сторону, увидел два черных наконечника стрел. Обсидиан, понял он. Лучший, который встречался в этом районе. Очень ценный.

— Сколько? — спросил он.

— Доллар.

— За оба?

Мальчики зашушукались.

— За штуку, — быстро ответил первый.

Подняв наконечники стрел, он внимательно их осмотрел. За годы жизни в этом районе он сам ни разу не находил такого, хотя всегда мечтал. Он постоянно надеялся их найти. Рано или поздно это случится, думал он и не переживал. В поисках не было никакой острой необходимости. И он видел множество таких находок в самых разных домах. Он слышал о людях, которые находили красивые большие обсидиановые наконечники стрел на видном месте, посреди дороги или прямо на берегу залива. Есть ли вообще смысл в их покупке? Или главное — удовольствие от находки?

Но эти оказались в отличном состоянии, и он мог бы выставить их у себя в конторе.

Эта идея ему понравилась.

— Ладно, давайте. — Он достал бумажник.

Заплатив два доллара, он указал на тележку и спросил:

— А там что?

— Всякие другие индейские штуки.

— Еще наконечники?

Мальчики ответили не сразу.

— Нет, — наконец сказал один них, покопался в земле и вытащил кусок гранита, — это индейское орудие.

— Где вы их нашли? — спросил Рансибл.

Мальчики сразу стали скрытными. Очевидно, они уже говорили об этом и решили никому не рассказывать. Но, зачерпнув горсть земли, он получил ответ. Он знал эту почву. Они нашли наконечники стрел дальше по дороге, где шли работы.

— Там, внизу, — сказал он, указывая на бригаду Джона Флореса.

Мальчики неохотно кивнули. Один из них громко сказал:

— Но это никому не нужно, а у нас есть разрешение.

— От кого?

— От мистера Флореса, — сказал мальчик.

— Ладно. — Рансибл порылся в тележке. Они и правда нашли какие-то орудия — кажется, шила и несколько костей, служивших крюками или пробойниками. Но до этого ему не было дела.

— Ладно, парни, спасибо.

Взяв наконечники стрел, он вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Сел у телефона, еще раз осмотрел наконечники, а затем набрал номер.

После нескольких гудков Уортон снял трубку.

— Это Лео Рансибл, — сказал Рансибл. — Какие-то мальчишки только что пришли и продали мне пару обсидиановых наконечников стрел.

— Где они их взяли? — спросил Уортон.

— Вы знаете Уолтера Домброзио?

— Да. С поля, где они копают? — В голосе Уортона звучали торжество. — Я велел ему следить. Каждый раз, когда у нас копают, надо смотреть внимательно.

— Там было много разного хлама. Что-то похожее на гранитные шила. И пробойники для кожи. У них была целая тележка, они возят ее по улице и предлагают всем.

— Отлично, — сказал Уортон деловым голосом, — а теперь сделайте вот что. — Он не стал

дожидаться согласия Рансибла и тут же продолжил: — Идите туда, где копают. Ясно? Велите Флоресу прекратить работы. Не позволяйте ему больше копать. Я не смогу подойти еще около часа, а потом приду. Может быть, вам лучше побыть там в это время. Чтобы никто из детей больше ничего не унес. Домброзио дома?

— Не знаю. — От приказов учителя он немного растерялся.

— Некоторые из этих вещей довольно хрупкие, — пояснил Уортон, — так что лучше предоставить дальнейшие раскопки мне. Я принесу инструменты. Посмотрим… до темноты еще часов пять. Отлично. До свидания.

Послышались гудки. Уортон повесил трубку. «Ради бога, — подумал Рансибл. — Я должен вернуться на работу, у меня нет времени на ерунду». Он начал набирать номер, но передумал и повесил трубку. Он ощутил слабое любопытство: не такое, как у Уортона, но все же. А деловой тон Уортона его еще больше раззадорил. Каких находок больше всего? Испанских сокровищ? Захороненных городов? Нет, хозяйство ацтеков и инков. Дальше на юге. Здесь ничего подобного нет… только керамика, орудия и наконечники стрел. Но все же…

Он вышел из дома и пошел к раскопанному полю. Человек совершает удачную сделку с обсидиановыми наконечниками, и посмотрите, куда это его приводит, думал он. Как давно он не ступал на землю Домброзио? «И теперь, — думал он, — мне придется прийти туда и просить, чтобы работы остановили, и ради чего? Для себя? Получу ли я что-нибудь от этого?

Я поставил себя в положение, когда вынужден просить что-то у Уолта Домброзио, и ничего за это не получу». Но Уортон прав: работы следует остановить. Наука, интересы человечества, важнее всего. Нельзя забывать об исторических исследованиях.

Добравшись до поля, он начал задыхаться от волнения. Увидев Джона Флореса, он сложил ладони рупором и крикнул:

— Прекратите копать!

Все головы повернулись к нему.

— Прекратите копать, — пропыхтел он, выбираясь на поле и шагая к Флоресу. Земля взлетала из-под ботинок, камни откатывались в стороны.

— Парни, вы нашли какие-то индейские артефакты, — сказал он, останавливаясь перед Флоресом, — я поговорил со школьным руководством округа.

Он нашел самую эффектную формулировку для своего дела.

— Они советуют вам немедленно прекратить работу.

Темное морщинистое лицо Джона Флореса вызвало в памяти то, что говорили об этом человеке. Он не умел ни читать, ни писать и все же был одним из самых уважаемых, проницательных и одаренных бизнесменов в этом районе; иногда он командовал восемью или девятью людьми и выполнял большую часть тяжелой работы для фермеров и домовладельцев.

Флорес был почти семи футов ростом. На нем были коричневая куртка, джинсы и ботинки, а на носу — та самая пара очков, круглых очков в стальной оправе, которые ему купили в далеком детстве.

Для начала он с обычной своей вежливостью кивнул Рансиблу и поздоровался.

Никто из мальчиков уже не копал; они остановились, чтобы поглазеть и послушать, так что никакой срочности не было. Переведя дух, Рансибл помолчал.

— Я спустился сюда как можно быстрее, чтобы передать вам.

Проблема Флореса заключалась в том, что сло-

ва на него не действовали. Он улавливал смысл и не более того. Любая риторика оказывала совершенно одинаковый эффект. Он учитывал только свои практические интересы.

— Послушайте, — сказал он, — нам нужно копать. Это стоит денег.

Говорил он без акцента, хоть и был родом из Португалии, голос у него глубокий и густой, как у диктора радио.

— Смотрите, мы уже сделали половину работы.

На это не было ответа; по крайней мере, Рансибл его не придумал. Пока он стоял там, не в силах ничего возразить против безжалостно практичной позиции Флореса, открылась дверь дома Домброзио. Вышел Уолт Домброзио в спортивной рубашке и брюках. Увидев Рансибла и Флореса, он направился к ним.

— Спросите мистера Домброзио, — предложил Флорес.

— Ладно. — Рансибл собрался с духом.

— Что происходит? — спросил Домброзио, подходя.

Лицо у него было мрачное, непроницаемое и отчужденное. Очевидно, он не желал видеть Рансибла, эта неожиданная встреча никого из

них не обрадовала. Рансибл чувствовал его враждебность.

— Я только что разговаривал с мистером Уортоном. Насколько я помню, вы дружите.

— Да, — согласился Домброзио.

— Ты знаешь, что здесь нашли следы индейцев?

Он указал на длинную канаву, в которой стояли мальчики с лопатами.

— Пока копали. Уортон просит остановиться, пока он не сможет посмотреть сам.

— А мне-то что, — сказал Домброзио, — что за следы?

— В основном всякие камни, — сказал Флорес, — я их видел. Ничего особенного. Мы выбросили их обратно. Какие-то парнишки их подобрали.

Ему явно не нравилась идея прекратить работу.

— Давайте посмотрим, — сказал Домброзио.

— Их мальчишки забрали, — повторил Флорес, — на продажу. Не на что смотреть; они забрали все.

Рансибл посчитал неразумным упоминать свои два наконечника. Возможно, Домброзио может заявить на них права. В конце концов, они найдены на его земле; у него будут веские доводы.

— Я должен платить за время простоя? — спросил Домброзио.

— Мы работаем на вас, — сказал Флорес, — и вот что я скажу. Терпеть убытки я не собираюсь.

— По крайней мере, вы должны понести их часть, — сказал Домброзио.

— Нет, — возразил Флорес, — это ваша идея. Я останавливаться не хочу, мне нет дела до индейцев. Если вы хотите, чтобы я торчал тут без дела, придется мне заплатить. Мои люди не будут тут даром прохлаждаться.

После паузы Домброзио сказал:

— Может, они могут поискать артефакты, а не просто стоять.

— Уортон попросил меня, чтобы они вообще не копали, — вмешался Рансибл, — я просто повторяю то, что он сказал; я не имею к этому никакого отношения. Я ничего с этого не имею.

Ему было неприятно оттого, что он как будто стоил Домброзио денег.

— Может, что-то ценное и найдется, — мрачно сказал Домброзио и ушел, добавив: — Я буду в доме.

— Вот что я вам скажу, — заметил Флорес, когда Домброизо ушел, — не слишком-то это умно с его стороны.

— Это его долг перед обществом, — сказал Рансибл, — и я им восхищаюсь. Он берет на себя расходы, и это достойно уважения.

Флорес проворчал что-то, отошел и сел на капот своего грузовика. Рансибл пошел за ним.

— Покажите, где они нашли камни.

Флорес махнул крупной смуглой рукой.

— Здесь? — Рансибл пошел вдоль канавы. Подростки смотрели на него, глупо ухмыляясь.

Флорес кивнул. Рансибл осторожно спрыгнул в канаву. Грязь сыпалась со стенок на ботинки, чистые брюки сразу стали грязными. Среди комков коричневой глины на дне лежали куски камня.

Присев, он поднял один.

Он знал, что самым впечатляющим наследием индейцев были огромные курганы, куда индейцы веками кидали все, что делалось бесполезным. Странно, подумал он, царапая землю. Странно копаться в мусоре пятисотлетней давности. Перебирать его по песчинке в поисках чего-то ценного.

Может ли здесь оказаться такая же куча? Большинство из них, если не все, располагались у воды. Индейцы питались моллюсками, мидиями и морскими ушками, и их ракушки составляли большую часть курганов.

Он уже нашел гранитные орудия. Вытащил из земли тяжелое… наверное, шило. Каменный цилиндр, сужающийся к одному концу, похожий на кеглю. И куски кости, которым явно кто-то придавал форму. Черт, подумал он ликующе. Он никогда ничего подобного не делал; как это было интересно. Но потом он понял, что все это принадлежит Уолту Домброзио, и ощущение триумфа исчезло. Он искал сокровища для другого. Рансибл встал на ноги.

«Может, мне лучше уйти отсюда, — подумал он, — пока меня не обвинили в краже двух наконечников стрел. — Но любопытство удерживало его. — Думаю, я останусь здесь, пока Уортон не приедет, — решил он. — Я не хочу ничего упустить, вдруг тут случится что-то важное».

Меньше чем через час появился учитель — в старой одежде, с киркой, лопатой, молотком, джутовым мешком и рулоном проволочной сетки через плечо. Он помахал Рансиблу и бросил свой груз вниз.

— Вы неудачно оделись, — заметил Уортон, спускаясь на дно канавы и начиная кидать землю на проволочную сетку, — тут нужна рабочая одежда.

— Знаю, — сказал Рансибл.

— Ну так возвращайтесь домой и переодевайтесь, — предложил Уортон.

Расстроившись — в конце концов, он уже простоял тут битых пятьдесят минут, — Рансибл поплелся обратно к своему дому. Он как можно быстрее переоделся в рабочую одежду и вернулся.

К своему изумлению, он обнаружил, что Уортон перестал копать. Он сидел на земле, поджав ноги и погрузившись в размышления.

— В чем дело? — спросил Рансибл.

Уортон, держа в руках гранитное орудие, сказал:

— Тут что-то не так. Эти вещи обычно не встречаются в такой почве. Я собрал все, что есть. — Он указал на кучу, и Рансибл понял, что за то время, которое ему потребовалось, чтобы переодеться, Уортон собрал все ценное. Судя по всему, больше их не было. Или, по крайней мере, Уортон не ожидал найти еще.

— Мистер Уортон, мы можем начинать работу? — поинтересовался Флорес. — Вы закончили?

— Погодите минутку, — отозвался Уортон, поглощенный своими мыслями и не глядя на Рансибла и Флореса. Внезапно он вскочил на ноги и вернулся к канаве, поманив Рансибла.

— Идите сюда.

Спрыгнув в канаву, Рансибл посмотрел туда, куда ему указывали. На нетронутую поверхность земли, которая сейчас доходила ему до пояса.

— Видите контур? — спросил Уортон. — Здесь была промоина.

— Вода, — обрадовался Рансибл, — я и подумал, что курганы обычно находятся рядом с водой.

Уортон пояснил:

— Тут идет сток с холма. Возможно, вода переносила эти артефакты сюда очень-очень долго. На несколько дюймов в год.

— Понимаю, — сказал Рансибл.

Уортон криво улыбнулся.

— Это будет прекрасная система дренажа. С естественным сливом. Им повезет, если все это не пойдет в их дом.

— А это уже работа Флореса.

Уортон оглядывался, размышляя, смотрел на склон холма над ними, деревья, дома.

— А чья это земля? — спросил он наконец. — Там, где эвкалипты и валуны? Примерно в тысяче футов от дороги.

Рансибл ощутил в животе что-то странное.

— Это моя земля.

Учитель положил руку на руку Рансибла и с

силой дернул — так, чтобы он смотрел в определенном направлении под определенным углом.

— Видите?

— Нет, — сказал Рансибл.

— Такой зигзаг по склону холма. Зимой, когда воды много, трава вырастает такой высокой и густой, что вы не замечаете стекающую воду, если она не окажется на вашей подъездной дорожке или под газовым баллоном. Вода почти полностью уходит в землю. Глина размокает. Течет и льется. Вы, конечно, это видели. Просто не обращали внимания.

Рансибл кивнул.

— Вода несет с собой много земли, — продолжил Уортон, — посмотрите на промоину. Она очень широкая, но не глубокая. Нам придется подняться на холм и осмотреть каждый дюйм, пока мы не найдем, где она начинается. Или где она подбирает эту дрянь. Эти валуны кажутся мне интересными. Эта земля для чего-то используется?

— Нет, — сказал Рансибл, — пока нет.

— Тогда вы не будете возражать, если ее раскопают?

— Я не уверен, — сказал он настороженно.

— Да ладно вам, Лео. Вы не используете эту землю. Мне нужно ваше разрешение. Я могу считать,

что у меня оно есть?

Он дружелюбно, но сильно стиснул плечо Рансибла, и тот кивнул.

— Ненавижу это зрелище, — признался Рансибл, — когда копают. Это потому, что в детстве в городе все время ремонтировали улицы. Там, где я жил, были старые трубы, которые постоянно ломались.

— Может быть, вы станете знаменитостью, — сказал Уортон.

— Что? — переспросил Рансибл, не понимая. Уортон очень быстро перескакивал с одной темы на другую.

— Если мы найдем что-то важное. Калифорнийский университет всегда отправляет людей составлять карту, если находится что-то ценное. Может, вас покажут по телевизору.

Рансибл пожал плечами. Но он почувствовал, как забилось сердце. Внутри все задрожало от предвкушения. И вовсе это не на вашей земле, мистер Домброзио. Это все на моей земле, и только случайно попало на вашу. Самая малость.

Он сунул руку в карман, чтобы ощупать свои наконечники стрел. Их там не оказалось, и на мгновение он почувствовал ужас и панику; по телу побежали мурашки, а на лбу выступил пот.

— Что случилось? — спросил Уортон.

И тут он вспомнил. Он же переодевался и оставил их в других брюках. Наконечники стрел были в безопасности. А еще можно найти гораздо больше наконечников и всего остального. И это будет принадлежать ему.

11

В конторе «Каркинез Ньюз» Сет Фолк открыл конверт, который ему передала миссис Рансибл. Пока он читал, она стояла у стойки в своем длинном пальто, с сумочкой в руках и молча и, как ему показалось, напряженно смотрела на него. Он чувствовал, что она не сводит с него глаз.

— Вы хотите, чтобы я прочитал это сейчас? Пока вы здесь? Это займет некоторое время.

Он предпочел бы отложить это на потом; уже целый час он бился над рекламой продуктового магазина, которую нужно было закончить к полудню.

— Я подожду, — ответила Джанет Рансибл.

Внутренне Фолк вздохнул и продолжил читать, пропуская целые строки, фиксируя только общий смысл. С самого начала было очевидно, что Лео Рансибл написал это сам. Во-первых, текст был напечатан на пишущей машинке из его агентства (на ней же печатались и все остальные прокламации Рансибла), а во-вторых, он был уснащен обычными рансиблизмами. Он бросал вызов всем. Как будто Рансибл не мог

рассказывать или хотя бы поучать, а должен был постоянно всех подстрекать. Фолк подумал: для этого человека мир делится на друзей и врагов. Те, кто за него, должны прочитать это и встать на его защиту. Остальные, вероятно, будут вести себя как обычно.

Он взглянул на напряженную миссис Рансибл. Почти каждый день он видел в окно конторы, как она проходит мимо, направляясь за покупками. Сегодня она была вообще без косметики. Его информация о ней — а что-то он знал обо всех в округе — содержала сведения, что она выпивает и выглядит так, когда приходит в себя после вчерашнего.

В одной части его сознания хранились новости, которые теоретически могли быть напечатаны, а в другой — огромное скопление сплетен и фактов, которые никогда не появятся в печати, будь они даже правдивыми, потому что они не соответствовали его целям. Факт или предположение о том, что она пила, не имели для него значения в профессиональном плане.

Но она его все равно интересовала. Она казалась такой сухой. У нее были такие жесткие бесцветные волосы. Пальто, похожее на мужское. А руки! Она судорожно стискивала пальцы, как

будто боялась, что они отвалятся.

— И что говорит об этом мистер Рансибл? — спросил он, передавая машинописную страницу ей обратно.

Она вздрогнула от вопроса, которого явно ожидала, но который все равно заставлял ее нервничать.

— Он хотел бы, чтобы это было включено в следующий выпуск. Новостной.

— В качестве новости.

— Да, в качестве новости. — По ее лицу промелькнула паника, но потом она снова сменилась напряжением.

— Он в самом деле все это нашел? — спросил Фолк, в основном сам у себя.

— Разумеется, — мрачно подтвердила она.

Он покопался в памяти. «Я не хочу, чтобы меня отождествляли с какими-либо способами продвижения Лео Рансибла», — сказал он себе. В прошлом, особенно в первые дни работы агентства Рансибла, его вынуждали печатать в качестве новостей разные громкие заявления Лео Рансибла. Они договорились: в качестве неформальной компенсации агентство публиковало рекламу на полполосы. Рансибл платил за рекламу, а его заявления помещались в раз-

деле новостей. Сначала эта схема работала. Но потом он обнаружил, что некоторые люди стали приписывать этот помпезный тон всей газете в целом. Ему пришлось стать осторожнее: он не мог просто печатать то, что ему давал Рансибл, в неизменном виде.

Он подумал, что это может выглядеть так:

НАЙДЕНЫ СЛЕДЫ ИНДЕЙЦЕВ

Но Рансибл обожает смотреть на свое имя, набранное крупным шрифтом в верхней части колонки, а не только в тексте статьи.

РАНСИБЛ СООБЩАЕТ О НАХОДКЕ

Это могло бы сработать.

В своем заявлении для «Ньюз» Лео Рансибл сообщил о находке скопления индейских орудий, которая может оказаться крупнейшей в этой области за многие годы.

Конечно, подумал Фолк, это в каком-то смысле отделит газету от темы.

По словам Рансибла, орудия были слу-

чайно найдены на принадлежащей ему земле. До этого момента даже эксперты по культуре индейцев не подозревали, что в этом районе может обнаружиться что-то ценное. Возможно, эта находка станет сенсационной. Именно Рансибл предположил такую возможность и не допустил повторной утери находки, которая лишила бы американскую науку и университеты редкой возможности. Как он признался в интервью «Ньюз»: «Я сразу понял, что в наших руках нечто, важность чего невозможно недооценить».

Джанет Рансибл смотрела на него через стойку, пока он сидел, откинувшись на спинку стула, разглядывая машинописный текст, а затем закрыл глаза, пытаясь сформулировать фразу.

Даже прикидывая текст в уме, он думал: интересно, насколько это все правда. Лучше выяснить, прежде чем что-то печатать. Означает ли это, что Рансибл собирается дарить каменный наконечник стрелы за покупку участка? Это новый способ продвижения его услуг? Привлечет ли это людей в этот район?

Конечно, было бы хорошо, если бы люди сюда

приезжали. Об этом мечтали все мелкие предприниматели, которые размещали рекламу в «Ньюз». Тут Сет Фолк был солидарен с агентством недвижимости Рансибла: они преследовали общую цель.

Интересно, кого это может привлечь, подумал Фолк. Вспомнить огромную акулу, которую поймали в заливе Томалес… и люди стали ездить в ту забегаловку с креветками, чтобы посмотреть на акулу. Фотография в «СФ Кроникл» привлекла около тысячи любопытных. Но к чему это привело в результате? Они купили несколько фунтов креветок? Пару бутылок пива? Ну да. Перед тем как отправиться обратно в город.

В прошлом профессора из университетов приезжали сюда изучать индейские находки. Выходили статьи в крупных столичных газетах, в Сан-Рафаэле и Сан-Франциско, с фотографиями. Они неплохо прорекламировали этот район.

Все зависело от того, что именно этот мудак найдет. Наконечники стрел никому не нужны, если только их не окажется так много, что их действительно можно будет раздавать. Но просто посмотреть… нет, никто не приедет, потому что посмотреть можно и сейчас. Можно зайти в школу, в класс Уортона, и полюбоваться на его

коллекцию. И никто этого не делает, за исключением собраний родительского комитета.

— Это очень интересно, — сказал он вслух.

— Я знала, что вам понравится, — с видимой гордостью и облегчением ответила Джанет Рансибл.

— Я позвоню Лео, — сказал Фолк.

— Он в конторе, — тут же отозвалась она.

— Да, — он сунул лист бумаги обратно в конверт, — позвоню ему и узнаю кое-какие подробности, прежде чем печатать.

Во-первых, Рансибл, вероятно, совершил свое открытие не один, а в тексте нет ни одного имени, кроме Рансибла, Рансибла, Рансибла, а так нельзя. Нужно все сделать как полагается. Ничто не вызывает проблемы быстрее, чем оставление людей за бортом.

Когда миссис Рансибл ушла, он отнес конверт своей жене и заставил ее прочитать текст. Сидя за самым большим из их трех станков, Мэри открыла конверт и прочитала статью от начала до конца.

— Тебе придется полностью это переписать. Он пишет так, как будто это все гарантировано. Но это ведь только его идея. О ценности находки.

— Я ему звонил, — сказал Фолк, — он уехал с

клиентом, но перезвонит, когда вернется.

Мэри Фолк сказала:

— Он так волнуется. Можно подумать, что речь о Гражданской войне или о чем-то по-настоящему важном.

— Это может оказаться важным. Следы индейцев могут быть важны.

— Почему? — спросила его жена. — Эти индейцы здесь разве что сырых устриц ели. Я понимаю еще восточные индейцы, шайены или апачи, которые строили вигвамы и стреляли из луков. А эти калифорнийские индейцы… одна грязь.

Фолк рассмеялся.

— Они даже не ездили на лошадях, — сказала Мэри Фолк.

— Слушай, это не твоя забота — решать, важны они или нет. Важно, что думают люди. Другие люди.

— Никому в мире нет дела до наших индейцев. Кроме Калифорнийского университета и, возможно, людей в Сакраменто. Калифорнийское историческое общество и Историческое общество Марин. И то они вынуждены. Это их работа. Как приют должен интересоваться дохлыми кошками.

— Но ты бы сама хотела показывать посетите-

лям наконечник стрелы из обсидиана, — заметил Фолк.

— Но он говорит, что нашел что-то другое. Курган или что-то в этом роде?

— В курганах всегда полно хлама, — пояснил Фолк, — горшки, корзины. Они хоронили все имущество вождя вместе с ним. Или так делали египтяне…

— Если Рансиблу нужен разворот, пусть он за него платит.

Она решительно сжала губы и вернулась к работе. Для нее вопрос обсуждению не подлежал: он знал ее отношение к Рансиблу.

Но мы должны помочь, понял он. Дело не в этом человеке, а в его идеях. Они бывают хороши. Например, когда он заставил их проголосовать за расширение школы. По крайней мере, он смотрит в будущее. И это уже намного больше, чем делают владельцы ранчо.

И, подумал он, Рансибл действительно создает новостные поводы.

— Он перевез свой бизнес в этот район, — сказал он, — он сделал его более успешным.

Его жена не ответила. Она не одобряла Рансибла и никогда не одобрит; она принципиально отрицала его, и, что бы он ни сделал, она нико-

гда не сочтет его приличным человеком. Мэри родилась здесь, выросла в этом районе; она ходила в старую школу Ривер и в среднюю школу Томейлса — она знала всех жен владельцев ранчо лично, и, когда она не была занята набором текста или корректурой, она болтала по телефону с ними по очереди, узнавая подробности об их маленьких воскресных пикниках, обедах, днях рождениях и общественных мероприятиях. Он сам занимался несветскими новостями, ограблениями, смертями, автомобильными авариями и новыми налогами. И, конечно, рекламой. Интересно, каково это, подумал он, быть нелюбимым всеми коренными жителями. Никогда не быть принятым, независимо от того, как долго ты здесь живешь и держишь ли ты здесь свою контору. Все местные по-прежнему ходили к Томасу, хотя он уже почти отошел от дел, хромал на одну ногу, выходил из дома один день в неделю и даже не мог добраться до некоторых из домов, которые продавал. Ему приходилось снабжать своих клиентов кое-как нарисованными карандашом картами.

А что они будут делать, когда Томас умрет? Вообще перестанут продавать дома?

Однажды Рансибл заказал за свой счет ре-

кламный щит. Большой, ярко раскрашенный, с крупными буквами «ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КАРКИНЕЗ. СБРОСЬТЕ СКОРОСТЬ. ЖИВИТЕ СЧАСТЛИВО». И установил его на дороге. Как-то на выходных фермерские детки привязали к нему цепь, дернули его машиной и сожгли.

Может, это было неуместно, подумал Сет Фолк. В конце концов, это все еще сельскохозяйственный район, а не уютный зонированный пригород с тенистыми улицами и пожарной станцией, увитой плющом. Но намерения у этого человека были самые добрые.

И это стоило ему денег. И когда он узнал, что щит сняли, он не попытался поставить еще один; он сдался. И это беспокоило Фолка; он ожидал, что Рансибл просто закажет еще один.

И, подумал Фолк, этот человек разве когда-нибудь причинил кому-нибудь вред? Покажите, кому он испортил жизнь. Он выбивал для своих клиентов хорошую цену за землю, которую они хотели продать. Он вообще поднял цены в этом районе. И он очень старался, ища подходящие дома для людей, желающих сюда переехать. Он работает. Он никогда не торчит в конторе, он постоянно разъезжает по округе. Не сидит за столом… как сам Фолк, или страховой брокер,

или банкир, или, если на то пошло, парни на заправочных станциях.

Если в этом городе есть человек, который зарабатывает свои деньги честно, то это Лео Рансибл.

Говорили, вспомнил он, что Рансибл сделал этот район вульгарным. Так говорят обеспеченные пенсионеры из дорогих домов на холме.

Он переключился на заголовок и теперь мыслил в профессиональном ключе.

ГРЯЗНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ЕВРЕЙ-ЧУЖАК ОБВИНЯЕТСЯ

Лео Рансибл из агентства недвижимости Рансибла носит желтые туфли и фиолетовый галстук, как утверждают жители города, согласно сообщениям, поступившим в «Ньюз». Сообщают также, что он иногда говорил «Чушь!». Информация передана шерифу Кристену для изучения.

Он обнаружил, что посмеивается над этой воображаемой статейкой. Она будет опубликована на первой странице, разумеется, в крайней правой колонке. Затем Лео Рансибл атакует своих недоброжелателей в ответ, и это тоже попадет в газету. Как он ответит? Он немедленно отправит свое

заявление в прессу; Джанет Рансибл в длинном бесформенном пальто будет стоять у стойки, ожидая, пока он прочитает очередной текст.

РАНСИБЛ СОКРУШАЕТ СТАРЫХ ПЕРДУНОВ СВОИМ ЯРОСТНЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ

Сегодня в своей речи, рассчитанной на то, чтобы вызвать возмущение у владельцев некоторых ранчо, Лео Рансибл заклеймил «старыми пердунами» тех, кто вчера высказался относительно внешнего вида Рансибла и его выражений, а также назвал его «грязным маленьким евреем».

И добавить одну из заметок Мэри.

В среду вечером Лео Рансибл с семьей отправились в Сан-Рафаэль и провели час у своего адвоката, обсуждая судебный процесс.

Мэри Фолк спросила из-за станка:

— Ты собираешься посмотреть, что он там нашел?

— Нет, — ответил он с досадой.

Ему это не пришло в голову; он думал только о том, как выяснить, кто настоящий автор находки.

— Посмотри на находки и реши, имеют ли они смысл. Не верь Рансиблу на слово — пойми, что ты ведешься на его болтовню, как и все остальные, как и его клиенты.

Он почувствовал, что краснеет.

— Ты ужасный репортер, — заметила она и вернулась к набору текста, — все, что тебя волнует, — это что скажут люди. Слова, слова.

Он пожал плечами. Ответа у него не было.

— Как юридические уведомления, — сказала Мэри, — просто слова.

А вот на это у него был ответ. «Ньюз» печатали много юридических уведомлений и служили основным источником дохода. Он попытался сказать, что без них газете было бы нечем платить по счетам, но посмотрел в окно, на улицу, машины и магазины. Мимо почты ехал знакомый зеленый «меркури». Он вскочил на ноги и присмотрелся. Машина из «Сан-Рафаэль Джорнал» появлялась, когда в городке возникали настоящие новости, когда случалось ограбление или несчастный случай со смертельным исходом.

Он ненавидел ее, пыльно-зеленые крылья и

капот, карточку на лобовом стекле, двух мужчин внутри, одетых в стильные деловые костюмы. В своей гавайской спортивной рубашке он быстро вышел на крыльцо и принялся наблюдать, куда поедет машина. Но он знал, что она припаркуется у агентства Рансибла.

— Что такое? — спросила Мэри, выходя вслед за ним, но тоже узнала машину из Сан-Рафаэля, стоящую перед агентством.

Ничего не говоря, она вернулась обратно в здание, к работе. Сказать было нечего. Он остался стоять на крыльце и чувствовал себя очень глупым.

— По-моему, я слишком много времени потратил на размышления, — наконец сказал он ей, — ты была права. Мне следовало пойти и посмотреть, что он там выкопал.

Он вернулся в контору и медленно закрыл за собой дверь.

Грунтовая дорога вилась среди пихт и шла вверх под таким крутым уклоном, что Том Хейес, ветеринар, специализировавшийся на работе с крупными животными, сбросил скорость почти до нуля, переключился на пониженную передачу. Когда грузовик начал подъем, вещи, лежавшие в кузове, пришли в движение. Он слышал, как они

летали по металлическому полу, но продолжал подъем, слыша рев двигателя. Камни вылетали из-под колес и звенели о крылья и капот. Грузовик накренился, когда одно колесо въехало в борозду.

Зимние дожди смыли часть дороги, оставив огромные ямы и насыпи; он слышал, как камни царапали днище, когда он поворачивал направо. И все равно дорога шла вверх. В одном месте рухнуло дерево и перекрыло путь, но его уже оттащили достаточно далеко, чтобы проезжали грузовики и внедорожники. И старые машины, подумал ветеринар. Те, у которых высокий клиренс.

В пихтовый лес почти не проникал свет. Земля была сырой. Ветеринар увидел папоротники, огромные, черные, с каплями воды на листьях. С деревьев постоянно капала вода, земля поросла подлеском. Мили и мили юной поросли тянулись и покрывали холм. Здесь никогда не вырубали лес, хотя ближе к шоссе порой ездили бульдозеры.

Некоторое время грузовик ехал по ровному полю, на которое попадало немного солнечного света. Папоротники и пихты здесь не росли; вместо этого он увидел сухую траву и несколь-

ко быков. А на краю поля паслись два безрогих оленя. Они не обращали внимания на грузовик. Впереди по дороге шло стадо. Ветеринар различил телят с огромными коричневыми головами.

Дорога разделилась. Он повернул налево и вскоре снова въехал в тень деревьев.

На вершине хребта хвойный лес закончился. Среди травы и грязи лежали огромные валуны, земля казалась совсем гладкой, а редкие чахлые деревья гнулись под океанским ветром. Он тоже чувствовал ветер; он щелкал дворниками и свистел в кабине.

Почти сразу же он понял, что едет по болотине. По серой воде шла рябь от ветра, тростник вдоль грязевых берегов качался. Поганки болтались на воде грязными точками. Дорога шла близко к плоской горе, по твердой земле, над болотом. Это радовало: он не хотел тут застрять.

Сначала его взгляд привлекли телеграфные столбы, а потом он увидел гниющий забор — границу устричной фермы.

Забор спускался к воде, заходил в нее и только там заканчивался. Чтобы не подпускать акул и скатов, подумал он. Чтобы защитить устриц. Баржи нигде не было видно. Наверное, она за поворотом. В конце болота стояли белые хижины, и

утреннее солнце отражалось от стен.

Почти на месте.

Как же тут было пусто. Никаких машин. Никаких голосов. Даже никаких коров или оленей. И лес остался далеко позади. Почва по обе стороны дороги сделалась песчаной.

Это скопление хижин и сараев у болота когда-то сообщалось с внешним миром по воде. Около тысяча девятисотого года в первоначальное поселение под названием Каркинез ездили на лодках. Не было никаких дорог через горы, позволяющих доехать в глубь страны, все привозили и увозили только по воде. Те немногие люди, которые здесь остались, зарабатывали на жизнь разведением устриц, которых они возили через хребет на грузовиках. Еще они держали скот: пару овец, коров, кур. И выращивали овощи.

Ветеринар бывал тут, в старом городе, всего несколько раз. Ему тут не нравилось, и у людей почти не было денег. Но он чувствовал, что обязан приехать; в этом районе не было другого ветеринара, а бедняки полностью зависели от своих животных. Его вызвали открыткой. Он решил, что здесь нет телефонов.

Он миновал большую заброшенную ферму слева от дороги. Амбары, главный дом… все разва-

ливалось, краска ободралась, провода порвались. Темно-коричневые доски, разрушенные ветром, водой и соленым воздухом. Дерево, изъеденное гнилью и термитами. Из-за дома вышел бык и медленно двинулся прочь.

В самом городе он увидел древний бензонасос с ручным приводом. Ржавый, покосившийся набок, он не имел стеклянной крышки; это была всего лишь колонна из жести с ясно видимыми цепью и колесом внутри. Это для лодок, решил он. Потом он увидел нескольких стариков, сидевших на длинной пристани и на ступенях главного здания города. Оно служило складом. Повсюду громоздились серо-голубые кучи устричных раковин. Дорогу тоже покрывали битые раковины; они блестели на солнце, и он слышал, как по ним хрустят шины.

Один из людей встал при виде грузовика. На нем были светлые джинсы, шерстяная куртка, заношенная до черноты, и шляпа. Остальные не пошевелились.

Ветеринар остановился рядом с ними.

— Привет, — сказал он.

Тот, кто встал, кивнул.

— Я получил открытку. У вас овца болеет?

Повернувшись, человек жестом велел ему

следовать за ним. Ветеринар заглушил мотор, взял сумку и пошел за стариком по устричных ракушкам, мимо того, что когда-то было зданием маслобойни. Он узнал металлическую крышу и трубы холодильного оборудования.

Он нагнал старика у открытого загона.

— Почему вы решили, что она больна? — спросил ветеринар.

Старик ткнул пальцем. В грязи лежала на боку овца. Сначала ветеринар решил, что она мертва. Но когда он подошел к ней, овца открыла глаза и слегка дернула ногами.

— Я ее поднимал, — сказал старик, — но если она ложится, то не может снова встать.

Тут же стояли еще пятнадцать или двадцать овец и смотрели на них. Старик присел на корточки рядом с больной овцой, схватил ее за шерсть и дернул. Овце удалось опереться о землю, она сунулась вперед и кое-как проковыляла несколько шагов. Казалось, она не видела, куда идет. Один раз она рухнула на колени, а затем ткнулась мордой в грязь. Но ей удалось подняться обратно.

Ветеринар заметил, что овца волочит задние ноги. Спинальная инфекция, подумал он. Овца шаталась, как сломанная машина; как будто все части ее тела двигались самостоятельно. Она

мотнула задом, ноги выскользнули из-под нее, она тяжело осела, а затем опрокинулась и снова легла на бок.

— Боюсь, придется ее усыпить, — сказал ветеринар.

— Нет, это моя лучшая овца, — возразил старик, — она приносит двух ягнят каждый год, и ей всего шесть лет.

Открыв сумку, ветеринар достал инструменты. Ректальным термометром измерил температуру, а потом прослушал легкие. Лихорадки не было, и хрипов в легких тоже.

— Пневмонии нет, — сказал он, — пока нет, во всяком случае.

Придерживая овцу коленом, он осмотрел ее задние ноги и позвоночник. Может быть, это столбняк, подумал он. Но скорее всего, это киста в позвоночнике.

— Я сделаю укол антибиотиков, — сказал он и достал бутылки и иглу. Это было все, что он мог для нее сделать, — наблюдайте за ней. Если она умрет, лучше сделайте вскрытие, чтобы выяснить, что это было. Чтобы она не заразила остальную часть стада. Дайте ей около недели.

Он начал убирать инструменты. Овца лежала там, где была, ее глаза были широко открыты.

Она не делала никаких попыток встать.

— Это все собака, — сказал старик.

— Нет, — сказал ветеринар, — никаких признаков травмы.

— В прошлом году сюда забрел ужасный черный пес. Я хотел его прикончить, но не успел достать ружье.

Когда он выходили из загона, ветеринар услышал кашляющий звук. Осмотревшись, он увидел барана, который стоял с опущенной головой, широко расставив передние ноги, кашлял, тряс головой и тяжело дышал.

— Возможно, у него легочный червь. Я не говорю наверняка, но такая вероятность есть.

Старик ничего не сказал.

— Нельзя допустить, чтобы он попал на пастбище. В сырой атмосфере он может перезаражать все стало.

— Не думайте вы об этом баране, — отрезал старик, выходя из загона, — у меня больше трех сотен овец. Этот баран просто устал. Он покрыл всех моих овец. Немудрено устать после такого.

— Легочные черви очень заразны, — сказал ветеринар. Сидя в грузовике, он выписал счет и передал его старику. Старик посмотрел на его бумажку, полез в карман и достал кожаный

кошелек, отсчитал три доллара и передал их ветеринару.

— Никогда сюда не возвращайся, — сказал старик.

Ветеринар опешил.

— Мой баран здоров. Это была любезность с моей стороны, позвать тебя сюда. Я хотел дать тебе работу.

Через мгновение ветеринар обрел голос и возразил:

— Три доллара за то, чтобы проехать двадцать миль и сделать укол антибиотиков, — это не так уж и много.

— А нечего смотреть на моих баранов. Я тебя не звал смотреть на барана.

Старик двинулся прочь, к своим товарищам на пристани.

Мгновение ветеринар посидел, не заводя мотор. Ему хотелось крикнуть старику, что он потерял деньги, приехав сюда, и что он дал ему хороший совет, бесплатный совет, насчет барана. Что баран может заразить все стадо и что этот совет может стадо спасти. Но старик не хотел слышать, что еще одно животное больно. Ему было достаточно трудно принять, что его лучшая овца умирает от кисты в позвоночнике. Он

считал, что ее покусала собака и что укол ее вылечит. Старик был напуган и зол, и это ветеринар принес ему плохие новости, так что ветеринар и был виноват.

«Как будто я не знаю этих старых фермеров, — подумал ветеринар, заводя грузовик. — Они ведут простую жизнь, и все неприятное их страшит. Вместо того чтобы злиться, — подумал он, — я должен пожалеть его». Но он не мог. Такое случалось часто. Фермеры всегда пугались, узнав, что больные животные заразны. Ему всегда приходилось брать на себя вину. Неудивительно, что прежний ветеринар уехал. Неудивительно, что доктор Брайант не смог добиться здесь успеха.

Надо было оставаться в Кэнон-Сити. На ранчо у шурина.

Посмотрите на этих стариков, подумал он. Сидят вдоль сломанной пристани, положив руки на колени. Ждут баржу с устрицами.

Что они делают? Открывают устрицы? Смотрят на воду? Они никогда ничего не чинят и не ремонтируют. Никогда не красят свои дома. Никуда не ходят, разве что возят своих устриц в город раз или два в неделю и забирают припасы. С тем же успехом они могли бы умереть.

Он проехал мимо пристани и поехал через

старый город, мимо заброшенного продуктового магазина с выбитыми окнами, заткнутыми тряпками, мимо старого склада зерна, мимо кузницы. Справа он увидел старую заброшенную первую школу Каркинеза.

На квадратном желтом здании все еще торчал флагшток, но флага не было. Крыльцо провалилось. Дверь была открыта, и внутри он увидел только темноту.

Дорога снова пошла в гору. Он ехал мимо хижин из досок и рубероида, без фундамента, покосившихся и вязнущих в песке. В одном дворе валялся ржавый кузов автомобиля, а рядом играли двое детей. Хуже Бедняцкой лощины, подумал он. Дети были одеты в какие-то лохмотья, нестриженые волосы свисали сальными прядями. В каком-то смысле это была часть Бедняцкой лощины. Кто-то из этих людей нанимался на сельскохозяйственные работы, на сбор фруктов, на мельницы. По крайней мере, он так думал. На самом деле он не знал, как они выживали. Они не могли все жить за счет устричной фермы.

А потом он увидел нечто удивительное. Из крыши хижины торчала телевизионная антенна, удерживаемая растяжками, трехсекционная мачта высотой не менее пятидесяти футов.

Значит, у них здесь есть телевизоры, подумал он.

На обратном пути, уже в лесу, он открыл блокнот, чтобы посмотреть следующий вызов. Вызов приняла его жена, и он первый раз увидел эту информацию. Своим аккуратным почерком она записала: «Шериф Кристен. С 11:30 до 12:00. В доме мистера Рансибла, а не в агентстве».

Там нет животных, подумал он. По крайней мере, насколько я знаю. И почему шериф?

Иногда Кристен вызывал его, если животное умирало и возникало подозрение на отравление. Случалось, что собаки и кошки ели отраву для крыс или сусликов, и Кристен хотел узнать, было ли это намеренно. Может быть, у Рансиблов есть кошка, подумал он. В округе было много кошек; все фермеры держали их, чтобы защитить зерно.

«Я мог бы получить за это пять долларов», — подумал он. Пока что он ничего не заработал; лекарства и бензин обошлись дороже трех долларов.

В доме Рансиблов его встретили румяный шериф Кристен, перетянутый «ремнем Сэма Брауна» и Лео Рансибл в кепке, теннисных туфлях с дырками на носках, брюках с пятнами краски и толстом хлопковом свитере. Он впервые видел

агента по недвижимости в чем-то, кроме строгого костюма и галстука, и сначала даже его не узнал. С ними был третий человек, которого ветеринар никогда раньше не видел. Перед домом стояло несколько машин.

— Вы ведь не видели доктора Теренса? — спросил шериф. — Ждем его.

— Что тут происходит? — спросил ветеринар.

— Мы хотим, чтобы вы взглянули на старые кости, — сказал шериф и спросил у Рансибла: — Вы же знаете доктора Хейеса?

— Да. — Рансибл протянул ветеринару руку. — Рад вас видеть, доктор.

Незнакомец тоже поздоровался, и Рансибл сказал:

— А это… как его? Билл? Билл Бэрон из «Сан-Рафаэль Джорнал».

Лицо Рансибла казалось остекленевшим, глаза блестели. Голос звучал очень резко, как будто он нервничал или на него давили.

— Я не видел доктора Теренса, — сказал он, пожимая руку Бэрону, — что за старые кости?

Его провели на задний двор. Часть забора сняли, и все четверо вышли на поле за ним. Среди валунов и куч земли ветеринар увидел яму. Она обнажала основания двух больших скал. Земля

осела и сама, как он невольно отметил, но тут недавно копали. Везде лежали лопаты и коробки с какими-то осколками гранита.

Под большим эвкалиптом лежали кости. Шериф Кристен подвел его к костям, опустился на колени и потыкал в них пальцем.

— Похоже на медведя, — сказал ветеринар, — или оленя.

— Как давно он мертв? — спросил репортер.

Ветеринар поднял кость. Она была сухой и легкой, совсем пожелтела, а края зазубрились. Достав свой складной нож, он чуть поскреб ее. Кость была полой, костный мозг давно высох. В ней не осталось ни капли влаги.

— Сложно сказать. Она полностью высохла.

— А эта? — сказал Рансибл.

Ветеринар взял кость и увидел, что она частично окаменела. Он видел окаменевшие кости китов. Им тысячи или, может, миллионы лет.

— Рискну сказать, что эта довольно старая.

— А откуда она? — спросил репортер.

Кость показалась ему крупным суставом, возможно коровьей бедренной костью. Но для коровы она казалась необычайно массивной.

— Зачем вам Теренс? — спросил ветеринар.

Трое мужчин переглянулись. Затем шериф Кри-

стен спустился в яму. Ветеринар последовал за ним, и вместе они подошли к основанию скалы. Он увидел какую-то выемку и следы воды. Камень был вытерт до полной гладкости. Когда-то, решил он, это было устье ручья.

В глубине выемки лежал череп. Кто-то подпер земляную крышу брусьями два на четыре дюйма. Вокруг черепа он увидел другие кости и раковины, в основном устричные. И еще какой-то конический гранитный инструмент.

— Боже мой, — сказал ветеринар, — кого-то убили?

Его собеседники заухмылялись.

— Возможно, — сказал шериф Кристен.

— Очень давно, — добавил репортер.

— О, — ветеринар понял и наклонился к черепу, — можно его взять? Или он слишком хрупкий?

— Подведите под него ладонь, — важным голосом сказал Рансибл, — чтобы он не был на весу. Давайте.

Ветеринар осторожно подсунул обе ладони по обе стороны черепа. Они уже определенно вытаскивали его на воздух. Вынимали и положили обратно. Он взял череп в руки.

Он сразу увидел, что с ним что-то не так.

— Ого, — сказал он, — он деформирован или…

— Или, — ответил Рансибл.

Позади них послышался голос. Они обернулись, и ветеринар увидел человека, бегущего к ним через эвкалипты с охапкой книг. На бегу он кричал:

— Я был прав! Вот здесь! По зубам все видно!

Одна из книг выпала у него из рук и упала на землю, раскрывшись. Человек обернулся, помедлил, но все же побежал дальше. Теперь ветеринар узнал его. Учитель четвертого класса. Лицо его пылало от волнения.

— Коронка и корень едины, — кричал Уортон.

Шериф тихо посмеивался. Рансибл напряженно наблюдал за приближающимся учителем. Репортер вел себя так же, как и прежде, проявляя сдержанный интерес.

— Зубы срослись! — крикнул Уортон, тяжело дыша и протягивая им какую-то книгу. — У него совершенно одинаковые зубы!

Ветеринар узнал учебник с библиотечным штампом на корешке. Уортон показывал им фотографию. Череп, сначала в профиль, а затем анфас. Уортон поднес фотографию к черепу, который держал ветеринар; руки у него тряслись, и он повторял одно и то же.

— Но это невозможно, — сказал репортер.

— Почему нет? — спросил Рансибл.

— Здесь никогда не находили ничего подобного раньше, — ответил репортер.

— И это что, аргумент? — громко сказал Рансибл. — Причина какая-то? Вы так думаете? Залупа это конская, а не аргумент, вот что я вам скажу, — хриплый голос дрожал, — ясно вам?

Он зло уставился на репортера, который только пожал плечами.

— А еще самолеты не летают, а русские не были на Луне, — продолжил Рансибл.

Череп на фотографии был подписан как череп неандертальца.

Ветеринар подумал: верно, это невозможно. Такие останки никогда не находили в Новом Свете, ни одного первобытного человека, или вымерших людей, или как их там называют. Рансибл стоял весь красный и кричал на репортера. Уортон продолжал тараторить о книгах и пытался что-то показать шерифу Кристену, но тот только ухмылялся.

Наверное, это одна из рекламных штучек Рансибла, подумал ветеринар в нарастающем шуме. Как тот дорожный знак или случай, когда он покрасил все здания. Это наверняка подделка.

12

В субботу утром Уолт Домброзио вышел за почтой пораньше, потому что в двенадцать окошечко закрывалось, и если письма клали в ящик, то журналы и посылки забрать не получилось бы. В ящике могла бы лежать красная карточка, сообщающая, что отправление слишком велико, и ему пришлось бы провести остаток субботы и все воскресенье, гадая, что это такое.

В эту субботу, открыв ящик, он обнаружил тонкий темно-коричневый маленький конверт с прозрачным окошком — из банка. Его имя и адрес были написаны ручкой, а не напечатаны. Он сразу понял, что это. Он получал такие несколько раз за последний год. Это было уведомление о том, что денег на чековом счету не хватает, но банк все равно обработал чек по специальной ставке.

Выйдя из почтового отделения, он сразу разорвал конверт. Он был прав. Чек, помеченный как «недостаточно средств», был всего на десять долларов, и это означало, что на счету не осталось даже десяти долларов. Чек выписала Шерри, заметил он. Его захлестнул ужас, и он побежал к

дому как можно быстрее.

Вернувшись домой, он обнаружил свою жену на террасе. Она сидела в плетеном кресле, облаченная в желтые шорты и верх от купальника, и читала книгу.

— Слушай, — сказал он, — мы превысили лимит на счету.

— Нет-нет, — ответила Шерри.

— В каком смысле нет? Посмотри на это уведомление.

Он помахал перед ней бумажкой, и она наконец отложила свою книгу.

— Они ошиблись, — сказала она через некоторое время.

— Банк никогда не ошибается. Когда банк ошибался?

Ее спокойствие доводило его до исступления; ему казалось, что он наблюдает мир в замедленной съемке.

— Я только что смотрела чековые книжки, — сказала Шерри, — у нас на счету около двухсот долларов. Я позвоню в банк, — она прочитала имя кассира, — не помню этого человека. Он, наверное, не знает нас и попытался списать деньги с моего старого счета, который мы закрыли, когда открыли совместный счет.

— Сегодня суббота. Банк закрыт.

Это, похоже, ее не смутило; она отложила уведомление и снова взяла книгу.

— Тогда позвоню в понедельник. Или ты к ним зайдешь. Ты будешь здесь, а мне придется звонить из города. Так что, возможно, тебе стоит взять это на себя.

Сохраняя максимальное спокойствие, он сказал:

— Может быть, тебе лучше бы еще раз посмотреть чековые книжки? Прямо сейчас?

— Нет, — сказала она с ноткой раздражения, — я только что это сделала.

— Где последняя выписка?

— В ящике. Наверное.

Он пошел в спальню. Последние несколько месяцев он позволял ей проверять чековые книжки, поскольку теперь они клали на счет ее зарплату, а не его. Она так хотела, и он не мог ее остановить. И она платила по счетам.

Она вела себя очень грамотно, выписывала чеки аккуратно, указывая номер, который он никогда не мог запомнить, и заполняя корешок. Почерк у нее был четким и разборчивым, счета она проверяла и оплачивала до десятого числа. И все же вот оно. Уведомление о превышении

лимита.

Он обнаружил, что последнюю выписку она даже не распечатала. И ей было почти две недели. Рухнув на кровать, он разорвал объемистый коричневый конверт, высыпал аннулированные чеки и изучил выписку со счета. Там значился остаток всего-навсего в сорок пять долларов.

Он выбежал обратно на улицу с выпиской и чеками.

— Смотри, — яростно закричал он, подсовывая листок ей под нос, — почему ты ее не открыла? Откуда у нас двести долларов? Две недели назад у нас было всего сорок пять, и мы ничего не клали на счет с третьего числа!

Она не ответила.

— Я неправ? — закричал он.

— Перестань на меня кричать, — сказала она своим низким, убийственным тоном, — а не то дело закончится дракой.

Дрожащим голосом он спросил намного тише:

— Где чековые книжки? Все три. Большая и две маленькие.

— Одна у меня в сумочке. Большая на месте. — Она закрыла и отложила книгу. — Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь. Приличные мужья так не обращаются с женами.

Она встала.

— Приличные жены…

— Приличные жены, — перебила его спокойным тоном она, — вправе ожидать, что муж будет их содержать.

Этот выпад, столь неожиданный, не связанный с темой разговора, почти вывел его из равновесия. Он обнаружил, что не может продолжать говорить, и просто уставился на нее. Что происходит? Его жена стояла перед ним, сжав губы, демонстрируя, что она злится, что она тоже расстроена, но не совсем так, как он. Или не так сильно. По ее словам, он вел себя неправильно. Он не мог теперь обсудить их финансы: она видела только мужчину, который плохо обошелся с женщиной, очевидно, дело было в требовательном тоне и интонациях. Ее аристократическая натура не могла этого вынести.

«А как насчет реальности?» — подумал он, отходя в сторону. Ему казалось, что он вот-вот лопнет и взорвется, как перегретая бутылка. Он чувствовал, что он будто разлетается на куски. Руки у него тряслись, и он их плотно сжал — но не смог удержать их сжатыми. Пальцы ног в туфлях поджимались. Язык словно танцевал во рту. «Как будто, — подумал он, — мое тело распадается.

Вот что они имеют в виду под лабиринтом для крыс, — сказал он себе. — Выхода нет. Я не могу говорить с ней, но я должен. Я должен остаться здесь и попытаться поговорить». И все же это было слишком. Жена держалась внешне спокойно, но явно кипела и готова была его наказать. Он повернулся к ней, пытаясь контролировать себя и свою речь, но слова тут же вырвались сами:

— Черт тебя побери! Ты с ума сошла, что ли? Я не понимаю, почему так вышло, — он помахал уведомлением, — откуда это?

— Как тебе, наверное, известно, — сказала Шерри холодно, — мы договорились, что сверка чековых книжек — моя ответственность. Ты отказался от этого, потому что перестал быть кормильцем семьи.

Это не обсуждение, подумал он. Этого не может быть. Это попытка выяснить, где мы с ней находимся.

— Нам нужно положить деньги на счет, — сказал он, тяжело дыша.

— Слушай. Я же тебя предупреждала.

— Ты безумна, — сказал он, — ты просто страдаешь, потому что ты корчишь из себя гордую женщину. Какое мне до этого дело?

«Какое это имеет значение?» — подумал он.

Хотя теперь он даже думать не мог, не то что говорить; она лишила его возможности пользоваться словами.

— Я этого не потерплю, — сказала она, скрестив руки на груди, — я не хочу быть замужем за мужчиной, который не может себя контролировать. У тебя явно какой-то глубоко укоренившийся детский невроз. И я не могу быть твоим психоаналитиком. Но я могу позвонить и выяснить, есть ли хороший психоаналитик, который мог бы тебя принять.

Невыносимым усилием воли он заставил себя сказать:

— Ему придется платить.

— Да. Я заплачу.

— Ты не можешь просто… выслушать? Ты? Лично ты?

— То, как ты меня поносишь? Выстроенная тобой система каким-то образом заставляет меня нести ответственность за твое психологическое состояние. Только посмотри на себя.

Он понял, что, господи, плачет. Да, так и было. Слезы текли по его лицу. Сами текли. И она знала, что он не мог их контролировать.

— Нет смысла пытаться говорить с тобой разумно, — продолжила она, — ты нестабилен

эмоционально. Когда ты становишься таким, ты ведешь себя как животное.

— Ты никогда меня не жалеешь? — спросил он.

— А должна?

— Как будто бы.

— Жалость. Я считаю жалость унизительной эмоцией. Она унижает нас обоих.

— А как насчет сострадания?

— Не вижу никакой разницы.

— А она велика.

— Ты хочешь, чтобы я держала тебя за руку? — спросила она. — Позволила тебе преклонить голову мне на грудь?

Ее тон был настолько ровным и деловым, что он не мог понять, было ли это серьезное предложение или жестокий сарказм. Глупо было разбираться, что он чувствовал, ведь он не мог даже понять ее вопрос.

— Честное слово, это уже слишком, — сказал он, — мне кажется, у меня скоро сосуд в мозгу лопнет. Сама посмотри. — Он сумел сесть лицом к ней и положить руки на колени. Ему стало спокойнее. Эта поза его успокоила.

— Чего ты добиваешься? — спросил он. — Почему ты так со мной обращаешься?

На лице у нее было написано: «И что ты за

мужчина, если ведешь себя так?» Она почти улыбнулась — губы ее еле заметно дрогнули, явно давая понять, что она думает.

— Ты хочешь моей смерти? — сказал он.

Губы скривились, улыбка замерла. Ее глаза сверкнули ледяным блеском. Она ненавидела его за этот вопрос.

— Почему я даже не могу спросить? — сказал он, чувствуя, что умрет прямо сейчас, на месте. — Это что, преступление? Мне же нужно знать.

«Или это уже слишком много для меня», — подумал он.

— Никому твоя смерть не нужна.

— Нужна, — возразил он, — тебе.

Она медленно, с отвращением покачала головой.

— Ты правда болен. — Последнее слово она произнесла так, как будто в нем таилось главное зло, как будто отсюда исходили его грехи, слабости и пороки. И это ее не удивляло. Она ждала этого.

— Я ухожу, — сказал он, дыша ртом. Ему не хватало воздуха, как будто при астматическом приступе. Он захрипел.

— Я бы этого хотела, — сказала его жена.

Паника заставила его вскочить на ноги. Да, она действительно этого хотела; по крайней мере, в

этом он был уверен. Играла ли она? Это не имело значения, потому что если бы играла, если бы это был способ манипуляции, способ получить желаемое, она продолжила бы это делать. Она могла бы играть сколь угодно долго, даже годами. И что бы изменилось, будь это всего лишь игрой? С его точки зрения, не было никакой разницы.

Эта ее ужасная способность, подумал он. Она может заставить себя почувствовать то, что хочет чувствовать. У нее нет естественных реакций, только полезные. Когда она была ребенком, они научили ее правильно чувствовать. Им удалось научить ее не испытывать чувства, которые возникают сами по себе. Когда она это узнала, у нее появилось — что? Способность отрицать. Отмахиваться от эмоций, как питчер отмахивается от знака кэтчера. Выбирать нужное чувство, как делает тот худой высокий парень на горке.

Он играет мастерски, стильно… Как его… Джонни Антонелли. Лучший питчер «Джайантс», за игрой которого он так любил смотреть. Бросай в меня, сказал он себе. Я не попаду, я промахнусь. Но моя жена бросает исподтишка. Так говорит. Такой нервный питчер, питчер-обманка может заставить разлететься всю твою жизнь.

«Ах, — подумал он. — О чем я только думаю!»

Он вздохнул, сел, сжав руки, вдохнул восхитительный запах полуденного летнего воздуха. Деревенского воздуха. Шерри смотрела на него все так же пристально. Выражение ее лица не смягчилось. «Как и мое, — подумал он. — Она меня победит. У меня закончилась энергия, а у нее осталась». И тут он вдруг получил немного или решил, что получил.

«Я знаю, почему она набросилась на меня, — подумал он. — Когда я предъявил банковское уведомление. Я знаю, почему она напала. Она ждала этого. Она знала, черт возьми, не то, что нам заблокируют счет, а то, что когда-нибудь я решусь и накричу на нее». Боже мой, подумал он, она была готова — она все спланировала. Вот почему то, что она говорит, не имеет отношения к делу. Она рассчитывала на другую ситуацию, она отвечает на то, что придумала, а не на реальную проблему.

«Она отвечает на вопросы, которые ожидала услышать, на вопросы, которые я не задавал. Мне нужно выслушать ее ответы», — с волнением понял он. И вычислить, как дело обстоит в реальности. Поняв, что начинает смеяться, он сказал:

— Ты меня достала. Ты можешь мертвого из себя вывести.

— Нам снова придется через это проходить? — устало спросила она. — Каждый день? Одни и те же препирательства? Ты, очевидно, не хочешь жить со мной в одном доме. Я прослежу, чтобы тебя не обременили огромными алиментами. Ты можешь оставить себе дом. Даже машину, если хочешь. Я сделаю так, чтобы для тебя все прошло легко.

— Хорошо, — понимающе кивнул он.

— Дай мне знать, что ты решишь, — сказала она. Она снова села в свое плетеное кресло, скрестила голые ноги, закурила и взяла книгу. Потом положила открытую книгу на живот, посмотрела на мужа и добавила: — Я правда думаю, что тебе не помешал бы психоаналитик.

— Хорошо, — он встал, — наверное, я к нему схожу.

— Если мы расстанемся, тебе придется за это платить. За приемы. Я не могу содержать тебя бесконечно, но поначалу помогу.

Кивнув, он пошел от нее к подъездной дорожке.

— Ты не купил мне носовые платки, когда выходил в город? — уточнила она, глядя в книгу.

— Нет. Увидел уведомление из банка и забыл.

Она ничего не ответила — она читала.

— Может быть, позже куплю. Я собираюсь зайти в Донки-холл.

— Хорошо, — тут же отозвалась она.

Он двинулся к дороге. Сунул руки в карманы и пошел вниз по холму к Донки-холлу. На ходу он внезапно понял, что так и не посмотрел чеки и так и не знает, чего они на самом деле стоят.

Значит, она все-таки взяла верх.

И тогда его отчаяние вернулось. Она снова меня уговорила, сказал он себе, в каком-то оцепенении; он обнаружил, что бормочет себе под нос и ухмыляется, как будто ему нужно было сказать это вслух, чтобы поверить самому себе.

— Черт возьми, — сказал он с неопределенным восхищением. — Мне вернуться?

Да, решил он. Донки-холл может подождать.

Вернувшись, он обнаружил, что она больше не читает на террасе, а ушла в дом. Он стал искать ее в доме.

Увидев его, она удивилась. Она сидела на кровати и иголкой выковыривала из пальца занозу.

— Я вынужден отдать тебе должное, — сказал он.

— Ты о чем? — спросила она. — Посмотри на мою руку. Это когда я дрова для камина носила. Такая длинная мягкая щепка, которая лома-

ется. — Она вскрикнула от боли и отдернула иглу. — Больно, — пожаловалась она.

— Тебе помочь? — спросил он.

— Нет, — тут же сказала она, — ты сделаешь мне только больнее, и тебе это понравится.

Она продолжала ковырять палец, оттопырив нижнюю губу.

— Слюнтяйка, — сказал он.

Подняв голову, она сказала дрожащим голосом:

— Никак не могу ее достать.

Он взял ее за руку, и от его прикосновения она задрожала. Сидя рядом с ним на кровати, она вздохнула. Он почувствовал, как ее напряженное, жесткое тело расслабилось.

Ее рука оказалась теплой и слегка влажной от пота. Сейчас она вела себя как ребенок. Он подумал, что она плохо переносит боль. И, обняв ее, начал забывать, что она враг, что она опасна.

— Ты так долго меня не обнимал, — сказала она, — обними еще раз.

Он так и сделал. Через мгновение он поднял руку и накрыл ладонью правую чашечку лифчика. Под его пальцами ее грудь шевельнулась; он почувствовал, как напрягается сосок, и сунул руку под ткань, чтобы взяться за саму грудь.

— Ты хорошо подумал? — сказала она, не пытаясь отстранить его руку. — Сколько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз занимались любовью?

— Много. — Он сжал ее сосок, который немедленно затвердел. Она вздохнула, прижимаясь к нему.

— Это неправильно? — спросила она. — Среди дня?

— Нет. — Он завел другую руку ей за спину и расстегнул застежку. Она сняла лифчик и отбросила в сторону, а он схватил обе ее груди, любуясь напряженными сосками. Она тоже смотрела на них; это зрелище, казалось, возбуждало ее.

— Задерни шторы, — велела она, прикрыв глаза.

— Потом. — Он сжал ее соски.

— Кто-нибудь может увидеть. Или зайти. Пожалуйста. — Но сама она не пошевелилась и не вывернулась из его рук. — Уолт, пожалуйста. Это меня нервирует.

Поднявшись с кровати, он дошел до окон. В комнате стало намного темнее.

— Так даже лучше, — сказал он, — мрачно.

Обернувшись к ней, он увидел, что она встала и расстегивает шорты. Стоя на одной ноге, она

стянула шорты и кинула их в сторону.

— Это неправильно? То, что я хочу?

Она расслабилась и казалась возбужденной, пальцы ее летали, и она прерывисто дышала.

— Раздевайся, а я надену диафрагму.

На мгновение она прижалась к нему, теплая, голая и немного влажная. Он схватил ее и бросил обратно на кровать.

— Подожди, — она улыбнулась, дрожа, — не так быстро.

Левой рукой он раздвинул ей колени. Он уже был достаточно твердым. Он не стал ждать. Другой рукой он расстегнул штаны. Ее улыбка исчезла, она дернулась всем телом.

— Моя диафрагма, — выдохнула она, с силой пытаясь оттолкнуть его. — Уолтер, мне нельзя иметь ребенка, я не могу забеременеть…

Она закричала.

— Отпусти меня! Если я залечу, что будет с моей работой… отпусти. — Она плакала.

Он ударил ее ладонью по внутренней стороне бедра, заставив раскрыться, и наконец вошел полностью. И сразу же излился в нее.

Она кричала, извиваясь под ним.

— Ты кончил!

Высвободив правую руку, она пихнула его в

плечо.

— Не смей! Вытащи! Похотливый урод! Насильник!

Крича от страха, она дергалась, щипала его и пыталась укусить.

— Я все время о тебе думаю, — сказал он, снова обнимая ее. И это была правда. — Я люблю тебя.

Ему удалось поцеловать ее в уголок губ, она мотала головой, пытаясь вырваться.

— Это внутри меня, — выдохнула она, и взгляд ее стал слепым. Она царапала ему руки. — Ты кончил в меня. Отпусти меня, я смогу это смыть. Может быть.

Но он держал ее, наслаждаясь этим, зная, что он зафиксировал ее здесь, в тисках своего тела. Он был намного крупнее ее. И вот он снова начал двигаться, начал второй раунд.

В сыром подвале Донки-холла, включив верхний свет, Уолт Домброзио работал, а Джек Э. Вепп и Эрл Тиммонс за ним наблюдали. В воздухе висели гипсовая пыль и резкие испарения быстросохнущей эмали, и Тиммонс то и дело кашлял. Оба они неуверенно ухмылялись.

Ему было трудно работать под насмешливыми взглядами, и на мгновение он отложил кисть.

— Еще не готово? — спросил Вепп.

— Нет, — сказал он.

Это была самая трудная часть; он всегда делал это очень тщательно и кропотливо, уделяя столько времени, сколько было необходимо. Он не любил, когда его торопили. Наконец он возобновил работу. За его кистью растекалась желтоватая краска.

— Да уж, это заставит Сэмми побежать, — заметил Вепп.

— Вы о чем? — спросил Домброзио.

— Он имеет в виду старого доброго Лео, — усмехнулся Тиммонс, — как в той книжке про евреев. Ну, ее еще по телевизору показывали.

— Заткнитесь, — сказал Вепп, — пусть работает спокойно.

Они с Тиммонсом завороженно смотрели на его руки.

Потом кто-то подергал ручку двери — дверь, конечно, была заперта.

— Выметайтесь, — велел Вепп, подойдя к двери, — валите отсюда. Мы заняты, вы знаете это. — Послышался приглушенный голос, но Вепп повторил свои слова, и голос сменился шагами.

— Надеюсь, это был не наш друг-учитель, — сказал Тиммонс.

— Нет, — сказал Вепп.

— Если он узнает, — сказал Тиммонс, — он будет возражать.

— Я думаю, он подал в отставку. Он больше не член правления.

— Но он же может сюда зайти, — возразил Тиммонс, — и сразу все поймет.

— Ключ есть только у меня, — сказал Вепп, — и все это прекрасно знают.

— Я не могу работать под вашу болтовню, — сказал Домброзио.

— Заткнитесь, — велел Вепп Тиммонсу.

Они стали смотреть молча.

— Сегодня к нему кто-то приедет, — внезапно сказал Вепп.

Это напугало Домброзио, и он выругался. Вепп извинился.

— Кто? — спросил Домброзио после паузы.

— Профессор или что-то вроде того. Из Беркли.

— Из университета? — уточнил Домброзио.

— Ну, наверное. Ему написал Уортон. Он тут же бывал в прошлом. Ну, я так на ярмарке услышал. Мне Лила Джиамбосси сказала. Она все знает; она была телефонисткой, пока АТС не перевели в Сан-Рафаэль.

— Раньше у нее можно было узнать, где сейчас врач или шериф, — сказал Тиммонс.

— В любое время дня и ночи, — добавил Вепп, — надо было просто снять трубку и спросить.

— Вы когда-нибудь заткнетесь? — поинтересовался Домброзио.

— Конечно, — извиняющимся тоном сказал Вепп.

Оба, казалось, раскаивались. Но вскоре они снова заговорят, когда отвлекутся и подумают о чем-то другом.

— Вам не обязательно смотреть.

— Ну уж нет, я такое не пропущу, — возразил Вепп, — вот вы всегда говорите, что наш нью-йоркский друг постоянно лезет в драку. — Он подтолкнул Тиммонса.

— Ничего подобного. Я говорю, что он вечно во все влезает и ему во все нужно вставить свои два цента. Как тогда со школой.

— Так или иначе, когда мои парни сняли этот гребаный знак «живите счастливо», он ничего не сделал. Просто заткнулся. — Он похлопал Тиммонса по спине. — Так что и в этот раз, когда он узнает, что его обманули, он не посмеет открыть пасть. По-прежнему будет пресмыкаться и жать нам руки. А какие у него варианты? Ну, может, неделю или около того он не будет с нами здороваться. — Вепп рассмеялся. — Но я уж не

заплачу.

— Я вот что думаю, — сказал Тиммонс, — думаю, он просто уедет отсюда. Он станет посмешищем для всего района, и вряд ли ему это понравится. Он очень чувствителен. Он не выносит, когда над ним смеются. Я вам говорю, он лучше потеряет сделку, потеряет деньги, чем почувствует себя дураком. Помните, как Джо Тамино продал свой участок напрямую, без агента?

Он принялся описывать всю сделку. Домброзио ждал, держа кисть. Интересно, как он на самом деле поступит, подумал он. Когда узнает. Это ему очень важно. Господи… этот человек потратил долларов двести только на междугородние звонки. Если сплетни были правдивы, то Рансибл обзвонил все газеты и учебные заведения Калифорнии. Незнакомые машины торчали у его дома каждый день, а сам он постоянно куда-то уезжал. С тем самым выражением лица. Таким деловым и живым.

— Ему будет очень больно, — сказал он вслух.

— Но он все равно не узнает, кто это сделал, — сказал Тиммонс.

— Он догадается, — возразил Домброзио.

Или нет. Окунув кисть в краску, он продолжил свою осторожную тщательную работу.

13

Осторожными шагами пересекая гостиную, словно балансируя на тонкой хрупкой проволоке, Джанет Рансибл сказала:

— Лео, можешь взять трубку? Это мистер Фрейтас. Он в городе, на станции Шеврон. Хочет знать, как сюда добраться.

Ее речь, преображенная алкоголем и отупением, стала настолько медленной, что он едва дождался конца. Он встал из-за стола, прежде чем она закончила предложение, прошел мимо нее и снял трубку.

— Привет, Тони, — сказал он со всем возможным добродушием и энергией — он выпустил их на свободу, и собственная радость поддерживала его, — как прошла прогулка по нашему маленькому холму?

— Спасибо, Рансибл, не так уж плохо, — сухо ответил Энтони Фрейтас, — пожалуй, даже хорошо.

Оценив формальность тона, Рансибл подобрался.

— Вы на станции Шеврон, — сказал он деловито, — хорошо, я сейчас же спущусь. Дай мне

три минуты.

— Ладно. Я на «де сото». Черный. Примерно двухлетний.

— До встречи. — Рансибл повесил трубку.

Когда он надевал пальто, чтобы выйти на улицу, Джанет снова подошла к нему. На ней были сшитые на заказ серые шерстяные брюки, и, хотя она выглядела достаточно модно, брюки каким-то образом делали ее старше. А ведь она стареет, подумал он, стоя у двери. На лице уже появились морщины. Жаль, подумал он, открывая дверь.

— Давай потом, — попросил он, когда она снова заговорила, протяжно, путаясь в словах.

— Лео… я хочу, чтобы, — она уставилась в пол, пытаясь подобрать слова, — будь благодарен мистеру Фрейтасу. За то, что он приехал. — Она шумно сглотнула.

— Благодарен? Ты с ума сошла? Что ты пила сегодня, керосин?

— Мистер Фрейтас… — начала она.

— Доктор, — поправил он язвительно, — он фудник[1], у него есть степень.

Захлопнув за собой дверь, он сбежал по ступенькам к машине и через мгновение уже рванул

---

[1] Примечания: 1

Что-то вроде «зануда с научной степенью» на идиш*(прим. пер.).*

вниз к станции Шеврон на максимальной скорости.

Дважды в своей жизни он видел доктора Фрейтаса, один раз на лекции, которую Фрейтас читал в колледже Марин, и один раз на вечеринке в Россе.

Он пожал руку этому человеку после вечеринки, и, очевидно, Уортон, который очень хорошо знал Фрейтаса, смог напомнить ему об этом. Он, пожалуй, главный специалист по антропологии в этой стране, сказал себе Рансибл, пока ехал. Это осознание затопило его радостью. Он мог бы закричать от счастья. «Вот это класс! — мысленно крикнул он себе самому — Класс!»

«Но если этот человек думает, что сможет отнестись ко мне покровительственно, — внезапно подумал он, — он ошибается. Потому что, — подумал он, — я знаю, что именно я нашел».

Подъехав к заправке, он увидел у черного «де сото» щеголеватого невысокого мужчину в сером костюме и галстуке-бабочке. Плащ он перекинул через руку. Рансибл поневоле задумался, как давно он не видел этих хлопковых плащей.

На вид доктору было около пятидесяти. Светлые волосы, квадратное, песочного цвета лицо и тоненькие ухоженные усы. Когда он поднял руку,

чтобы поприветствовать Рансибла, тот увидел серебряные запонки с камнями.

— Мои вещи, — сказал Фрейтас, — в машине. Я надеялся, вы мне поможете.

Выговор у него был резкий, довольно странный, но явно не региональный. Рансибл решил, что это университетский акцент, и понадеялся, что доктор не из этих — голос у него оказался слегка женоподобным, а пахло от него тальком и лосьоном после бритья. Рансибл занервничал.

«А впрочем, какое это имеет значение?» — подумал он, открывая багажник «де сото» и, по указанию Фрейтаса, вытаскивая большой черный кожаный кейс с металлическими уголками. Важно, кто он такой, а не что он такое. Пусть даже он трахает крыс, решил Рансибл, потащив кейс к своей машине. Он в состоянии привлечь внимание всего академического мира к находке.

— Милая деревушка, — сказал Фрейтас, — хорошо ее знаю. У вас здесь водится вид бобров, который не встречается больше нигде в стране.

Почти не услышав его, Рансибл сказал:

— Мы растем. У нас здесь есть место для промышленности.

Фрейтас рассмеялся, и у Рансибла загорелись от стыда уши.

— Простите.

— Бросьте. Хорошая работа достойна уважения.

Он сел в машину Рансибла на пассажирское место и закрыл дверь. Рансибл завел мотор, и они поехали к дому. Фрейтас смотрел в окно, любуясь сельской местностью, и молчал, и Рансибл обнаружил, что волнуется все сильнее.

— Вы смотрели фотографии? — наконец сказал он.

Фрейтас повернул к нему голову.

— Нет, насколько мне известно.

— Фотографии, которые я вам отправил. Череп.

Фрейтас сделал неопределенный жест и вернулся к изучению пейзажа.

— Что бы это могло значить, — сказал Рансибл, не в силах промолчать, — череп неандертальца в этой местности?

— Что бы он мог значить где угодно на этом континенте.

— И что же?

Он почувствовал, что в нем поднимается злость. Этот человек как будто гладил его против шерсти.

— Что в этом регионе есть следы мустьерской культуры. Как и в Европе, Азии и Африке.

— И это довольно важное открытие, — сказал Рансибл.

Маленький человечек повернулся к нему и посмотрел на него.

— Правда?

— А нет?

— Пожалуй, — Фрейтас задумался, — но, видите ли… найти череп и несколько кремневых орудий… ну… — он слегка улыбнулся, — трудно объяснить так, чтобы вы поняли.

— А вы попробуйте, — сказал Рансибл.

— Знаете, как говорят… одна ласточка весны не делает…

— А еще говорят, что нужно просто работать усерднее. Я в этом уверен.

— Я не думаю, что вы поймете. С мустьерской культурой связан определенный слой. Точнее, несколько слоев. Средний плейстоцен, грубо говоря. Период оледенения. Вместе с останками неандертальцев находят фауну, обитающую в разных климатических зонах. Мы оцениваем возраст находок примерно в сорок тысяч лет, но неандертальцы, несомненно, жили как до того, что вы бы назвали ледниковым периодом, так и после. И даже в плиоцене. А потом их сменили неоантропы. Мы сами, кроманьонцы. Я пытаюсь

вам объяснить вот что. Находка изолированного черепа мало что значит. Это может быть, скажем, настоящий череп, найденный в другом месте — даже не на этом континенте, а привезенный из Европы или Азии. И глубина залегания — как глубоко вы его нашли?

— Примерно восемь футов, — сказал Рансибл.

Фрейтас улыбнулся.

— Там была промоина.

— Понимаю.

— Вероятно, раньше там было гораздо глубже.

— Возможно. Но видите ли… а что это доказывает? Слой отсутствует. Череп обнаружен на уровне, который мы должны были бы датировать, возможно, тысячей лет. Археологический уровень, так сказать. У вас тут были индейские курганы на уровне, скажем, четырехсот лет. Вы это понимаете. Что мы можем установить с помощью вашей находки, если предположим, что она подлинная? Ничего, насколько я вижу.

Наступила тишина.

— Это смешно, — сказал Рансибл.

— Почему? — удивился доктор Фрейтас.

— Это… — он взмахнул одной рукой, держа руль другой, — находка невероятной важности.

— Но мы не можем подтвердить ее важность.

Мы не можем доказать, что она имеет такое значение. Мы можем только сделать предположение.

— Я это понимаю, — согласился Рансибл, — но, боже мой, это должно вызвать столько же интереса, как и любое научное открытие, что…

— А, если вас волнует огласка, — вмешался Фрейтас, — вы, конечно, ее получите. Воскресные приложения будут писать об этом в течение столетия. Если это подлинный череп.

Через некоторое время Рансибл спросил:

— А как насчет углеродного теста?

— «Углеродный тест», как вы выразились, нам кое-что скажет. Примерно. Но только черепа — и, если он подлинный, возраст в любом случае не подлежит сомнению. Нас волнует его изначальная принадлежность. Понимаете, предположим, что его нашли, скажем, на Ближнем Востоке, — он посмотрел на Рансибла, — в Палестине, например. Настоящий череп неандертальца, а их было найдено довольно много, и возрастом около ста тысяч лет. Будучи привезенным сюда, в Калифорнию, он не теряет химических характеристик, которые анализируются при радиоуглеродном датировании. Понимаете? На самом деле, именно этим способом мы и будем датировать череп.

— То есть вы можете сказать, — сказал Рансибл, — подлинный ли череп или нет. И все.

— Не совсем все. Кто вам вообще сказал, что это череп неандертальца? Откуда вы взяли эту идею?

— Уортон.

— Ну, он достаточно компетентен для любителя. Но… — Фрейтас пожал плечами.

— Вы думаете, — сказал Рансибл, — что это рекламный трюк.

— Это было бы аргументом *ad hominem*, — ответил Фрейтас.

— Что это значит?

— Это логическая ошибка, которую мы совершили бы, задавшись вопросом о мотивах или профессии нашедшего и игнорируя факты о находке. Конечно, мы не будем этого делать.

— Даже если я агент по недвижимости…

— Череп все равно может оказаться подлинным. Или вы можете искренне верить, что он подлинный, но он может не быть таковым. И так далее. Во что вы верите и чего вы хотите, не имеет значения. Понимаете?

Они уже подъехали к дому, Рансибл привычно припарковался и выключил мотор.

— Смогу ли я уговорить вашу жену пригото-

вить мне кофе? — спросил Фрейтас, открывая дверь. — Вон она, на крыльце. По крайней мере, я предполагаю, что это ваша жена.

Рансибл застонал. Джанет стояла, опершись на перила, и тускло смотрела на него и Фрейтаса.

Выпив кофе, доктор Фрейтас не спеша прошел через задний двор и вышел в пустошь, к эвкалиптовой роще. Рансибл последовал за ним, держа в руках черный кейс.

Череп, конечно, не лежал на улице; он велел занести его внутрь для сохранности. Но прежде чем осматривать череп, Фрейтас хотел осмотреть место находки. Он стоял и слушал, пока Рансибл рассказывал историю этого места, о дренаже Домброзио, расчетах Уортона, которые привели их к эвкалиптовой роще, раскопках учеников старшей школы.

— И все лежало свободно, — уточнил Фрейтас, — я имею в виду, в почве. Не в камне.

— В почве, — признал он, — но так и должно быть. Ее принесло водой с большой высоты. Наверняка в камне наверху еще много всего. — Он указал на холм, но Фрейтас не обратил на это внимания.

Он натянул рабочий брезентовый комбинезон, который закрывал его от шеи до лодыжек, надел

бахилы поверх ботинок, присел на корточки и начал скрести землю зубчатым инструментом.

— Его просеивали? Грунт пропускали через проволочное сито?

— Нет.

Фрейтас задумался.

— Ну, давайте тогда посмотрим на ваш череп, — сказал он через некоторое время, но никуда не пошел. Почти час он тыкал землю и копал, собирая образцы в конверты и бутылки, делал заметки и ничего не говорил Рансиблу. Наконец он поднялся.

— Череп, — сказал он.

Они вернулись в дом. Он запер череп в шкафу, в чемодане, теперь он осторожно вынес чемодан и положил его на кровать. Когда он его открыл его, Фрейтас рассмеялся. Череп был завернут в несколько фунтов хлопка, которые образовали огромный мягкий бледный шар.

— Я разверну, — сказал Фрейтас, садясь на пол вместе с шаром, и принялся осторожно разворачивать ткань.

Вскоре череп оказался на виду. Грязный, сухой, желтый… Рансибл ощущал тот же страх и то же нервное любопытство, что и раньше. Как будто это было нечто недозволенное, подумал он, на-

блюдая за Фрейтасом. Непристойные картинки. Запретные и возбуждающие… он почувствовал, как его пульс участился, когда Фрейтас провел руками по искорябанной временем челюсти.

— Внешне, — наконец сказал Фрейтас, — это, несомненно, неандерталец. Видите? Посмотрите на эти зубы. Возможно, это существо не могло говорить. Должно быть, он питался овощами. Сырыми семенами. Зернами пшеницы. Он измельчал свою пищу. Возможно, порой ему доводилось лакомиться мясом. Эта челюсть, должно быть, делала речь невозможной. Но мы не можем быть уверены в этом. Тем не менее его мозг был достаточно развит для речи. Странно. Совсем непохоже на нас.

Его голос затих, он задумался.

— Он очень хрупкий, да? — спросил Рансибл.

— Вообще, мы существовали одновременно с этим человеком, — хмыкнул Фрейтас. — Лики это доказали.

— Уортон мне рассказывал, — сказал Рансибл.

— Раньше находки черепов Homo sapiens в более древних слоях игнорировали. Дескать, они просто упали туда. Старый добрый дарвинизм. Примитивное, грубое, низшее должно было появиться первым. Высшее и лучшее должно было

развиться из низшего. Аристотель… верно? Сами подумайте.

Фрейтас взглянул на него и постучал по черепу каким-то металлическим инструментом, щипцами вроде плоскогубцев.

— На самом деле эти бедняги использовали всю свою энергию, психическую и физическую, просто чтобы выжить. Вот в чем кроется разница между нами. Не в том, что мы умнее или более развиты. Но у нас было больше ресурсов, чем нужно. Оставалось свободное время. Мне его жаль. — Он коснулся черепа.

Рансибл, чувствуя себя неловко, сказал:

— Увы. Бедный неандерталец.

— Да. — Фрейтас не засмеялся. — Бедный неандерталец. Они, должно быть, были совершенно отвратительны. Никчемны. Хотя я слышал — в основном в псевдофрейдистских кругах, — что наш миф о троллях может быть расовой памятью об этих существах. Я сомневаюсь в этом. Очень. Неандерталец был жалким сгорбленным созданием, которое питалось овощами. Он не мог стоять прямо, как вы знаете. Но при этом он изготавливал орудия. Так что если определять человека как животное, способное делать орудия, то этот парень был человеком.

Оба замолчали.

— Я скажу вам, на что он был похож больше всего, — продолжил Фрейтас, — не на людоеда, которого мы боялись бы. Грязное, робкое создание… Они напоминают мне обездоленных фабричных рабочих в девятнадцатом веке в Англии. Или средневековых крепостных. Невероятно ограниченных, оттесненных в сторону от всего ценного и важного. Возможно, им разрешалось носить дрова. Разводить костры, снимать шкуры с животных, мять кожу. Знаете, мне пришло в голову… Может быть, у наших предков было время рисовать этих великолепных быков на стенах своих пещер… потому что у них были рабы. Вот такие, — он постучал по черепу, — низшая раса, которая делала всю черную работу.

— Почему нет? — сказал Рансибл. — Если они действительно жили бок о бок, а не сначала неандертальцы, а потом кроманьонцы.

— Вот они, преступления, которые мы совершили, — сказал Фрейтас, — преступления жизни. Вытеснять слабых. Убивать и порабощать низших. Или преступление в том, чтобы быть слабым? Если тебя можно побить, ты заслуживаешь, чтобы тебя побили. Тогда Христос был грешником, — он посмотрел на Рансибла и скор-

чил гримасу, — извините. Вам уже предписано определенное отношение к этому вопросу.

— Сколько времени займут эти ваши тесты? — спросил Рансибл.

— Несколько недель. Как минимум.

— Вы хотите забрать череп с собой?

— Хотелось бы. Но если вы не хотите его отдавать, я могу взять нужные пробы прямо здесь.

— Я подумал, что вы, возможно, захотите остаться на ночь. Места предостаточно.

— Вполне возможно. Я бы хотел заглянуть к Уортону, раз уж я здесь. Может, мы сумеем переманить его к себе.

— Черт, — сказал Рансибл, — он приходит сюда каждый день, как только уроки заканчиваются. Роется в земле, как золотоискатель.

Было половина третьего.

— Отлично, — сказал Фрейтас, — может быть, я к нему присоединюсь. У него, наверное, есть инструменты, я не взял ничего, кроме маленькой лопатки.

— В подвале есть все инструменты для раскопок, что только существуют. Я поехал в «Грандиз» и купил абсолютно все. — Он помедлил и спросил: — Как думаете, он подлинный? Череп?

— Не могу сказать.

— Я не имею в виду с научной точки зрения. Я спрашиваю, как вам кажется. Что говорит ваша интуиция? Я вот всегда чувствую клиентов. Как только я их вижу, я сразу могу сказать, мошенники ли они и есть ли у них чем подкрепить свои слова.

— Если бы его нашел я, — сказал Фрейтас, — то испытал бы мгновенное эмоциональное убеждение, что он подлинный.

У Лео Рансибла закружилась голова. Он ощутил силу, радость и… бог знает что. Он никогда не чувствовал ничего подобного раньше; это захватило его целиком.

— Должно быть, так чувствует себя коллекционер марок, — пробормотал он.

— Не возлагайте на него слишком больших надежд, — сухо сказал Фрейтас, — подождите результатов анализа.

— Ладно, — согласился Рансибл.

«Но я знаю, что они покажут, — сказал он себе. — Я-то знаю».

Неделю спустя, когда он зашел в свой кабинет за ключом, пожилая дама, которая работала у него секретаршей, сказала из-за пишущей машинки:

— Мистер Рансибл, к вам заходили двое. Они сказали, что вернутся. Думаю, они пошли в кофей-

ню. Один из них был профессор, доктор Фрейтас.

Десять минут спустя он увидел, как они переходят улицу, Фрейтас опять был в сером полосатом костюме и галстуке-бабочке, а с ним шел высокий крупный человек, похожий на страхового агента. На нем были «стетсон», темный костюм и ярко-зеленый галстук, а под мышкой он держал портфель.

— Мы можем поговорить? — сказал Фрейтас, как только они вошли в кабинет. — Это мой коллега, Джек Боумен. Тоже с кафедры антропологии.

Все трое удалились в боковую комнату, которую Рансибл использовал как складское помещение. Сидя на деревянном ящике, Фрейтас сказал:

— Насколько мы можем судить на данный момент… — он посмотрел на Рансибла, — ваш череп нельзя назвать древним.

— Что это значит? — спросил Рансибл. Он почувствовал, как кровь застывает в венах, и все процессы в организме останавливаются.

— Ему может быть пятьдесят, сто или двести лет. Другими словами, он современный.

На это Рансибл ничего не сумел сказать. Из другой комнаты послышался телефонный звонок и голос старой секретарши. Что ж, подумал он,

дело нужно продолжать.

— Что теперь? — спросил он.

— Мы хотели бы взять череп и артефакты с собой, — ответил Боумен, — для дальнейших исследований.

— Разумеется, — сказал он, ощущая во рту соленый, ужасный, обжигающий вкус, — что я теряю теперь?

— Вы можете потерять свой череп, — пояснил Фрейтас, — точнее, мы можем его потерять или повредить. Мы, естественно, будем осторожны. Боумен очень заинтересован в этом. Я тоже.

— Кому еще вы его показывали? — спросил Боумен и сказал: — Я видел несколько газетных публикаций, но не могу судить, кто изучил его достаточно тщательно, насколько квалифицированы их авторы и так далее. Все, что я смог понять, — это то, что вы считаете его подлинным и что вас в этом поддерживает некто имеющий определенный профессиональный вес.

— Вы знаете Майкла Уортона? — спросил Рансибл. — Он чувствует, что это настоящая древность. А он изучил череп довольно тщательно.

Боумен вопросительно взглянул на Фрейтаса.

— Местный школьный учитель, — сказал Фрейтас, — преподает в четвертом классе. Для

непрофессионала весьма образован.

Оба слегка улыбнулись и как будто бы подмигнули друг другу. Рансибл притворился, что закуривает. Он не смотрел на них прямо.

— А вы сами? — спросил Боумен. — Как я понимаю, вы здешний агент по недвижимости. А где вы учились? Есть ли у вас академическое образование?

— Нет.

— Здесь все копают, — пояснил Фрейтас, — ищут наконечники стрел в основном.

— Давайте посмотрим на место находки, — предложил Боумен.

Рансибл отвез их к своему дому. Несколько любопытных стояли на дороге; он установил вокруг своего участка прочный забор, чтобы не допустить посторонних, и везде развесил знаки «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Ни Фрейтас, ни Боумен не обратили на людей внимания; они прошли через ворота и вскоре вернулись в эвкалиптовую рощу с инструментами, в рабочей одежде, явно собираясь как следует поковыряться в земле.

— Вы обрели известность? — спросил Боумен, когда несколько людей появились на склоне холма над участком Рансибла. — Проследите,

чтобы они не смогли проникнуть сюда и начать растаскивать землю на сувениры. Обдерут вас до нитки. Увезут все до последнего камушка и осколка кости.

— Когда я на работе, жена за ними присматривает. А ночью в округе бегает столько собак, что никто мимо не пройдет.

Он сел на эвкалиптовое бревно.

— Послушайте, — сказал Фрейтас, — я бы отдал собственное яичко за эту штуку, если бы она оказалась из среднего плейстоцена.

— Я знаю, — отозвался Рансибл.

Он продолжал сидеть и смотреть на копающих. Прошло около часа, в течение которого никто с ним не заговорил, хотя ученые что-то обсуждали между собой. Один раз они остановились, чтобы рассмотреть то, что показалось ему бледной ржавой костяшкой домино. Они не потрудились показать ему находку, а сразу спрятали ее.

— Мне лучше вернуться в контору, — сказал он наконец.

Они, кажется, не заметили его слов. Подавленный и обиженный, он оставил их, сел в машину и поехал обратно в агентство недвижимости. Там он продолжил работу с того места, на котором остановился: взял ключ от дома и отвез его на

гору, в дом, где он должен был быть.

Вечером, когда он закрывал контору, ему позвонила Джанет.

— Лео, — сказала она, — мистер Фрейтас и тот другой человек попросили позвонить тебе. Они уезжают и хотят забрать череп. Они сказали, что я должна спросить у тебя.

— Пусть забирают.

— Они взяли твою машинку, — сказала она, — печатают какую-то квитанцию.

— Да пожалуйста, — сердито сказал он, — сколько угодно.

Вернувшись домой, он обнаружил их в своем собственном кабинете. Они сидели друг напротив друга, увлеченные беседой. Когда он вошел в комнату, Фрейтас сказал:

— Мы забыли свою машину. Она внизу, у подножия холма. Мы бы пошли пешком, но у нас слишком много вещей, включая ваш череп.

— Я вас отвезу.

— Мы нашли несколько интересных вещиц, — сообщил Боумен.

Они покрыли стол Рансибла светлой тканью, и на ней Рансибл увидел несколько грязных кусков кости и гранита. А на полу, завернутый в газеты, лежал большой круглый предмет.

Его сердце забилось быстрее.

— Да, сэр, — сказал Боумен, — еще один череп. Плюс таз и бедренные кости. Кажется, это самка.

— Что это значит? — требовательно спросил Рансибл. — Разве это не хороший знак?

— Опять же, это явно неандерталец… — ответил Фрейтас, — в этом нет никаких сомнений. Это озадачивает. За исключением результатов радиоуглеродного анализа, ваш череп выглядит подлинным. И, судя по первичному обследованию новой, более полной группы, мы можем предположить, что это подлинная находка.

За его спокойным фасадом явно скрывалось волнение. Рансибл чувствовал его и видел те же эмоции на лице Боумена. То же напряжение.

«Вот как я, должно быть, выглядел, — подумал он. — Когда я впервые узнал об этом, о том, что это может значить».

— Радиоуглеродное исследование уничтожило Пилтдаунского человека, — сказал Боумен, — отправило его в забвение пинком. Из Британской энциклопедии в цирковой шатер. — Он указал на сверток на полу. — Теперь мы сможем проанализировать все с момента находки. Нет причин сомневаться. Ваш череп просто не принадлежит к этому периоду, и этот, вероятно, тоже. Конечно,

мы все проверим. — Он нервно потирал нижнюю губу.

— А что вы сами думаете, — спросил Рансибл, — что это значит?

— Это значит, что нам нужно воздержаться от поспешных суждений, — ответил Фрейтас.

— Это очень странно, — резко сказал Боумен, — это правда так.

Теперь он казался возмущенным.

— Предположим, что каким-то образом эти предметы не подвергались воздействию… Возможно, они находились в длительном контакте с материалом, который поддерживал постоянный баланс изотопов углерода… Да нет, это полный бред, — он пожал плечами, — я сдаюсь.

— Разве испытания водородной бомбы не изменили количество углерода во всем мире? — спросил Рансибл.

Никто ему не ответил.

— Я скажу вам, что думаю, — сказал Фрейтас. — Я думаю, что это очередной Пилтдаунский человек. Подделка, очень тщательная и хитроумная. Но способа обмануть радиоуглеродное датирование не существует. Почему мы его, собственно, и используем.

— Можно предположить, — ответил Боумен, —

что кто-то, знающий о радиоуглеродном датировании, достаточно искусный, чтобы изготовить такое, и имеющий мотив, сможет достать достаточно старый череп. Когда фальсификатор хочет подделать ценную старую почтовую марку, он берет другой выпуск того же периода, на той же бумаге, старой бумаге. Он подделывает только чернила. А бумага проходит все проверки.

— Есть ли какие-либо доказательства того, что это подделка? — спросил Рансибл.

— Вы имеете в виду признаки того, что череп был обработан искусственно? Металлическими инструментами? Окрашен? — Боумен задумался. — Нет, пожалуй, нет. Мы пока не можем сказать, что именно нашли сегодня. Но мы поймем позже, когда отвезем все это в Беркли.

Им троим потребовалось еще несколько часов, чтобы как следует упаковать находки в черный «де сото» Фрейтаса. Очевидно, их суету заметили. Приехали две машины, обе из газет Сан-Франциско, и репортеры крутились рядом, пока они грузили вещи.

На следующее утро, купив свою «Кроникл», Рансибл увидел на первой странице, в левой колонке, статью о самом себе.

УЧЕНЫЕ ИЗ КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОБЪЯВИЛИ ЧЕРЕП АГЕНТА ПО НЕДВИЖИМОСТИ ПОДДЕЛКОЙ

Сидя в своей машине, он читал статью, постепенно переставая что-либо чувствовать.

Антропологи Калифорнийского университета, изучив недавно обнаруженный череп предположительно каменного века, найденный агентом по недвижимости Леоном Рансиблом в Каркинезе, округ Марин, пришли к предварительному выводу, что череп является либо работой ловкого шутника, либо случайным естественным образованием и ему не более трехсот лет. «Кроникл» получила эксклюзивную информацию об этом только сегодня. Джек Боумен с кафедры антропологии Калифорнийского университета предположил, что массивные надгробные дуги, выступающая челюсть и сросшиеся зубы указывают на некую деформацию. Этот человек «случайно обладал некоторыми физическими характеристиками», которые антропологи связывают с расой

неандертальцев, давно вымершим «недостающим звеном эволюции», которое существовало сотни тысяч лет назад в Европе и Азии, но не в Северной или Южной Америке, по мнению большинства экспертов. Исследования этого черепа, а также более поздних находок, все еще продолжаются. Антропологи, участвовавшие в изучении возможной подделки – или открытия невероятной научной ценности, – говорят, что, возможно, был обнаружен целый скелет. Три недели назад Леон Рансибл из Каркинеза заявил, что обнаружил подлинный череп неандертальца, и, хотя его заявление не было подкреплено никакими научными доказательствами, широкая общественность предположила, что такая находка лежит в пределах возможного. Считается, что неандертальцы, представители дочеловеческой расы, отличавшейся сутулостью, выступающим подбородком и массивными надбровными дугами, когда-то населяли большую часть мира. За последние сорок лет были найдены многочисленные детали их скелетов. Неандертальцы делали

кремневые орудия и, возможно, проводили примитивные религиозные обряды. Они являются наиболее известной из так называемых «недостающих звеньев», видов, которые существовали до настоящих людей. Объявление об этой возможной мистификации или возможной бесценной научной находке заставляет вспомнить недавнее разоблачение так называемого черепа Пилтдаунского человека, который ученые всего мира многие десятилетия полагали подлинным. Было доказано, что это мистификация, череп Homo sapiens в сочетании с…

Рансибл не стал открывать шестую страницу, чтобы дочитать статью. К черту все это, сказал он себе, складывая газету и кладя ее на сиденье. Он поехал в свою контору, а оттуда позвонил в «Кроникл».

— Послушайте, — резко сказал он, как только услышал кого-то чуть выше по должности, чем девушка из приемной, — это Лео Рансибл. На первой странице сегодняшнего выпуска напечатана статья обо мне и черепе, который я нашел.

Человек на другом конце провода, похоже, знал

о статье. Поэтому, откинувшись назад и держа трубку подальше ото рта, Рансибл продолжил твердым голосом, голосом, которым он говорил по телефону, когда хотел чего-то добиться. Это был не тот голос, который он использовал в разговорах с клиентами, и не тот, которым он говорил с друзьями.

— Вот что я должен сообщить, — сказал он, — я скажу вам, что я думаю о вашей статье, и вы можете напечатать мое мнение. Это никакая не подделка, вы слышите, что я говорю? Вы слышите?

Он говорил медленно, не позволяя себе повышать голос. Он дал им почувствовать свое тщательно контролируемое раздражение по отношению к ним и их статье.

— Эта область — вы знаете область, о которой я говорю? Я имею в виду Каркинез в округе Вест-Марин, один из лучших, если не лучший, район в Северной Калифорнии, — известна многочисленными археологическими находками. Когда вы последний раз присылали сюда репортера?

Человек из «Кроникл» сказал, что совсем недавно приезжали несколько человек, чтобы написать о черепе.

— Ну, тогда мне интересно, что это были за лю-

ди, — продолжил Рансибл, — если они приехали сюда и не увидели, что это за место и какие люди здесь живут. Вы хотите сказать, что здесь есть люди, которые будут заигрывать с общественным благом? Тогда позвольте мне сказать вам следующее. Мы здесь, наверху, слишком уважаем благо общества. Мы слишком уважаем себя. Если что и можно назвать подделкой, так это вашу статью, — он повысил голос, — можете меня цитировать сколько угодно. Если вас больше интересует сенсационный подход к науке, чем поиск истины, то вперед, и да поможет вам Бог. Но больше на меня не рассчитывайте, ни в чем. Я думаю, что новости, поступающие из нашего города, отныне будут попадать в какое-нибудь другое периодическое издание.

Человек на другом конце провода что-то сказал, но он не слушал.

— До свидания, — сказал Рансибл и повесил трубку.

Некоторое время он посидел за столом, пытаясь успокоиться, а затем набрал номер оператора и получил номер Калифорнийского университета в Беркли. Вскоре он дозвонился на коммутатор университета и попросил соединить его с Боуменом или Фрейтасом с кафедры антропологии. С

Боуменом его в конце концов соединили.

— Послушайте, — сказал он, — вы видели сегодняшний выпуск «Кроникл»?

— Да, — ответил Боумен, — мы хотели вам позвонить, но Тони пока не приехал. Я его жду, он появится с минуты на минуты. Уже десятый час.

— Что вы наговорили «Кроникл»? Что череп, который я нашел, подделка или что?

— Мы осмотрели более полный скелет, — ответил Боумен, — и обнаружили искусственные лаки и следы отбеливателей и кислот, которые используют, чтобы искусственно состарить материал. Очевидно, тот, кто их сделал, был не настолько тщателен в этот раз. Сработал кое-как. Лак не полностью высох, и в него попала грязь.

— Тогда нет никаких сомнений, — сказал Рансибл, стараясь говорить ровно.

— Абсолютно никаких. Кто-то изготовил этот скелет в мастерской, используя современные инструменты и средства. — Голос его звучал отчужденно и недружелюбно, никаких приятельских интонаций.

— Большое спасибо, — сказал Рансибл максимально официальным тоном, — вы ответили на мой вопрос.

С этим он повесил трубку.

Пока он сидел за своим столом, размышляя, телефон зазвонил. Взяв трубку, он снова услышал Боумена.

— Я хотел вам сказать, но вы так резко отключились. Мы ни в коем случае не обвиняем вас и не думаем, что вы имели какое-либо отношение к изготовлению этих объектов.

Рансибл не ответил.

— Мы просто сообщаем о результатах проверки. Именно это вы и просили нас сделать.

— Верно, — сказал он.

— Мы с удовольствием отправим вам по почте или привезем все результаты. И, конечно, вернем сами предметы.

— Хорошо.

— Кстати, статья в «Кроникл» написана о более ранних находках. О вашем первом черепе. Мы еще ничего никому не говорили о том, что мы обнаружили вчера вечером; мы хотели сначала поговорить с вами и посмотреть, что вы скажете.

— Валяйте, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Боумен, — на самом деле альтернативы нет.

— Я бы хотел, чтобы их осмотрел кто-то другой. Кто бы это мог быть?

Боумен, казалось, удивился.

— Ну… не знаю. Вы можете отвезти их в другой университет. Почти любой, где есть лаборатория. Я посмотрю, если хотите. В Стэнфорде наверняка есть.

— Так и сделаю. Стэнфорд. Спасибо.

— Нет никаких сомнений, что эти вещи изготовлены искусственно. Видны даже следы металлических инструментов.

— Хорошо.

— Вы не понимаете, что я говорю? — резко сказал Боумен. — Это не спекуляции. На костях есть даже крошечные кусочки, частицы металла, обнаруживаемые микроскопическим и спектральным анализом. Это легко доказать. Можно даже определить, кто изготовил некоторые из смол. «Дю понт», например. Это их изобретение.

Рансибл повесил трубку.

Вот и все, сказал он себе. Вот и все. Кто-то подделал это и подбросил на мой участок. Но через некоторое время он снова набрал номер оператора. Он попросил у нее номер Стэнфордского университета в Пало-Альто, а затем, заполучив номер, принялся искать кого-нибудь с кафедры антропологии.

14

Сидя на диване в гостиной с газетой на коленях, Шерри сказала:

— Интересная статья. Про Рансибла и его череп неандертальца.

Уолтер Домброзио внимательно посмотрел на ее. Она догадалась? Она знала, на что он способен, знала, насколько он опытен, она знала о его мистификациях в прошлом. Но она, казалось, никак не связывала газетную статью со своим мужем.

— Да, — сказал он осторожно, — я видел.

— Это уже несколько недель то попадает в газеты, то исчезает из них.

— Я знаю.

— И как ты думаешь? Он настоящий?

— А разве ученые из университета не доказали, что это подделка?

— Да, — подтвердила она, внимательно читая, — они говорят, что он современный и над ним работал какой-то искусный современный мастер, разбирающийся в каменном веке. А еще они цитируют Рансибла, который хочет показать череп ученым из Стэнфорда.

— А в Стэнфорде что говорят?

— Ничего. — Она отложила газету в сторону, аккуратно ее сложив. — Но еще скажут. Как они могут отказаться, сам подумай.

— Пожалуй, — сказал он. Он не очень хотел обсуждать это с ней. Он вообще очень мало разговаривал с ней по вечерам; после ужина, помыв посуду, он обычно уходил один читать или работать, пока она читала или смотрела телевизор. Но сегодня она явно хотела поговорить.

— Не думаешь ли ты, — сказала она, — что Рансибл сделал это в качестве рекламного трюка? Как тот агент по недвижимости из Саусалито, который говорит, что Дрейк высадился именно там, а не в заливе Дрейка и что его медная табличка поддельная? Это способ рекламы района. Рансибл привлечет сюда людей, может быть, очень много.

Он кивнул.

— Его мотивы понятны, — сказала она, — с этим согласны почти все, с кем я говорила. Такой человек мог бы сделать именно такие вещи. Это ведь правда довольно умно и сделало ему хорошую рекламу. Но мне бы это не понравилось. Большинство газет намекают, что это рекламный трюк. Прямо не говорят, конечно. Но это наверня-

ка из-за законов о клевете?

— Конечно. Если бы они это написали, он бы подал на них в суд за клевету и получил бы огласку таким образом.

— Ненавижу таких людей, — сказала Шерри, — наглых и пробивных. Хотя неприлично так говорить, потому что он еврей.

— Да. Он портит репутацию всему народу.

— Нет, я имею в виду, что мы не можем критиковать его публично, потому что это сочтут антисемитизмом. Так что это дает ему карт-бланш продолжать. Поднимать шумиху.

— Подобная известность вряд ли принесет ему счастье.

— Но он должен был знать, что подделку раскроют и что он станет известен именно в таком смысле. Ведь его находку видели ученые, и он… — Она снова взяла газету. — Сам их позвал. Почти сразу.

— Может быть, для него любая реклама хороша, — сказал Домброзио, испытав укол беспокойства. Рансибл, безусловно, рисковал — но страдал ли он? Потерял ли он что-нибудь? — Очень уж он цепляется за свою находку, — сказал он жене.

— Да, — согласилась Шерри, — все еще пытается выдать череп за подлинный. Без научной

поддержки.

— Дурак, — зло сказал он.

— Ему просто нужна огласка, — возразила Шерри.

— Нет. Он просто не в состоянии признать, что его обманули.

— Обманули? — Она посмотрела на него и медленно подняла брови. — Ты не думаешь, что он сам изготовил подделку? По-твоему, он искренне считает ее реальной? Его обманули?

Она быстро сообразила, почему он выбрал именно такие слова, и долго молча смотрела на него.

— Возможно. — Ему очень хотелось оставить эту тему.

— Выходит, это сделал кто-то другой! И бедный Рансибл — жертва. Очень увлекательно. — Она задумалась, а затем рассмеялась. — Какая странная теория. И какие выводы я могу сделать о тебе?

Он посмотрел на нее.

— Ну-ка, давай посмотрим. Возможно, ты не можешь признаться себе, что излишне доверчив. Видишь, как ты спроецировал собственные проблемы на Рансибла? Он стал для тебя символом.

В этот момент ему удалось отвлечь ее; отойдя

в кухню, он стал искать в холодильнике что-нибудь перекусить, какой-нибудь десерт. Она присоединилась к нему, и вместе они нашли замороженный пирог.

Когда они сидели за кухонным столом и ели, он размышлял над идеей, которая почти постоянно приходила ему в голову последнюю неделю или около того.

Если он уйдет от Шерри, он сможет переехать в Сан-Франциско, снять комнату или квартиру и оттуда ходить на работу без машины. Он сможет устроиться на работу сейчас, а не ждать два месяца, пока ему не вернут права.

Сидя напротив, Шерри ела свой пирог, непринужденно и изящно держа вилку. На ее лице застыло то милое выражение, которое всегда привлекало его, а большие серо-голубые глаза смотрели совершенно невинно. Идеальное американское лицо, подумал он. Неиспорченное. Без единого дефекта. И все же ее внешность не соответствовала ее личности. Ее уж точно нельзя назвать неиспорченной.

Этого не видно, подумал он. Ни одного намека. Благовоспитанная и привлекательная женщина, которая знает, чего хочет, и добивается того, чего хочет. Она выросла, привыкнув командовать, по-

думал он, и она не собирается останавливаться. Брак для нее не означает подчинение мужчине.

«Мне бы жилось намного лучше, — решил он, — если бы я бросил ее. Это очевидно. Я мог бы снова управлять своей жизнью». И все же... Он не мог забыть о поводе для гордости, который она ему давала. Гордость перед обществом за обладание высококлассной женой. Она подняла его самого на ступеньку выше. Она помогла ему выглядеть лучше в глазах всего мира.

Он прекрасно представлял себя без Шерри — себя как человека, а не как ее мужа. И это его тревожило. Кем бы он был? Он явно добился бы меньшего, чем сейчас. Надо посмотреть на ситуацию рационально. Например, она может работать; она может вносить вклад в семейный доход. Это ценно — иметь экономически активную жену. Что, если бы он потерял работу, не мог работать и она тоже не могла бы работать?

Это ужаснуло его; он чувствовал это всем телом. Он застрял бы здесь, в деревне. Предположим, она не могла бы водить машину. По-настоящему застрял бы. Возможно, даже голодал бы. Здесь не было никакой службы помощи. Не у кого было бы занять денег и некому пожаловаться. Никакой работы, кроме дойки коров. Или дневной работы

на мельнице. И для этого тоже нужна машина.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила Шерри. — О чем ты думаешь?

— Я думаю, как хорошо иметь красивую жену, — честно ответил он.

— Которая еще и работать может, — улыбнулась она. Проницательность ее была жутковата.

Это потрясло его, он быстро заморгал и попытался прийти в себя.

— Ты что думаешь, мне это нравится? — требовательно спросил он. — Господи, а как же моя гордость? Как, по-твоему, это на меня влияет? Да это меня убивает.

— Все не так плохо. Это тебя не убивает, тебе просто нравится так думать.

— Нет, убивает, — повторил он.

— Ты испытываешь некоторый дискомфорт, — согласилась она, — но это дает тебе возможность посидеть в мастерской или спуститься в Донки-холл и провести время с другими… ослами. Когда ты возвращался из Сан-Франциско каждый вечер, ты слишком уставал и сразу ложился спать.

— Я снова выйду на работу через два месяца!

— Может быть.

— Ты же знаешь, что выйду, — с ужасом сказал он.

— Через два месяца ты получишь права. И что из этого? Мне все равно нужна будет машина, чтобы добираться до работы. Ты будешь ездить со мной… — Она торжествующе указала на него пальцем. — Но ты можешь делать это и сейчас. Иди и ищи работу. Но ты не ищешь. И ничего не изменится.

— Ты уволишься, — слабо сказал он.

— Нет. Я буду работать дальше. Мне нравится моя работа. Мне нравится Норм Лауш. Он хороший человек, на которого можно работать. Он позволяет людям просто делать свое дело. И я получаю все больше творческой работы и все меньше работаю с людьми.

Он вдруг понял, что она ничего не рассказывала ему о своей работе в «Лауш Компани», она ничего не говорила об этом с самого начала. И ему даже не пришло в голову спросить. Работа теперь стала ее сферой; она взяла ее под свой контроль, и он теперь не играл в этом никакой роли. Они оба смирились с этим. Она — потому что этого она и хотела. А он… бог знает.

«Почему я с ней соглашаюсь? — спросил он себя. — Что я с этого получу?»

И вдруг он понял, что ни с чем не соглашается. Что она его вынудила. Его доброй воли тут не

было никакой. Она полностью контролировала его чувства.

— Ты могла бы стать хорошим руководителем в большой компании, — сказал он.

— Я и есть руководитель. Думаешь, это невозможно, потому что я женщина? Норм Лауш так не считает.

— Хочешь сказать, что командуешь людьми? — Он не мог не счесть это забавным. Это было так самонадеянно с ее стороны, так иррационально. Как будто она грезила наяву. — Знаешь, в чем твой самый большой недостаток? Рассказать?

— Боже. Очередная твоя пятичасовая речь.

— Ты нетерпелива. Ты не умеешь ждать. Когда ты вдруг решаешь переставить все вещи в доме, тебе нужно сделать это немедленно, в ту же секунду.

— Если ждать, то это никогда не будет сделано.

И мы все для нее объекты, подумал он. Люди — это вещи, которые она передвигает и перестраивает в удобном ей порядке. Она лишает других спонтанности, потому что ей нужно, чтобы они срочно чувствовали то, что она захочет. То, что должно быть добровольным, она вырывает силой.

И она не видит разницы, подумал он. Это не

злоба, а слепота. Она просто не способна отличить одного от другого. Лишь бы внешне все выглядело одинаково. Пока люди движутся, как ей нужно, она легко обходится без души и прочего мифического.

«Я должен уйти от нее», — решил он. Жуя пирог, он снова стал прикидывать, как лучше это сделать.

Сидя за столом в своем кабинете, Рансибл перечитал письмо, которое только что напечатал. Вокруг него на столе и на полу были разложены фотографии — великолепные, глянцевые. Он положил письмо и две фотографии в большой конверт из манильской бумаги, запечатал его и адресовал кафедре антропологии Чикагского университета.

Затем он вставил новый лист бумаги в пишущую машинку и начал новое письмо, на кафедру антропологии Йельского университета.

Справа от него лежала стопка фотокопий газетных статей, посвященных ему и его находкам. А рядом с ними — фотокопии страниц из разных научных книг, которые он сумел купить или взять почитать. Сами книги лежали стопкой в углу. Из каждой торчали закладки — он хотел иметь возможность беспрепятственно добирать-

ся до нужной цитаты.

Закончив письмо в Йель, он вытащил свое самое важное письмо; он написал его, но так и не отправил. Письмо было адресовано Л. С. Б. Лики.

Перечитывая письмо, он услышал стук в дверь, стук свой жены.

— Я занят, — крикнул он.

— Пришел Майкл Уортон, — сказала Джанет через дверь.

— Хорошо!

Он положил письмо Лики обратно в ящик и развернул свое вращающееся кресло. Дверь открылась, и в кабинет вошел учитель. Раньше Рансибл не видел его таким: щеки у него опухли, а шея покраснела. Глаза слезились, и на мгновение Рансибл подумал, что у него, кажется, острый приступ сенной лихорадки.

Уортон тонким голосом сказал:

— Я разговаривал с доктором Фрейтасом по телефону. О том, что они определили подделку.

Протянув руку, Рансибл взял с подоконника чашку кофе. Отпил глоток и ничего не сказал.

— Я знаю, кто это сделал, — сказал Уортон.

Рансибл поднял взгляд.

— Где мы нашли первые артефакты? — громко спросил Уортон. — Наконечники стрел? Помни-

те? — Он почти впал в истерику, глаза блестели, а кадык дергался при каждом слове.

— Ниже по склону, — ответил Рансибл.

— На чьей земле?

— Уолтера Домброзио.

— Это он сделал. Он умеет, он знает как. Это его работа. Мы говорили о неандертальцах в Холле. Я уверен.

— Я думал об этом, — согласился Рансибл. Это пришло ему в голову примерно день назад, после телефонного разговора с Боуменом. — Я хотел кое-что у вас спросить.

Подойдя к куче книг, он взял одну и принес ее учителю. Усевшись на кожаную скамеечку для ног, он раскрыл книгу.

— Я выяснил, что с черепов делают слепки. Так называемые формы для отливки.

— Да. — Уортон уставился на него.

— Вы когда-нибудь делали что-нибудь в этом роде? А если нет, то кто мог?

— Я делал слепки, — сказал Уортон.

— У меня есть фотографии, — пояснил Рансибл. — Но я хочу отправить слепки в университеты на Востоке и, возможно, в Европу. И я собираюсь отправить все возможные доказательства в Тель-Авивский университет. Это Университет Моше

Даяна. Интересно, вы знали, что он был верховным главнокомандующим израильских сил в войне против Египта, в Синайской кампании? И он один из ведущих археологов мира.

Закрыв книгу, он отнес ее обратно в угол.

— Вот и пример, — сказал он через плечо, — можно совмещать интерес к науке… да какой интерес! Глубочайшие знания. Даян — профессионал. Ученый… Преподаватель. В лучших традициях еврейской культуры. Евреи всегда высоко ценили образование.

— Вам нечего отправлять в Тель-Авивский университет, — сказал Уортон, — кроме подделки, которую Уолтер Домброзио изготовил в подвале Донки-холла. Он, Джек Вепп и Тиммонс. Я еще удивлялся, почему они меня не пускали.

— Послушайте, — ткнул он в сторону учителя пальцем, — что бы вы сделали, если бы у вас болело сердце? И вы бы пошли к врачу — по общему признанию, хорошему врачу, специалисту. И он бы сказал, что нет ни одной известной методики, которая могла бы вас спасти.

На это Уортон промолчал.

— И еще он сказал бы, что вам осталось, скажем, полгода. Чем бы вы занялись?

Уортон сделал неопределенный жест.

— А я скажу что. По крайней мере, что бы вы сделали, будь у вас хоть какой-то здравый смысл. Вы бы пошли к другому специалисту, и к третьему, и к четвертому, пока не нашли бы того, кто мог бы вас спасти. Вот что бы вы сделали.

— Ипохондрия, — отозвался Уортон.

— О нет. Не ипохондрия. Вовсе нет. Самосохранение.

— Может быть, — сказал Уортон.

— Наука священна? — спросил Рансибл. — Наука — может быть. Но не конкретный мудак, который работает в конкретном университете. Давайте-ка я вам об этом университете расскажу.

— Вы имеете в виду Калифорнийский.

— Его. — Он откинулся на спинку стула. — Это самый большой университет в мире.

Уортон кивнул.

— И самый богатый. В какой области? Физика. Теллер работает на них. Лоуренс. Все физические науки. Химия. У них там есть беватрон. Миллионы долларов. Это часть национальной экономики. Национальной исследовательской программы.

— Да, — сказал Уортон.

— Это огромная машина. И знаете, что она

производит? Не знания. Не ученых. А знаете что? Техников, которые нацелены на жирную зарплату в какой-нибудь крупной корпорации вроде «Вестингауза» или «Дженерал динамикс». Как думаете, им есть дело до того, что сто миллионов лет назад по Америке бродила кучка сгорбленных идиотов? Изменит ли это национальную экономику? Обеспечит ли это нас дешевым топливом для пароходов или, возможно, новой боеголовкой для какой-нибудь ракеты, которую сбросят на Советский Союз?

Уортон ничего не сказал.

— Может быть, если бы я отправил им коробку с какими-нибудь сушеными водорослями, — сказал Рансибл, — и спросил, есть ли в них белок и можно ли их выращивать в ванной, я бы получил любезный ответ и тщательное исследование своего вопроса.

— Калифорнийский университет датировал Олдувайский череп Лики радиоуглеродным методом, — возразил Уортон.

— Да. Но они знают, кто такой Лики. Он двадцать пять лет проторчал в своем ущелье. Конечно, они оказали ему королевский прием. Они знают разницу между черепом, полученным от Л. С. Б. Лики из Олдувайского ущелья в Танганьике,

и черепом от Лео Рансибла из агентства недвижимости Рансибла, Каркинез, округ Марин, США.

— Двадцать семь, — пробормотал Уортон.

— Простите?

— Лики работал в ущелье двадцать семь лет, а не двадцать пять.

— Когда такой человек, как Лики, присылает череп, они обязаны его посмотреть. А когда я — нет. Все просто. Человек делает не то, что хочет, а то, что должен сделать. Им сойдет с рук, если они обманут меня, но не Лики. Если бы они это сделали, их бы презирали все научные авторитеты в мире, и они это знают.

Он помолчал, обдумывая продолжение, и Уортон вставил:

— Сколько денег вы уже в это вбухали?

— Не знаю.

— Но представляете порядок.

— Ну, несколько долларов.

— Вы сотню только на телефонные звонки потратили.

— Скорее две, — признался Рансибл.

— То есть в целом вышло сотни три, считая книги, инструменты, телефонные звонки, телеграммы, фотосъемку и свое время. Сколько времени? Все ваше время, вы уже две недели

вовсе не занимаетесь недвижимостью.

Рансибл ничего не сказал.

— Вы так разоритесь.

Через некоторое время Рансибл сказал:

— Это идет бизнесу на пользу.

— Правда?

— В долгосрочной перспективе.

— Вы это делаете не из интересов бизнеса.

— Дайан изучал топографию Ближнего Востока, перекопав его весь лопатой в поисках древних идолов, — весело ответил Рансибл.

— Вы обманываете себя, если думаете, что делаете это в деловых целях. Это называется рационализация. Вы выставляете себя на посмешище.

Про себя Рансибл подумал: «Он был славным еврейским мальчиком, но слишком уж амбициозным». Вслух он сказал:

— Отличный способ отпраздновать Пасху.

— Что?

— О, вы не слышали новые шутки?

Он встал и принял позу Христа на кресте: раскинул руки и уронил голову на грудь:

— Отличный способ отпраздновать Пасху! И еще одна: скрести ноги, пожалуйста, у нас всего три гвоздя.

Уортон невольно рассмеялся. Рансибл тоже.

— А вот моя любимая. Урони этот крест еще раз, и ты выбываешь из игры.

Над этим Уортон смеялся так, что у него слезы по щекам потекли. Он рухнул в кресло, вытирая лицо, и Рансибл тоже никак не мог перестать смеяться.

— И еще одна, — сказал Рансибл, когда снова обрел способность говорить, — уже длиннее. Действие происходит в конюшне. Это анекдот про Иосифа, слышали?

Уортон отрицательно покачал головой.

— Мария. В хлеву. Рожает. Иосиф таскает туда-сюда тюки соломы и вдруг поскальзывается и кричит: «Господи Иисусе!» — Он помолчал, готовясь к развязке. — А Мария ему: «Слушай, а это гораздо лучше звучит, чем Ирвин!»

— Тонко, — сказал Уортон, — надо немного подумать.

— Да, это моя любимая.

— Пожалуй, она лучше всех. Но трудно объяснить почему.

— Невозможно объяснить.

— Лучшие шутки вообще невозможно объяснить, — сказал Уортон, — это форма искусства.

— Искусство, — согласился Рансибл, — хорошая

шутка — всегда искусство, — повернувшись к столу, он взял письмо, — прочитайте это. Оно отправится в Университет Дьюка. Мне бы хотелось узнать ваше мнение. Вообще-то, я должен был пригласить вас раньше, чтобы вы все письма прочитали. Пожалуй, я вскрою конверты и попрошу вас перечитать.

Он разорвал конверт из манильской бумаги, адресованный Йельскому университету. С явной неохотой Уортон взял письмо. Он просмотрел его и, не дочитав, сказал:

— Если бы Домброзио сказал вам, что он автор подделки. Если бы он признался. Вы бы смирились?

Он бросил письмо на стол.

— Домброзио мудак. Рассказать о нем?

— Я хочу знать, смирились ли бы вы? — повторил Уортон.

— Слушайте. У этого мудака на меня зуб. Я бы не стал доверять тому, что он говорит, если это касается меня. Хотите знать почему? А я расскажу, только не говорите никому. Помните, как его забрали в полицию, когда он пьяный съехал в канаву? Так это я вызвал полицию. Естественно, я не знал, что это он. В любом случае у него отобрали права, и я не знал, но это и неважно. И моя

чертова жена заявилась к нему, рыдая от угрызений совести, и вывалила ему все. — Он замолчал, а потом добавил: — Нет. Я бы не поверил ему, если бы он сказал, что изготовил подделку. Это слишком похоже на него.

— Но это все объясняет, — сказал Уортон.

— Что объясняет?

— Почему он это сделал.

— Человек вроде Домброзио… у меня есть что о нем сказать. Он подлец. Да, подлец. Я вас не оскорбляю?

— Нет.

— Домброзио слабак и гад. И злопамятный к тому же. Жена над ним издевается и обижает примерно раз в неделю. Она носит штаны в этой семье, и не только штаны. У нее есть то, что обычно можно найти в штанах. И что же он делает? Он не может с ней справиться, потому что он слабее, она пинает его, как дохлую кошку. Поэтому он сидит в своей мастерской… я его вижу. Я могу выглянуть в окно и увидеть его. Сидит и лелеет свою обиду, импотент сраный. А потом знаете, что делает? Ищет козла отпущения. И я знаю об этом. Мы знаем об этом. Мы так три тысячи лет делали.

— Понимаю, — пробормотал Уортон.

— Не-а. Не понимаете. Потому что этот мудак ваш почти приятель.

— Успокойтесь, пожалуйста.

— Прошу прощения. Так или иначе, ему нужно найти кого-то, кому можно сделать гадость. Кого-то, кроме своей жены или своего начальника… Ну, когда у него был начальник. Если бы у него была собака, он мог бы ее пнуть. Господи, если бы у него был ребенок, он мог бы и его пнуть. Но у него ничего нет. Только я. Он должен меня пинать, бить и плевать мне вслед. И это его способ добиться цели.

— И что у него за цель? — Уортон внимательно слушал.

— Заполучить вас.

Учитель уставился на него, снова покраснев.

— Вот именно. Да вы слушайте, только не сердитесь. Я ничего не говорю о вас, только о нем. Вы слишком чисты, у вас нет ни единой дурной мысли — и не думайте, что он этого не знает. Он все знает. И он заставляет вас думать, что… — он махнул рукой, — у него есть мастерская, навыки…

— Вы меня удивляете, — сказал Уортон.

— В каком смысле?

С трудом подбирая слова, учитель пробормотал:

— Зачем такие сложные теории… Все же видно, как… нос у вас на лице, — он заволновался, — я не имел в виду ничего такого!

— Черт. Я горжусь своим крючковатым носом. Носом Шейлока. Я бы ни за что на свете не стал его исправлять.

Долгое время в кабинете было тихо. Уортон стоял в стороне, теребя рукав. Рансибл вернулся к изучению своих писем.

— Я пойду, — наконец сказал Уортон. Теперь он казался измотанным. Его оживление утихло. — Я собираюсь зайти к Уолту Домброзио и поговорить с ним лицом к лицу.

— Как угодно, — ответил Рансибл, сосредоточенно изучая письмо и не глядя на учителя, — если хотите дружить с этим придурком, этим говнюком, вперед. Это свободная страна.

— До свидания.

Рансибл неопределенно хмыкнул и продолжил читать.

* * *

Спускаясь с холма к дому Домброзио, учитель подумал, что никогда не сможет поколебать веру Рансибла. Потому что это была не вера, а заявление. Человек утверждал, что это истина. Это

была его религия, его догма. Он занял позицию и собирался держаться ее твердо, как бульдог держится за добычу. Сжевать всех возражающих и выплюнуть их, больших и малых. Даже если бы были доказательства — даже если бы появились абсолютные доказательства, подтверждающие его заявление, — это не повлияло бы на него. Уортон подумал: «Доказательства любой из версий не имеют значения для него и его позиции. И это и есть истинный идеализм. В правильном и лучшем смысле этого слова».

Включив фонарик, он вышел на тропинку, которая вела к крыльцу Домброзио.

«Я не знаю, зачем я сюда иду, — думал он. — Я знаю, что Уолтер сделал это. И он, конечно, не собирается письменно в этом признаваться. Предположим, я заставлю его сказать это вслух; я заставлю его признаться в этом публично, скажем, в газете. Разве это не сделает Рансибла еще более нелепым?»

На нижней ступеньке крыльца он остановился. «Я просто нагромождаю еще больше доказательств обратного, — понял он. — Как странно. Заставив Уолта признаться публично, я только усугублю положение Рансибла. На самом деле ему станет намного хуже».

Если он полон решимости продолжать, то худшее из возможного — это заставить Уолта выйти и сказать, что он изготовил череп. Они оба сумасшедшие, сказал он себе. Один из них пилит и рисует у себя в мастерской, другой за столом пишет письма и выискивает цитаты из справочников. Оба они ищут все, что можно узнать о неандертальском человеке. Расе, которая существовала сорок тысяч лет назад. Любые данные, любые мелочи. Отказываясь от своей настоящей работы. От своих повседневных дел. Рансибл давно не бывает в своем агентстве, Домброзио не ищет новую работу.

«По крайней мере, — подумал он, — я могу пойти и сказать Уолту Домброзио, что я о нем думаю».

Но он медлил. Он не постучал в дверь. Он задумался. И наконец он развернулся и ушел.

«Я должен взглянуть фактам в лицо, — сказал он себе. — Бесполезно разговаривать с ними обоими. Мне стоит просто откланяться. Иначе, — сказал он себе, — я буду таким же, как они».

* * *

Рано утром следующего дня Лео Рансибла разбудил телефонный звонок. Он встал с кровати,

вышел в холл, снял трубку и услышал незнакомый голос.

— Мы незнакомы, — сказал его собеседник, — меня зовут Дадли Шарп, я работаю на кафедре антропологии Калифорнийского университета. Я разговариваю с Лео Рансиблом?

— Да, — одной рукой он держал телефон, а другой завязывал пояс халата.

— Надеюсь, я вас не разбудил, — сказал Шарп, — но я хотел поговорить с вами как можно быстрее. Боумен предоставил мне возможность осмотреть первый череп и более позднюю находку, полный скелет, который нашли они с доктором Фрейтасом. Теперь вы понимаете — надеюсь, вы понимаете, — что обе находки были кем-то тщательно обработаны, совсем недавно. За последний год или около того, судя по использованным смолам. Но вы также понимаете, что это не сделано с нуля. То есть в обоих случаях работали с настоящими останками, которые они где-то раздобыли. Они не изготовили череп или скелет. Они использовали настоящий, как мистификатор из Пилтдауна взял настоящий очень старый человеческий череп и челюсть шимпанзе.

— Да, — сказал Рансибл, потирая глаза большим и указательным пальцами.

— Меня очень интересуют подлинные останки, которые спрятаны под обработанными слоями, — сказал Шарп, — если вы понимаете, о чем я. Другими словами, я вчерне попытался реконструировать… я не хочу сказать, что я физически повредил ваши находки, я имею в виду, что я мысленно пытался представить, что оказалось в распоряжении у человека, который это сделал, в начале работы. Оба черепа — да и весь скелет, найденный позднее, — очень необычны.

— Чем? — спросил Рансибл.

— В некоторых случаях мистификатор их дополнил, а в других, очевидно, полностью реконструировал, — сказал Шарп, — я бы лучше встретился с вами лично, а то звонок очень дорого мне обходится. Я плачу за него сам. Могу ли я заскочить, скажем, сегодня или завтра?

— Конечно, — сказал Рансибл, — или я могу приехать к вам в университет.

— Это было бы еще лучше. Мне трудно вырваться, у меня занятия до позднего вечера.

— Вы думаете, что под слоями, которые были намеренно добавлены, действительно скрыт череп неандертальца? — спросил Рансибл.

— Нет, что вы, — Шарп рассмеялся, — ничего подобного. Но черепа необычны. Возможно,

мистификатор, когда у него возникла идея изготовить череп неандертальца, сразу стал искать череп, который послужил бы хорошей основой. Он мог попытаться раздобыть настоящий череп мустьерской культуры и потерпел неудачу, поэтому он выбрал лучший вариант из оставшихся: он раздобыл деформированный череп — я не знаю, где и как. Вы спрашиваете, неандертальский ли это череп в основе, так сказать; но помните, радиоактивный метод уже установил, что ему максимум несколько сотен лет.

— Верно, — согласился Рансибл.

— Тогда до встречи. Рад с вами познакомиться. Когда вы приедете, мы поговорим поподробнее. Для начала я хочу уговорить вас разрешить мне попытаться восстановить череп и неповрежденный скелет в первозданном виде. Но у меня есть предчувствие, что получить разрешение будет непросто.

Прежде чем Рансибл успел что-либо сказать, Шарп повесил трубку.

Одевшись, он вернулся к телефону. Джанет еще лежала в постели и даже не проснулась. Он набрал номер телефонной станции и попросил «Кроникл».

Вскоре он уже разговаривал с кем-то из газеты.

— Слушайте, — сказал он, назвавшись, — вы опубликовали кучу юмористических статей обо мне, поднимая тиражи. И это все прекрасно. Но теперь я хочу, чтобы вы поработали. Позвоните в Калифорнийский университет, на кафедру антропологии, и возьмите интервью у профессора по имени Дадли Шарп. Или даже отправьте туда репортера.

Человек из газеты поинтересовался зачем.

— Всякие тесты — он сможет рассказать вам о них, а я нет, я-то не ученый, — помогли ему установить кое-что, помимо сомнительной идеи о том, что мои находки — подделки. Мистификации. Хоть это и помогло вам продать кучу экземпляров.

Газета согласилась продолжить расследование, и Рансибл повесил трубку с чувством глубокого удовлетворения.

Он съел завтрак с большим удовольствием, чем за последние несколько месяцев.

15

Уолтер Домброзио точил долото в мастерской, когда поднял глаза и увидел Майкла Уортона, стоящего в дверях. С ним был еще один человек, высокий, в очках с темной оправой и с короткой стрижкой, очень молодой, дружелюбно улыбающийся.

— Мы постучались, — сказал молодой человек, — но никто не услышал, поэтому мы вошли. Мистер Уортон думал, что ваша жена дома, но потом вспомнил, что она в городе на работе.

— Это Дадли Шарп из Калифорнийского университета, — сказал Уортон.

У Домброзио заколотилось сердце. Он очень осторожно пожал руку Шарпу.

— Простите, я был занят.

— Он хочет узнать, где вы взяли череп и элементы скелета, — пояснил Уортон.

— Да, — Шарп продолжал улыбаться, держа Домброзио за руку, — все совершенно неформально, конечно. Я могу заверить вас, что вы не подвергнете себя никакой опасности, рассказав мне все. Я здесь как частное лицо, как и мистер

Уортон, который, как я понимаю, преподает в местной школе.

— О каком черепе вы говорите? — спросил Домброзио. Но он знал, что им все известно.

Уолтер, естественно, все это продумал. Он был напуган, но, в конце концов, он ждал этого разговора и придумал, что будет делать и говорить.

— Кости, которые вы подбросили на участок Рансибла, — пояснил Уортон.

Лицо его было напряженным, он говорил отрывисто, как будто хотел произнести как можно меньше слов. Домброзио было очевидно, что учитель пришел сюда против своего желания и хотел бы уйти — не зря он стоял у двери. Все это было ему неприятно. Это Шарп заставил его прийти сюда.

— В чем дело, Уортон? — сказал Домброзио, злясь на этого человека. — Если вам здесь не нравится, уходите.

Сверкнув глазами, Шарп сказал:

— Это я убедил мистера Уортона прийти. Давайте обсудим все между нами и не будем его вмешивать. Так будет справедливее. Скажите мне, где вы взяли черепа, и на этом все закончится. Мы не будем развивать эту тему. Нам неважно, что вы сделали и зачем, это нас не касается.

После споров и борьбы ему удалось выгнать их обоих из дома. Они вели себя как коммивояжеры, пытаясь удержать свои позиции и отступая шаг за шагом. Шарп быстро и непрерывно говорил приятным голосом, но все же Домброзио наконец закрыл входную дверь и запер ее.

Все еще дрожа, он рухнул на диван в гостиной.

Все стало известно. Что теперь? Есть ли способ, которым можно ему навредить? Нарушил ли он какой-то закон? Ввел полицию в заблуждение? Но он же ничего не говорил, он просто закопал мусор сначала у себя на участке, а потом на участке Рансибла. Незаконное проникновение?

Самым серьезным казались оригинальные кости. Тут они могли его подловить. Если бы сумели узнать, где он их взял. А их интересовало именно это.

«Я должен все отрицать, — решил он. — Неважно, что произойдет. Одно дело — обвинения. В конце концов, я действительно мог это сделать, у меня есть нужные навыки и инструменты. И я живу в этом районе. Но это само по себе не доказывает, что именно я это сделал. Никто, кто не любит Рансибла, им не поверит, они встанут на мою сторону. Так что, ей-богу, я буду отрицать это до самой смерти. Даже если Тиммонс и Джек

Вепп скажут, что это сделал я».

Вдруг ему пришла в голову блестящая идея. «Я скажу, что решил создать подделку после того, как он нашел череп, — решил он. — Я решил сделать дополнительный череп и скелеты, потому что он их нашел, сделать и закопать у себя, но я передумал и бросил это дело.

Вещицы, над которыми я работал в Донки-холле, не имеют никакого отношения к тому, что нашел Рансибл.

Никто не сможет доказать, что кости, которые я обработал, те же самые, которые откопал Рансибл. Пусть только попробуют».

Пусть приходят сюда и угрожают чем угодно, сказал он себе. Как сегодня. Черт с ними. Вернувшись в мастерскую, он снова принялся затачивать долото, ощущая мрачную могущественную уверенность. Уверенность, которую, как он знал, ничто не сможет сломить. В каком-то глубинном смысле он был в безопасности.

Но затем, мгновение спустя, он подумал: им нужно только рассмотреть возможные варианты. Есть только одно место, где я мог бы найти череп. Если они задумаются, то сразу поймут это, а если они пойдут туда и примутся копать, то сразу убедятся, что правы.

А еще Джек Вепп может им сказать, потому что он был с нами; они приехали на его джипе, взяв его карту, лопаты и бензиновую лампу. «Господи, — подумал он уныло, — я знаю, что грабить могилы запрещено законом». Даже те старые заброшенные могилы, о которых никто не знает, с деревянными крестами, к которым никто не приносит цветов и где никто не стрижет траву, так что все приходит в запустение. Уортон должен знать об этом, он знает все старые сооружения в этом районе. Хуже того, он может даже знать, кто там похоронен, и может связаться с потомками. Хотя нет, этого даже Уортон не может. Могилы были слишком старыми, совсем заброшенными. Там не хоронили никого уже шестьдесят лет. Самая последняя дата, которую они с Веппом разглядели на грубых деревянных надгробиях — на старых досках — восемьсот девяносто девятый год. И только одно из имен показалось им хоть немного знакомым.

Эти семьи больше не жили в городке. Конечно, вокруг стояли стеклянные баночки… возможно, родственники ставили в них сорванные поблизости цветы. Но Вепп считал, что банки оставляют сборщики фруктов, которые пробираются на кладбище выпить. Сборщики фруктов, рабочие с

мельницы и дояры, которые пили на кладбище, потому что туда никто не ходил.

Это кладбище, подумал он, принадлежит нам всем, оно является частью исторического ландшафта городка, и никому не нужны кости, захороненные там, — никто не потерпел ущерба. Мы имеем на них право, так же как на индейские артефакты, наконечники стрел и гранитные орудия. Это просто кости.

Мы — их потомки, решил он. Все это — наше наследие. В том числе деревянные надгробия, если они нам зачем-то нужны.

Вооружившись лопатой, шериф Кристен брел по тропинке впереди остальных. За ним шел ветеринар, доктор Хейес, а затем Дадли Шарп из Калифорнийского университета, Уортон, учитель четвертого класса, и, наконец, Лео Рансибл и Сет Фолк.

Кладбище окружала ограда из колючей проволоки. Склон холма, заросший высоким коричневым овсом, был защищен от скота — за колючей проволокой стоял второй забор, из кольев и досок. У него буйно росла ежевика, кое-где добравшаяся до внутренней проволочной ограды. Кусты были густыми и черными, и Рансибл заметил норы сусликов.

С удивлением он увидел несколько деревянных крестов за оградкой. Ежевика и овес почти их закрывали, и он не знал, видит ли кресты кто-то, кроме него.

— Тот, кто ставил проволочную ограду, проглядел их, — сказал Уортон. Он тоже их видел. — Вероятно, это самые старые могилы, но на них нет дат. И конечно, есть могилы вовсе без надгробий, — бросил он через плечо.

В центре кладбища высилось сооружение, показавшееся Рансиблу то ли мраморным, то ли гранитным. Квадратный камень так потемнел от грязи и непогоды, что было совершенно неясно, как он выглядел изначально. В каждой грани было витражное окно, и, подойдя ближе, он увидел на стеклах коленопреклонных ангелов.

Со стороны, обращенной к тропе, виднелась черная железная дверь, запертая на цепь и замок. По обе стороны двери стояли каменные вазы с засохшими цветами.

Над дверью виднелись латунные буквы

АНЖЕЛО БАСТИОНИ

А ниже и по сторонам, буквами поменьше, были написаны другие имена: Теа Бастиони, Тулио Бастиони, Анжело Бастиони-младший, Лучано

Бастиони, Марио Бастиони, Джиа Бастиони.

Очевидно, что когда-то этот склеп служил местом захоронения богатой семьи. Другие, менее значимые мертвецы прокрались сюда украдкой, пока выжившие Бастиони не смотрели. Он не вспомнил имя. Насколько ему было известно, сейчас в этом городе не было никого с таким именем. Вообще, он первый раз его видел.

— Семья Бастиони, — сказал Уортон, — владела землей, которую передало им мексиканское правительство. Это были самые первые земельные наделы здесь, очень большие. Они занимали большую часть округи.

Он бросил лопату рядом с тропой и опустился на колени, чтобы завязать шнурки. Шериф Кристен добрался до калитки, открыл ее и оттащил в сторону, чтобы все прошли.

— Справа, — сказал ветеринар, — где сорняки вытоптаны.

— Какое очаровательное заброшенное кладбище, — заметил Дадли Шарп Рансиблу и спросил у Уортона: — Какое тут самое старое надгробие, по вашим сведениям?

— Около тысяча восьмисотого года, я покажу.

Он повел антрополога и ветеринара по гравийной дорожке, заросшей овсом, вверх по склону, к

террасе на верхнем конце кладбища. Там раскинулся огромный куст шиповника, скрывавший несколько мраморных надгробий.

— Этот шиповник виден с дороги, — сказал Сет Фолк, — мне всегда было интересно, что здесь такое.

— Надо было посмотреть, — ответил Рансибл, бросил Фолка и зашагал дальше, к остальным.

Следуя за ним, Фолк сказал:

— Ну, здесь обычно не бывает новостей.

Шериф проломился сквозь шиповник, ломая стебли тяжелыми ботинками, и оказался с другой стороны. Там кусты ежевики образовали настоящую изгородь, а колючая проволока упала на землю.

Шериф лопатой расчищал себе путь, пока не скрылся из виду за стеной колючек.

— Они могли закопать яму, — сказал Уортон, — но вряд ли посадили бы обратно траву. Так что ищите голую землю.

Ветеринар, Сет Фолк и Уортон завернули направо; тот край кладбища не был виден со склона. Рансибл и Шарп остались в центре кладбища, у склепа Бастиони, с лопатами в руках.

— Мне надо было давно сюда приехать, — сказал антрополог, — что еще здесь есть?

— Все, что вам может понадобиться, — отозвался Рансибл, думая о другом. Он заметил обнаженную землю и двинулся в том направлении.

За склепом Бастиони он нашел открытую могилу. Рядом высилась груда земли, но из нее торчали пучки травы, так что он решил, что она выкопана давно. Могила была пуста, но ее склоны оказались такими ровными, что он понял, что ее когда-то давно вырыли, но так и не использовали.

— А я думал, что мы ее нашли, — сказал он Шарпу, который последовал за ним, и тут они услышали голос шерифа.

— Он нас зовет. — Рансибл двинулся в том направлении. Пройдя по протоптанной шерифом дорожке через ежевику и шиповник, он перелез через лежащую на земле колючую проволоку.

Под его ботинками ржавая проволока подалась и лопнула, он прижал ее к земле, чтобы антропологу было удобнее. Тот пробирался за ним, осторожно отводя стебли в сторону руками. На его правом запястье виднелась кровь — то ли он наткнулся на проволоку, то ли на шип.

Шериф Кристен стоял на краю неглубокой ямы и тыкал в нее лопатой. В грязи валялись куски

посеревшего дерева, изъеденного термитами, травы не было. Кто-то недавно здесь копал.

— Похоже, вот оно, — сказал Кристен и ткнул лопатой. Она глубоко ушла в рыхлую землю.

С другой стороны куста роз появился Уортон и крикнул им:

— За оградой недавно копали!

— Здесь тоже, — сказал Кристен, продолжая пробовать землю лопатой.

Наконец он перехватил ее обеими руками и, надавив ногой, вынул грунт.

— Поможете? — предложил он Рансиблу.

Они стали копать вдвоем. Шарп отошел в сторону, чтобы исследовать деревянный крест, стоявший на одной из могил.

— По-моему, его вынули из земли, а затем вернули на место, — заметил он. Опустившись на колени, он потянул за крест, легко вынул его и отложил в сторону.

— И здесь они тоже были. Вероятно, они вскрыли несколько могил. Когда начнешь, это уже несложно. Эти маленькие захоронения совсем близко друг к другу, вероятно, они соприкасаются.

Шериф с Рансиблом выкопали яму глубиной несколько футов. Это оказалось несложно, пото-

му что здесь уже копали совсем недавно. А потом они уперлись в глину и стали копать медленнее, ее приходилось резать острыми краями лопат, наваливаясь всем весом.

— Может быть, они начали с этой могилы и сдались, перейдя к другой, — сказал Рансибл.

Они убрали всю рыхлую землю, но костей не оказалось. Либо грабители могил забрали все останки, либо решили копать в другом месте. Здесь должны быть гробы, подумал Рансибл. Хоронят всегда в гробах, даже сто пятьдесят лет назад никто не сбрасывал труп в яму просто так. Так обращались только с трупами индейцев. И это не трупы индейцев, это могилы белых фермеров, которые перешли гору Тамалпаис и поселились здесь.

— Интересно, какие могилы они разграбили, — сказал Рансибл шерифу.

— Самые бедные, — решил шериф. — Вероятно, они решили, что это честная добыча. Никому не будет до этого дела. А если и будет, то бедняки не смогут ничего сделать. Они оказались достаточно умны, чтобы не трогать центральный склеп.

Похоже, в этом месте ничего не было, поэтому они забросали яму и вернулись к Хейесу, Уортону и Фолку. Те обнаружили деревянный гроб, отло-

жили лопаты и осматривали его.

— Если его не открывали, нужно ли нам его открыть? — спросил Уортон.

— Мне кажется, его открывали, — сказал ветеринар, потянул за крышку, и она приподнялась. — Держитесь, — сказал он и спросил у шерифа: — Вы даете официальное разрешение продолжать?

— Продолжайте, — сказал Кристен.

Фолк и Хейес открыли гроб. В нем лежал нетронутый скелет. На левой руке они увидели золотое кольцо, очевидно обручальное. А в гробу валялись металлические остатки обуви, ремня, застежки, куча того, что раньше было кожей.

— Могу я взглянуть? — спросил Шарп, положив руку на плечо Рансибла.

Рансибл отодвинулся, и антрополог внимательно посмотрел.

— Что скажете? — спросил Фолк.

— Ничего, — ответил Шарп, — закрывайте, пожалуй.

— Но они заглядывали сюда, — сказал Рансибл.

— Трудно сказать, — ответил Уортон, — гроб старый, в плохом состоянии. Вряд ли тут было с чем работать.

Они стали копать дальше. Расчистив почву

справа, они наткнулись на деревянный крест, почти ушедший в землю. Они не смогли прочитать вырезанную надпись или поставить его как подобает. Очевидно, он упал когда-то давно, вероятно во время зимних дождей, и затерялся.

Через полчаса они обнаружили в рыхлой почве кучу костей.

— Кажется, здесь они нашли череп, — сказал ветеринар. Черепа в куче не было, хотя они искали очень тщательно.

Шарп разложил кости на куске брезента. Он долгое время не обращал внимания на остальных, с головой уйдя в работу и предоставив им копать.

— Что думаете? — спросил Кристен.

— Ну, черепа нет. Возможно, тут бросили безголовый труп. Знаете, что я действительно хочу найти? — Он поднялся на ноги и снова взял лопату. — Скелет со следами такой же деформации, которую мы уже видели. И над которым не успел поработать неизвестный умелец. Особенно череп.

Ученый казался напряженным, лоб его собрался морщинами.

— Тогда нам придется покопаться в других гробах, — сказал Фолк.

— Да, — сказал Шарп. — Если можно. Если разрешено.

— Можете продолжать, — сказал шериф, подумав.

Они копали целый час. Освоившись, они обнаружили, что можно переходить от одного гроба к другому, не вынимая из могилы всю землю. Они быстро находили гробы, открывали их и шли дальше. Шарп тщательно осматривал каждый скелет.

В половине четвертого они наткнулись на гроб, который почти развалился на куски. Когда они его открыли, крышка распалась у них в руках; куски гнилого дерева, мягкого, как ткань, отрывались и падали наземь.

— Либо очень старый, — сказал Кристен, — либо очень плохо сделанный, или и то и другое.

Скелет был засыпан землей, которая за многие годы проникла в гроб. Они сдували и смахивали землю, пока не увидели череп. Все ахнули, сразу заметив разницу.

Уродство, которое искал антрополог.

— Я думаю, наши друзья не видели этого, — сказал Шарп, наклоняясь, — иначе они воспользовались бы именно им. Это сэкономило бы им массу усилий.

Челюсть черепа показалась Рансиблу огромной. И все же у него совсем не было подбородка, или был очень маленький. И зубы. Как будто у него росли только моляры. Массивные и квадратные, не похожие ни на что, что он видел в своей жизни, кроме черепа, который они с Уортоном выкопали в его собственной эвкалиптовой роще.

— Послушайте. Это ведь тоже может быть подделка, — вдруг сказал он.

Все посмотрели на него.

— Конечно, — согласился ветеринар, — это было бы очень умно. Они предполагали, что мы придем сюда искать.

Он отошел от открытого гроба.

— Да где же этому конец? — отрывисто сказал Уортон.

— Ну, кое-что ясно, — сказал Шарп, проводя пальцами по щеке черепа.

Лоб, подумал Рансибл. Да, лоб. Он правда похож на череп неандертальца. И все же это не он. Он видел так много фотографий черепов неандертальцев за последние недели. Этот отличался от них. Несмотря на огромное разнообразие типов неандертальцев и даже их помесей с настоящими людьми, этот череп к ним не относился. Он видел перед собой уродство, а не представителя другого

вида. Гормоны, подумал он. Как у того борца. Что это было — щитовидная железа? Нехватка йода в детстве или что-то такое.

— Интересно, как он питался, — сказал Сет Фолк.

— И правда интересно, — поддержал ветеринар.

— Я могу сказать вам сразу: это череп *Homo sapiens*. Не впадайте в ажитацию, — сказал Шарп. Все закивали. — Это был невысокий человек. Вероятно, он держался не слишком прямо. Брови у него сильно выступали. И челюсть. Вероятно, это влияло на речь.

— Предполагается, что неандертальцы могли иметь потомство с настоящими людьми, — заметил Рансибл.

— Да, — согласился Шарп, — есть некоторые основания так полагать. По останкам, которые мы нашли после войны. — Он принялся осматривать кости ног: — Вы хотите сказать, что это может быть потомок смешанной расы? Неандертальцев и *Homo sapiens* сразу? Никто из вас никогда не видел ничего подобного раньше? В этом районе? Кто-нибудь здесь живет? С таким уродством?

Все замотали головами.

— А кто первые поселенцы в этом районе? —

спросил Шарп. — Здесь есть какая-то глушь? Захолустье? Ферма, оставшаяся со старых времен, где-то на хребте?

— У нас есть старый город, — сказал шериф Кристен.

— Какой старый город? — спросил Шарп. Его лицо засветилось.

— Прежний город Каркинез. Не там, где сейчас, а по другую сторону хребта. Со стороны океана.

— На болоте, — добавил ветеринар.

— А сейчас там кто-нибудь живет?

— Буквально несколько человек, — сказал ветеринар, — очень бедные, темные люди. Сейчас он почти в руинах.

— Он заброшен. Там остались жалкие лачуги, — пояснил Рансибл.

— Они все еще живут ловлей устриц, — сказал Уортон, — как это делали индейцы.

— Давайте съездим туда, — сказал Шарп. — У них могут найтись старые рисунки и дагерротипы. У людей из глуши они обычно есть.

— Да, я видел их в одной из лачуг, — вспомнил ветеринар, — на каминной полке.

— Вы что-нибудь заметили? — спросил антрополог.

— Просто лица. Уродливые старые люди в чер-

ной одежде. Хмурые. Ну, вы знаете.

— Ну, посмотрим, — сказал Шарп, — может, я увижу что-то новое.

16

Из окна гостиной Уолтер Домброзио наблюдал за караваном, выезжающим из дома Рансибла. Первой ехала машина шерифа Кристена, затем ветеринар и Сет Фолк в грузовичке ветеринара, потом Рансибл во всем известном «студебеккере» и, наконец, Уортон и Шарп в учительском универсале. Когда машины проезжали мимо его дома, Домброзио увидел лопаты и заступы. Они собирались копать.

Эта процессия выглядела на редкость официально. Нельзя было не обратить внимания на машину шерифа — особый номерной знак, радиоантенна, значок на двери. И эта машина вела остальных на кладбище.

У него не осталось сомнений; он знал, куда они направляются. Выйдя на крыльцо, он наблюдал, как они спускаются с холма к станции Шеврон. На шоссе они свернули направо, как он и предполагал.

Даже редактор газеты, подумал он. Он ведь даже не любит Рансибла, но его тоже удалось увлечь. Рансибл собрал всех, кто имеет вес в этом

городе.

Караван машин медленно полз по шоссе, пока не скрылся из виду за деревьями. Сунув руки в карманы, он спустился с крыльца и вышел на дорогу. Широкими шагами пошел вниз с холма.

«Я его вдохновил», — понял он. Он войдет в историю. Этот городок будут помнить из-за его находки, как Гейдельберг стал известен из-за найденного там черепа.

Это будет либо череп Рансибла, либо череп из Каркинеза, понял он. В любом случае он получит свое место в энциклопедии. И сам Рансибл тоже. «А я буду как тот шофер, который нашел табличку Дрейка. Никто даже не помнит его имени, просто «шофер, который нашел табличку». Парень, который искал что-то, чтобы заставить заработать аккумулятор машины. И я даже не могу за ними поехать. Все, что я могу сделать, это просто идти в ту сторону пешком».

«А у кого моя машина? — спросил он себя. — Кто ее угнал? Моя жена».

Он продолжал спускаться по склону, все медленнее и медленнее, но он шел дальше. «Как мне вернуться в тот дом?» — спросил он себя. Назад, к старой чертежной доске. Для чего? Ради какой мелочи? Ловушки для перепелов? Костюмов для

коров? Первое слово съела корова, подумал он. Нужно чем-то занять себя или чувствовать себя опозоренным и слушать ругань.

Банальность собственных мыслей ужаснула его. В голове царила ужасная пустота. И это в такое время. Нет, подумал он. Нужно быть трудолюбивым кормильцем, содержащим семью, как все нормальные мужья.

Сохранить семью. Он вынул руки из карманов и пошел дальше. Смотрел на руки, на ноги, на дорогу, но не поднимал глаз.

Гул. Шум на другой стороне долины. Он не поднял глаз. Он прислушался. Прикрыл глаза. Посмотрел на свои наручные часы. Половина второго.

Звук походил на «альфу». Красная точка двигалась вдали, по прямой линии шоссе. Она не могла вернуться домой так рано.

Вероятно, кто-то едет в Пойнт-Рейес, подумал он. Он увидел, как машина доехала до станции Шеврон и не свернула на холм, а поехала дальше. Значит, это была не Шерри; он оказался прав.

Пока он смотрел, «альфа» замедлилась. Она свернула на следующую улицу, на Блафф-роуд, которая вела на холм, где стояло несколько домов. Ни у кого из них нет «альфы», подумал он.

Кто-то из города приехал в гости.

Но он никогда не видел и не слышал других «альф», кроме своей собственной, и эта так уверенно двигалась по дороге, так быстро, что он не мог поверить, что водитель тут впервые. Чужак бы не справился. По этим узким извилистым дорогам нельзя ехать так быстро.

На какое-то время он потерял ее из виду; холм закрыл ему обзор. Но он все еще слышал ее. А затем звук прекратился. «Альфа» остановилась у одного из домов.

«Кого мы знаем? — спросил он себя. — Кто там живет?

Я могу дойти до шоссе, а затем до Блафф-роуд за полчаса, сказал он себе. И мне все равно нечем заняться, потому что она мне ничего не оставила.

Там живет Долли Фергессон. И они близкие подруги».

Глубоко вздохнув, он ускорил шаг. Когда он повернул на Блафф-роуд и увидел дом Фергессонов, «альфа» оказалась припаркована перед ним. И теперь он увидел номера. Это была его машина.

Его жена приехала к Долли. Что-то случилось, сказал он себе. Иначе она бы не свалила посреди дня.

Задыхаясь, он зашагал вверх по холму к ма-

шине. На переднем сиденье, на виду, лежала большая кожаная сумка Шерри. Он постоял мгновение, опершись о машину и переводя дух.

«Она очень торопилась, — подумал он, — раз оставила сумку в машине. Я знаю, в чем дело, — подумал он. — Я знаю. И нужно просто открыть сумку и увидеть в ней маленькую белую карточку».

Нагнувшись, он открыл сумку. Там в самом деле лежала карточка, и он ее вытащил. Запись на прием на сегодня. К доктору Горму, ее гинекологу. Выходит, она беременна. Естественно, она поспешила сюда, чтобы посоветоваться с Долли.

Он взбежал по ступенькам. Из-за входной двери слышались голоса. Он открыл дверь и увидел их обеих на диване — Долли в старых брюках, волосы убраны, его жена в костюме, каблуках, одетая для работы. Он увидел, как они дернулись, как застыли их лица. Они сразу замолчали.

— Надеюсь, будет мальчик, — сказал он.

Лицо его жены побелело, но она ничего не сказала. Она вообще никак не отреагировала.

— Привет, — поздоровался он с Долли.

Та слегка кивнула.

Шерри сказала:

— Я тебе вот что скажу, — она коротко засмея-

лась, — это будет не мальчик.

— Почему?

И тут он увидел телефонную книгу, телефонную трубку на диване, карандаш и блокнот, развернутый листок на коленях жены. Подойдя к ней, он схватил ее за руку и рванул вверх. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Пошли. Ясно тебе?

Он потащил ее через гостиную. Он ощущал такую ненависть и ярость, что схватил ее за шею, впился в нее пальцами, толкнул ее изо всех сил.

— Я не позволю, — прорычала она у двери.

Ухватившись за косяк обеими руками, она застыла на месте, прижавшись к двери.

— Мы уходим, — сообщил он, оттаскивая ее от двери.

— Ты все равно это сделаешь, — пропыхтела она, когда он оторвал ее пальцы от двери и коленом выпихнул ее наружу, — так какая разница.

Это было правдой, понял он. Поэтому он взял ее за запястье и вывернул ей левую руку. Она обвисла, схватила ртом воздух и пошла за ним, не отставая, весь короткий путь до машины.

— Я не поведу, — сказала она.

— Я поведу. — Он толкнул ее на сиденье, стремительно обошел машину и сел за руль. Но она

не сделала ни единого движения, чтобы выйти из машины; она смотрела вперед мертвыми глазами.

— Очень плохо, — сказал он, заводя машину, — ужасно. Извини, пожалуйста.

— Тебе не стыдно.

Он развернул машину на подъездной дорожке и поехал вниз. Какое-то время оба молчали.

— Ты не боишься, что шериф Кристен увидит тебя за рулем? — наконец спросила его жена чужим голосом.

— Нет.

— Что делать с ребенком, решать только мне. Никак не тебе.

— Да иди ты к черту. Он не мой?

— Твой, — быстро смущенно сказала она.

— Не Лауша.

— Нет, не Лауша.

— Мне нет до этого дела. Меня волнует, что ты беременна. Мне плевать, от кого.

— Да иди ты в задницу. Я знаю, о чем ты.

— Добро пожаловать домой, — сказал он.

— Здесь не мой дом. Ты не можешь помешать мне сделать аборт. Долли сделала аборт год назад.

— Я не позволю тебе сделать аборт. Думаешь,

это невозможно? Я отвезу тебя к шерифу Кристену и заставлю его арестовать тебя за покушение на тяжкое преступление. За попытку убийства моего ребенка.

— Ты лжешь.

— Я убью тебя, — сказал он, — изобью до полусмерти. И все будут на моей стороне, потому что это естественно. Естественные для отца чувства. С такой-то женой, которая хочет совершить отвратительный противоестественный поступок.

— Это всего лишь слова, — сказала она, — я все буду отрицать. Знаешь, что я скажу? Я скажу, что ты разозлился, когда узнал, что я беременна, и избил меня, чтобы у меня случился выкидыш.

— Я заставлю их вызвать Долли Фергессон в суд, и она даст показания.

— Она моя подруга, — сказала Шерри, — не твоя.

— Это неважно. Ей все равно придется сказать правду.

— Ты правда думаешь, что она скажет правду? Признает, что сделала аборт? Назовет имя врача?

— Я знаю, что могу получить какой-то судебный приказ, — сказал он, — ограничить твои действия. Это мой ребенок в той же мере, что и твой.

— Ты просто хочешь, чтобы я не могла работать, и эти твои высокопарные разговоры — это просто оправдание.

— Я этого не скрываю. Я не пытаюсь рационализировать. Все, что мне важно, — это чтобы ты больше не смогла работать. И я точно знаю, что он тоже не захочет, чтобы ты ходила по его компании. Нет ничего отвратительнее, чем жирная уродливая беременная женщина. Вот это была бы реклама.

Он ликовал, думая об этом, представляя ее с выпирающим животом, низко свисающим под собственной тяжестью, шаркающую, плоскостопую.

— Жаль твоей фигуры, вряд ли она вернется после родов.

— Как ты можешь так говорить? — прошептала она, бледнея. — Как муж может так говорить с женой?

— Зато ты больше не сможешь говорить мне ужасные вещи.

— Я никогда не была с тобой так жестока, как ты со мной, — она собралась с силами, — ты меня не любишь и никогда не любил, ты просто притворялся.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она ответила дрожащим голосом, со слезами на глазах:

— Ты меня любишь только потому, что можешь причинить мне боль.

— Нет.

— Когда мне нужна твоя помощь, ты не стесняешься и делаешь что хочешь. Ты был бы счастлив, если бы я просто умерла.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Нет.

— Я этого заслуживаю. Я злой эгоистичный человек, и я за это расплачиваюсь. Я тебя не виню. Я не понимаю, как ты мог вообще жить со мной; я не понимаю, как вообще кто-нибудь может жить со мной или любить меня.

Она достала платок и прижала его к губам, так что он еле разбирал слова.

— Я плохая, — сказала она, — твои поступки… это я тебя заставляю. Ты просто возвращаешь то, что я делаю. Когда ты изнасиловал меня в тот день — ты отплатил мне. Я на минуту потеряла бдительность, и ты напал на меня, как животное. Как кот на кошку, он крадется за ней и набрасывается на нее, если она не видит.

— Какой интересный взгляд на жизнь и на отношения между мужчинами и женщинами.

— Но это правда. Это была месть с твоей стороны.

— Ну раз ты все знаешь, то и не жалуйся. Если ты понимаешь, что это месть.

— Почему? Разве месть — добродетель?

— Око за око, — сказал он.

Они уже вернулись к дому; он заехал на обочину и припарковался, выключил двигатель и открыл дверь со своей стороны.

— Я не пойду, — сказала она.

Схватив ее за руку, он выдернул ее из машины.

— Пусть все видят, — сказала она, — мне все равно. Я хочу, чтобы все видели, как ты со мной обращаешься. Как пьяное быдло, каковым ты и являешься.

Он подталкивал ее вверх по тропинке, и она повысила голос:

— Ты просто нищий пьяница, который бьет жену. У тебя нет вкуса. Ты смотришь по телевизору низкопробные передачи вроде «Фиббер Макги» и «Молли». Отпусти меня!

На крыльце ей удалось вырвать у него руку. Ее глаза сверкали от ярости.

— Чертов макаронник, — у нее дрожали губы, — ты и твои дружки-негры.

Он видел, что она запнулась, она не могла заста-

вить себя сказать «ниггер» даже в такой момент. Она хотела, но это было для нее невозможно.

— Ты хотела сказать «ниггеры».

— Я никогда не использовала бы это слово, — сказала она с неистовством, — я так не выражаюсь, в отличие от тебя.

Открыв дверь, он втолкнул ее в дом и захлопнул дверь за собой. Шерри сказала:

— Ты не смог избить Лауша, поэтому ты избил жену; беспомощную женщину, которая еще и беременна в придачу.

— Мы с Лаушем были хорошими друзьями, пока ты не появилась. Мы прекрасно ладили.

— Ладно, — сказала Шерри, — значит, ты ненавидишь меня.

Отступая от него, она подошла к столику. Там стояли маленькие модели лодок, которые он смастерил много лет назад, в средней школе; он хранил их все это время. Ее глаза были прикованы к лодкам, и он увидел, как ее рука дернулась вниз. Он знал, что она собирается сделать.

— Как ты думаешь, мне есть дело до того, что меня не любит мальчик, который так и не вырос? — сказала она, беря одну из лодок. — Что ты делаешь, когда запираешься в своей мастерской? Я уверена, что ты балуешься сам с собой. Что ты

до сих пор этим занимаешься.

Она швырнула в него лодку, которая словно бы поплыла по воздуху. Он не пытался поймать ее. Он потянулся к стулу, белому современному стулу с высокой спинкой, поднял его и швырнул в голову жене. Она не увернулась. Она смотрела на стул, который бесшумно обрушился на нее, ударил ножками в грудь. Он почти не видел этого, он сразу же побежал к ней, протягивая руки, чтобы схватить ее, чтобы защитить, чтобы спасти, чтобы все исправить.

— Милая, — сказал он, пытаясь обнять ее.

У нее были пустые глаза, а стул лежал у ее ног.

— Прости. Я люблю тебя. Давай прекратим это.

— Я бы хотела, чтобы ты умер. Или я. — Она скривилась от боли и сказала нараспев: — Ты мог меня убить.

— Я знаю.

Он все еще пытался обнять ее, но она не давалась, сама не замечая этого.

— Можно я тебя обниму?

— Зачем? Чтобы причинить мне еще больше боли?

— Нет. Прости.

— Я никогда тебя не прощу, — сказала она, — за то, как ты со мной обошелся. Я буду тебя мучить,

пока мы вместе. Тебе лучше уйти от меня, потому что иначе твоя жизнь станет адом.

— Возможно.

— Я серьезно, — сказала она тише, успокаиваясь и потирая грудь, — у меня есть эта ужасная черта. Эта уродливая часть меня. Я хочу сделать тебе в два раза больнее, чем ты делаешь мне. За твои дурные поступки. Мы не можем больше быть вместе. Я больна. Я знаю это. Я больной человек. Все это моя вина, все эти ужасные ссоры. Я спровоцировала тебя этим абортом, и ты прав. Ты должен избить меня за это; это грех. Это преступление. Это твой ребенок.

Ее голос становился все тише и тише; он едва ее слышал.

— Это твое право. Если кто-то говорит, что собирается убить твоего ребенка. Если бы я была настоящей матерью, я бы даже не думала о таком. Эта ужасная Долли Фергессон… какую пустую, стерильную жизнь она ведет. У нее нет детей, она просто ходит по ресторанам и делает себе прически. Покупает наряды. Она никогда ничего не делает. Мне так жаль ее мужа.

Они оба помолчали. Он не пытался больше прикоснуться к ней, она стояла молча, размышляя и потирая грудь.

— Я думаю, ты любишь меня, — сказала она наконец.

— Да. Люблю.

— На самом деле ты испытываешь все это не ко мне. Ты знаешь, что это? Это сдерживаемая ненависть, которую ты чувствуешь к Рансиблу, и ты обратил ее на меня, потому что он вне досягаемости, а я здесь. Вот для чего я нужна. Так и поступает хорошая жена; она позволяет мужу вымещать свои страхи и агрессию на себе. Так она защищает его от мира.

Он ничего не сказал.

— Разве это не так? — спросила она прерывистым голосом.

— Нет. Я правда тебя ненавижу.

— Я не верю. Ты любишь меня. Ты только что это сказал.

— Я чувствую и то и другое.

— Это невозможно. Можно чувствовать либо одно, либо другое. Мужчина, который любит свою жену — правда любит, — никогда не смог бы так сказать.

Она посмотрела на него безнадежно.

— Ты не позволишь мне сделать аборт?

— Нет.

— Но ты не можешь меня остановить. Есть

много вариантов. Я могу спрыгнуть с лестницы и вызвать выкидыш. А затем продолжу работать, мне не придется бросать работу. Мне жаль. Я знаю, что это неправильно. Но я это сделаю. Я не собираюсь торчать тут как прикованная и подавать протертый шпинат твоему сопливому отпрыску, как жирная тупая домохозяйка.

— Зато я могу продать машину.

— «Альфу»?

— Да.

Он взял телефон и перенес его на диван.

— Для этого нужно мое согласие.

— В свидетельстве написано «Шерри Домброзио ИЛИ Уолтер Домброзио».

— Если ты продашь ее, я куплю другую.

— На какие деньги?

— На те, которые мы за нее получим.

— Там не хватит. Я об этом позабочусь.

— Когда ты получишь права обратно, — сказала она, — ты захочешь вернуться за руль. Ты пожалеешь об этом. Мы не сможем обойтись без машины. Мы не сможем зарабатывать деньги, не имея возможности ездить в город. А когда придет время ребенка? Как мы доберемся до больницы?

— Ты можешь поехать на автобусе.

— Ты убьешь меня и разоришь нас. Мы, вероят-

но, лишимся дома.

— Плевать.

— Почему?

— Просто. Зачем мне причина?

— И все это только для того, чтобы я не могла работать?

— Не только.

— Смогу ли я вернуться к работе после родов?

— Посмотрим.

— Ты не можешь обещать?

Он покачал головой.

— Пообещай мне, и мне хватит.

— У тебя нет выбора.

— Пожалуйста, — сказала она.

Он ничего не ответил.

— Тогда скажи мне, что ты любишь меня и просто разозлился.

— Я люблю тебя.

— Ты поцелуешь меня?

— Обязательно.

— Серьезно? — Она смотрела на него лихорадочно горящими глазами.

— Да.

Он действительно это сделал. Он подошел к ней и обнял ее.

— Ты причинил мне боль, — сказала она. — Ты

ударил меня стулом прямо в грудь. Хочешь посмотреть синяк?

— Давай.

— Наверное, он еще не заметен, — сказала она тихим детским голоском, — почему ты такой грубый? Ты не понимаешь, насколько ты сильный. Ты ужасно сильный. Ты знаешь это? Ты можешь убить меня. Ты бы убил. Я думаю, ты правда этого хотел.

— Хорошо, что ты нас обоих успокоила.

— Да. Я удержала тебя от ужасного поступка. Разве ты не рад?

Она посмотрела на него с надеждой.

— Я не допустила ужасной ссоры. Это значит, что я хорошая жена, да?

— Да, — он обнял ее и похлопал по спине, — ты очень хорошая жена. Не волнуйся.

— Я знала, что так и есть, — она вцепилась в него, глядя мимо, и тоже похлопала его по спине в ответ, — но мне нравится слышать, как ты это говоришь.

17

На служебной машине шерифа Кристена они поехали на болото, в старый город. Пока они доехали до воды, уже почти стемнело. На дальней стороне залива виднелись два тусклых желтых огня. Огни были так близко к воде, что Рансиблу казалось, что легчайшая волна может погасить их. Пока Кристен вел машину, он смотрел на огни, гадая, не погаснут ли они в следующее мгновение.

— Как они здесь живут? — спросил Фолк. — Я бы сошел с ума. Тут так все заброшено.

— Как думаете, они нам помогут? — спросил Шарп.

— Не знаю, — ответил ветеринар, — что мы им скажем? Они не поймут, зачем нам фотографии их родителей и бабушек с дедушками, нам нужна какая-то история.

По пути они придумывали историю. Добравшись до пристани, они решили сказать, что везут не очень большую сумму, причитающуюся за участок земли. Что они не знали имени человека, которому должны передать деньги, но узнают его

по фотографии.

Никому из них не казалось, что это блестящая история, но, вероятно, она могла сработать. Люди узнают шерифа Кристена и ветеринара, поэтому поймут, что визит официальный, и это важнее самой версии. Рансибл, вглядываясь в темноту и пытаясь разглядеть разрушенные здания, лачуги и заброшенные магазины, подумал про себя, что эту часть города он очень постарался вытеснить из своего сознания. Он никогда никого сюда не возил; на самом деле он не был даже уверен, что сам вообще здесь бывал. Хотя, скорее всего, должен был, хотя бы однажды.

Для чего они были здесь на самом деле? Что они хотели выяснить? Они хотели посмотреть старые фотографии и поискать на них деформированную челюсть. По крайней мере, на это рассчитывал Дадли Шарп. А что получат от этого остальные? Что получит сам Рансибл?

«Мы уже знаем, что когда-то здесь жили уроды, — подумал он. — Мы видели их кости. Все, что мы можем узнать сейчас — это как они выглядели при жизни. Но антропологи могут реконструировать их внешность по костям. Можно разобраться с костями на кладбище, узнать, кто был похоронен там, где мы копали. Кто, например, был тот

человек, которого Уолтер Домброзио перевез в мою эвкалиптовую рощу. Да, — подумал он, — я могу узнать имя человека, чей череп я нашел. Это может оказаться даже Бастиони. Даже сам Анжело Бастиони. Родился в 1835, умер в 1895. Вероятно, он разводил овец. Несмотря на свою необычную челюсть. Семья с врожденным пороком развития. Он передался от Анжело к Джиа, от Рудольфо к Петри. Что ж, — подумал он, — мы посмотрим на старые фотографии, и, может быть, на этом все закончится. Потом я смогу вернуться в свое агентство, а Шарп — в Беркли».

Или, подумал он, Анжело Бастиони может оказаться неандертальцем, полностью или частично. Мустьерская кровь, оставшаяся со старых времен, от холодных зим? Анжело Бастиони, бывший изготовитель кремневых топоров, позднее выбравший молочное дело. Ныне покойный.

— Может быть, нам не нужно сюда соваться, — вслух сказал он, — не понимаю, что мы хотим найти.

— Я склонен согласиться, — ответил ветеринар.

— Вам решать, — сказал шериф и сбавил скорость, — я делаю это для вас, а не для себя. У меня полно других дел.

— Это очень важно, — сказал Уортон, — нужно докопаться до сути.

— До сути чего? — спросил Рансибл. — Уже установлено, что череп был деформирован с самого начала. Возможно, мы сможем найти какие-то следы наследственного порока.

Он устал и злился, раскопки на кладбище не доставили ему удовольствия.

— Какой смысл ворошить старые тайны, болезни какой-то старинной семьи… чьи последние потомки живут, как нищие поденщики из Оклахомы. Или даже хуже. Как персонажи Стейнбека.

— Мы не можем остановиться сейчас, — сказал Шарп.

— Почему нет?

— Когда много лет назад был найден первый череп неандертальца, — пояснил Шарп, — его посчитали просто уродством.

Шериф двинулся дальше. Рансибл откинулся на спинку сиденья. «Что я могу сделать? — спросил он себя. — Это не в моих руках. Я не могу остановить этого человека, этого безумца из университета». Он все равно будет рыться в старом дерьме и вытаскивать его на свет. Ничего хорошего все равно нельзя найти в этом паршивом грязном районе. В этих лачугах из старых ящиков,

в гнилых бывших складах, которые уже сорок лет не работают.

Округ должен издать приказ об уничтожении этой навозной кучи, подумал он. По санитарным соображениям. По соображениям здоровья. Загрязнение наших территорий… наши тщательно ухоженные дома и фермы находятся под угрозой. Это можно было бы, по крайней мере, зонировать, подумал он.

— Где остановиться? — спросил шериф Кристен.

— У того дома, — сказал Шарп, — где свет горит.

«Я не пойду», — сказал себе Рансибл. Когда машина остановилась и шериф выключил мотор, Рансибл сказал:

— Я остаюсь. Я не пойду в этот загон для свиней и не буду валяться в грязи с людьми, которых первобытный человек не принял бы у себя дома.

К своему изумлению, он обнаружил, что почти не может говорить. Он невероятно злился на всех остальных в машине.

— Что, Рансибл, — сказал Сет Фолк, немного помолчав, — раз дело дошло до коммерчески непривлекательного района, вам стало неинтересно? — Он тоже злился. — Неинтересно, потому

оказалось, что это может дорого обойтись?

— Дорого, — повторил Рансибл, — слушайте, я не полезу туда из гордости. Я не имею никаких дел с этими торговцами устрицами. Кто-то должен взять спичку и поджечь эти лачуги. Вся эта история меня раздражает, по-настоящему. Мы начали с чего-то важного, с науки. А что у нас есть теперь? А я скажу. Мы собираемся приложить кучу усилий, чтобы доказать, что в этом городе нет ничего интересного. Что тут не найдется ничего более важного для человечества, чем выродившиеся предки кучки дегенератов. Я скажу вам, что я об этом думаю. Это глупость. Идиотизм. И любой, кто этим интересуется, — идиот. Вы думаете, что я отправил все эти телеграммы, и сделал все эти бесчисленные звонки, и говорил с очень важными людьми из университетских кругов, включая Боумена и Фрейтаса — Фрейтаса, который, как я понимаю, является главным авторитетом в своей области в Соединенных Штатах, — чтобы приехать сюда и узнать, что дед какого-то урода косолапил, страдал волчьей пастью и говорил так, как будто ему в глотку кулак забили?

Он почти кричал, и его, очевидно, услышали в хижине. Дверь открылась, и на крыльце появился человек с фонарем.

— Кто там? — крикнул он нервно.

— Кристен, — отозвался шериф, — шериф Кристен. И ветеринар, док Хейес.

Человек осторожно подошел к ним.

— Что за шум? У вас там пьяный?

Не обращая внимания на человека с фонарем, Рансибл сказал:

— Давайте не лишать эту затею смысла.

— Невозможно заранее понять, будет ли она иметь смысл, — ответил Шарп.

— Вам придется подождать, — сказал Уортон, — мы не представляем, какие результаты получим.

— Так и работает современная наука, — сказал Шарп, выходя из машины, и добавил, обращаясь к человеку из хижины: — Простите за беспокойство. Мы ищем одного человека, но не знаем его имени.

В свете фонаря Рансибл увидел, как человек жмет руку Дадли Шарпу. Уортон и Сет Фолк тоже вышли из машины. Шериф остался за рулем. Ветеринар помедлил, а затем тоже вылез и подошел к остальным.

— Думаю, мне лучше пойти с ними, — сказал шериф Кристен Рансиблу, — чтобы этот парень из университета не совал нос куда не надо. У этих людей есть права; они тоже живут в этом городе.

Я должен за ними присматривать.

Выйдя, он наклонился к окну и хриплым шепотом сказал Рансиблу:

— Мне не нравится этот Шарп. Он вечно ухмыляется.

Он дружелюбно похлопал Рансибла по плечу, но Рансибл не пошевелился и не ответил, он просто проигнорировал шерифа.

Дверь захлопнулась, и он остался в машине один. Шестеро остальных двинулись вместе по тропинке к хижине из проволочной сетки и рубероида. Фонарь поднимался и опускался в темноте.

Всего они зашли в три маленьких старых дома. Майкл Уортон бывал здесь раньше, и этот полузаброшенный городок очаровал его. Для него он имел ауру древности, он был выжившим обломком прошлого, а прошлое было главным для учителя. Эта поездка стала чистым наслаждением.

Но, подумал он, сидя на диване в третьей тесной крохотной гостиной с лампами, коврами, циновками с бахромой и вязаными крючком ковриками, она не доставила удовольствия Рансиблу. Агент по недвижимости каждый раз оставался в машине и делал усталый и обижен-

ный вид.

Они посмотрели множество старых фотографий. Торговцы устрицами с удовольствием доставали выцветшие мятые фотоальбомы, перевязанные желтыми шнурами с кисточками, раскладывали одну коричневатую фотографию за другой и подробно объясняли, кто на них изображен. Они по-детски радовались, что кто-то ими заинтересовался. Он понял, как тут одиноко. У этих людей ничего не было. Куры и овцы. Устричная баржа. И телевизор. В каждой тесной маленькой гостиной на столе стоял телевизор, а члены семьи сидели в кружок вокруг него. Вот почему здесь почти не зажигали света. Сигнал был плохой, картинка казалась размытой и зернистой. Но люди радовались и такому. И он не мог их винить. Пока пожилая женщина рассказывала им об очередной двоюродной бабушке, снова и снова тыча пальцем в портрет, он обнаружил, что сам устремил взгляд на телеэкран — телевизор никто не выключил. Ред Скелтон что-то делал с ванной, и учитель невольно увлекся.

Голос Шарпа разрушил чары съемочной площадки.

— Смотрите! — воскликнул он, обращаясь к учителю, ветеринару, Сету Фолку и шерифу.

Он посмотрел.

На диване лежала фотография, изображавшая четырех мужчин. Трое из них выглядели совершенно обычными. Фотография была сделана около 1890 года, как он предположил по усам. Снимали в горной хижине — он увидел колоду, топор, обшитую досками стену, собаку. Все четверо были в комбинезонах. У всех было строгое, торжественное выражение лица. Но у одного из изображенных оказалась гигантская челюсть, различимая даже на этой старой фотографии. И еще он казался сгорбленным и был меньше других ростом.

Старуха продолжала бубнить. Шарп указал на нужную фигуру, и она сразу ответила:

— Ах да. Это зубастый рубильник.

— Как его фамилия? — спросил Шарп.

Старуха — на ней было темное шелковое платье и черные чулки, а волосы прикрывал шарф — улыбнулась и сказала:

— Да не было у него фамилии.

Казалось, это ее позабавило, и она рассмеялась.

— Как же это? — спросил Шарп. — И что за слово такое, рубильник?

«Знаю я это слово», — подумал Уортон, а вслух сказал:

— Рубщик? Рубильщик?

— Рубильник, — повторила старуха.

— Но это должно звучать как-то по-другому.

— Да нет, всегда именно так говорилось, — возразила старуха.

— Где сделана фотография? — спросил Шарп.

— На хребте, — сказала старуха. Она представилась, но Уортон не расслышал имени. — На восточном склоне, с другой стороны. В те дни там была пустошь и почти никто не жил.

— Они ведь не были фермерами? — спросил Уортон.

— Нет. Они работали на известняковых карьерах. Потому их так и называли. Всех, кто там работал. Им это не нравилось.

— А почему зубастый? — настаивал Шарп.

— У всех, кто работал на известняковых карьерах, почти всегда была такая челюсть.

Она явно хотела перейти к следующей фотографии и показать остальных родственников, но Шарп остановил ее.

— Это только у мужчин так было? — спросил он.

— Нет, и у женщин тоже.

— Женщины работали на карьерах?

Она уставилась на него в замешательстве.

— Нет, конечно нет.

— У вас есть еще фотографии таких людей? — спросил Уортон. — Покажите, пожалуйста.

Поразмыслив немного, старуха сказала:

— Да, пожалуй, еще одна найдется.

Поднявшись, она протиснулась мимо них и вышла из гостиной. Они услышали, как она роется в каком-то ящике, а потом она вернулась с пакетом. Усевшись, она сняла с него красную веревочку, раскрыла пакет и разложила фотографии на коленях. Покопалась в них и выбрала одну.

На этой старой фотографии была изображена молодая женщина. Снова они увидели огромную челюсть и нависающие брови. Лицо ее казалось грубым, угрюмым и ленивым, словно на нее давила огромная тяжесть. Она смотрела в камеру без всякого интереса, а то и вовсе не понимала, что делает. Ужасно, подумал Уортон. Какое ужасное несчастье это для них всех. А теперь эти люди лежат на кладбище. Под деревянными крестами. В земле, где рылись Уолт Домброзио и Джек Вепп, которые выкопали этих людей и показали всем.

— Выглядит хуже, — сказал он старухе. Теперь он вспомнил, как она себя назвала, — миссис Нилдо.

— А она и есть хуже, — отозвалась миссис

Нилдо, — эта фотография была сделана… — она посмотрела на фотографию женщины, потом на фотографию мужчин, — спустя двадцать лет.

— Деформация проявлялась сильнее с годами? — Шарп даже вскочил от волнения.

— Да, — сказала старуха, — в конце концов стало так плохо, что они едва могли есть или говорить.

— И что они ели?

— Кашу. Мягкую еду. У некоторых из них не было зубов. Они их вырывали.

— Зачем? — спросил Шарп.

— Чтобы лучше разговаривать.

— Что в итоге с ними случилось? — спросил Шарп. — Ведь больше нет людей с такой челюстью? Они все умерли?

Миссис Нилдо задумалась:

— Думаю, последний человек с челюстью рубильника умер в двадцать третьем. Погодите-ка. — Она крикнула в соседнюю комнату: — Артур, когда умер последний рубильник, которого ты помнишь?

Мужской голос из другой комнаты отозвался:

— Как ты и говоришь, году в двадцать третьем.

— Но, — сказала старушка, — большинство из них все равно уехали. Раньше.

— Почему? — спросил Шарп.

— Ну, — сказала миссис Нилдо, — это было жутко и становилось намного хуже. Все, кто жил по ту сторону хребта, болели. У нас здесь этого не было.

Она указала на одного из здоровых мужчин с групповой фотографии.

— Это вот мой двоюродный дед, он был дровосеком. А рубильника звали Бен Табер. Когда была сделана эта фотография, он уже не работал на известняковых карьерах, ушел оттуда. Какое-то время он жил здесь, в Каркинезе.

— Они думали, что, переехав от карьера… — начал Уортон.

— Да, — перебила миссис Нилдо, — они жили в деревушке возле карьера. Тогда дороги были совсем плохие. Одна грязь.

— Отчего челюсть деформировалась? — спросил Уортон.

— Вода с той стороны, — ответила миссис Нилдо.

— Вода, — повторил ветеринар через некоторое время.

— Да. В ней была какая-то соль, которая травила их. Они брали воду из колодцев.

— Известковые карьеры находятся недалеко от

Бедняцкой лощины, — сказал ветеринар. — И не так далеко от Каркинеза.

— Это и есть Каркинез, — сказала миссис Нилдо, — а, хотя вы про новый город. Ну да. Но мы редко там бываем.

— Куда они переезжали? — спросил Шарп.

— На север. В Орегон. Куда-то на побережье. Я могу уточнить название города. Насколько я знаю, они еще там.

— Известняковые карьеры, — сказал Сет Фолк, — вода. Мы всегда знали, что у нас беда с водопроводом.

— Я закурю? — спросил шериф Кристен, сунув руку в нагрудный карман.

Уортон не мог понять, понял ли он, в чем дело; его лицо ничего не выражало.

— Конечно, шериф, — сказала миссис Нилдо, — я принесу вам пепельницу.

Она встала и торопливо оглядела комнату.

Когда они вышли из дома и сели обратно в машину, Лео Рансибл молча посмотрел на них. Наконец, когда Кристен завел машину и направился обратно к хребту, Рансибл спросил:

— И с чем это связано?

— С водой, — сказал Уортон.

— Я знал, что мы еще попляшем из-за этой

воды, — сказал Рансибл, — водопроводную компанию нужно под суд отдать. Этот ремонтник — он сам похож на пещерного человека. Он хуже неандертальца, он скорее синантроп. Когда я его увидел в первый раз, я понял, что с водой что-то не так, он ведь в ней только что не живет. Эта дрянь вытекает из трубы черная, как овечье дерьмо. Боже мой, это же помои, ими даже скот поить нельзя. Там жуки плавают.

— Это минералы в почве или что-то такое, — сказал Уортон.

Никто из них не хотел говорить.

Глядя в окно машины, Лео Рансибл думал: «Вы идиоты. Вы просто кучка идиотов. Я же говорил вам».

— Вот что я думаю, — сказал он после долгого молчания. Сидя в машине в одиночестве, он успел многое обдумать, — теперь вы, наверное, осознаете, насколько идиотской была идея отправиться в этот богом забытый захолустный городок, в эти устричные лачуги, к людям, которым нечем заняться весь день, кроме как сидеть на пирсе. Разве нет? Давайте вести себя разумно. Мы зашли слишком далеко. Мы все осознаем, в какую глупость это превратилось. Господи. Никому это не надо. Я не вижу в этом смысла. А вы?

Никто из них не ответил.

— Ладно, я скажу, — продолжил Рансибл, — давайте просто забудем все это. Не станем будить спящую собаку. Я не прав? Это единственный разумный выход из этой чертовой суеты. Если у нас есть хоть немного здравого смысла — а я знаю, что он есть, — давайте убираться отсюда к черту. Вы со мной? Вы меня понимаете? Давайте не будем суетиться и поднимать шум. Ваша газета, — сказал он Сету Фолку, — не станет лучше или больше, не принесет пользы обществу, напечатав подстрекательскую чушь о водоснабжении и о том, что к нам всем придет бука. Кому это выгодно, в конце концов? Действовать можно по-разному. И я вам вот что скажу. Тише едешь — дальше будешь.

Уортон быстро сказал:

— У нас есть слова старухи. Нет никаких доказательств того, что водоснабжение имеет к этому какое-то отношение. Или имело.

— Вот видите, — сказал Рансибл, разводя руками в темноте машины, — какая-то старая карга болтает невесть что… Боже мой, она наверняка последние тридцать пять лет с места не сходила. Вы называете это наукой? А как по мне, это бабские сказки. Разве нет? — спросил он у

остальных.

— Есть некоторые вещи, которые не стоит озвучивать ради блага общества, — сказал ветеринар.

— Я об этом и говорю. Давайте посмотрим на факты. Мы взрослые? Мы взрослые мужчины? Или мы из того сборища ублюдков из Донки-холла, кучки переростков, которые проказничают, пристают к женщинам и суют электрошок им под юбки? Я знаю кое-что, что знаете и вы; в Калифорнии уже много лет ходит бубонная чума. И об этом молчат. И вы молчите. Мы живем в этом городе. Здесь стоят наши дома. Наши дети ходят в школу. Я прав?

Это казалось очень разумным, пока он сидел один в машине. У нас здесь семьи и бизнес, говорил он, говорил внушительно и зрело, как всегда говорил в решающий момент сделки, когда клиент колебался между «сейчас» и «никогда». Подписывать или нет.

— Мы несем ответственность, — сказал он, — перед предпринимателями, перед своими семьями, перед фермерами. Перед городом. — А затем он увидел профиль Шарпа на фоне окна.

Господи, подумал он. А ведь этот мудак-то здесь не живет. Он из другого округа.

— Шарп, как вы думаете? — спросил он.

Тот не ответил.

— Да ладно, — сказал Рансибл, — вы хотите поднять шум или все-таки примете во внимание живых людей, которые здесь работают и живут?

— Это все необходимо изучить, — ответил Шарп.

— Зачем?

— Это может принести жизненно важные новые сведения для всего округа.

— Вы имеете в виду, что можете сделать на этом имя. Разве нет?

Шарп опять промолчал.

— Ну хорошо. Вы будете тут все исследовать, притащите сюда кучу бездельников вроде вас самого, и будете тут ошиваться и копать где попало, и, может быть, что-то откопаете. Установите, что несколько выродков, живших тут на рубеже веков, страдали каким-то заболеванием костей из-за работы в известняковых карьерах. Шахтеры болеют. Рабочие фабрик болеют. Может быть, вы даже сможете доказать, что эта хрень все еще в воде, только в меньшей концентрации, потому что у нас теперь трубы вместо колодцев. И может быть, вы даже заставите людей перестать переезжать сюда, потому что никто не хочет проснуться

однажды утром и обнаружить, что у него распухло лицо и он не может есть и говорить и выглядит как персонаж Британской энциклопедии, который жил сорок миллионов лет назад. Или сорок тысяч. Какая разница.

— Рансибл говорит разумные вещи, — сказал шериф.

— Верно, — согласился Шарп, — мы можем провести тихое исследование. Нет нужды его освещать.

— Думаете, эти чертовы газеты позволят вам сохранить его в тайне? Эти сенсационные желтые газеты Сан-Франциско?

— Нам все равно придется продолжать, — сказал Шарп.

— Ну ты и говнюк, — сказал Рансибл.

— Полегче, полегче, — сказал ветеринар.

«Все вы говнюки, — подумал Рансибл. — Вы все в моем списке говнюков и еще сорок миллионов лет в нем останетесь. Это касается всех вас пятерых. Кому вы нужны?»

Когда они съехали с хребта и приблизились к шоссе, Рансибл нарушил молчание:

— Мне уехать отсюда — раз плюнуть. Я делал все, что только можно, ради этого места. Я устал. К черту все это. Мне надоели провинциальные

фермеры по ноздри в овечьем дерьме.

Некоторое время никто ничего не говорил, а затем Сет Фолк ответил:

— Конечно, вы можете переехать и открыть агентство по недвижимости где-нибудь в другом месте. Вы всегда можете переехать.

— Вы о чем?

— Вы нездешний. У вас нет никаких реальных связей здесь. Единственная причина, по которой вы здесь, — это прибыль. Быстрые деньги. Все в городе это знают.

— Это неправда, — сказал Уортон, — совсем.

— Замолчите, Фолк, — велел шериф.

— Нет, — возразил Рансибл, — мне нравится слушать этого придурка. Послушайте, Фолк. Знаете, что я собираюсь сделать? Я собираюсь прекратить давать рекламу в вашей скучной идиотской газете, выходящей раз в неделю, и вы знаете, что тогда произойдет? Вы обанкротитесь.

— Черта с два, — ответил Фолк.

— Что у нас в самом деле может случиться? — спросил Уортон.

— Отсюда все уедут, — сказал Рансибл, — будет заброшенная территория.

— Сомневаюсь, что дело зайдет так далеко, — сказал Кристен, — некоторое время будет

страшновато, но, может быть, мы найдем новый источник воды.

— Вы сумасшедшие, — сказал Рансибл, — отборные психи.

Когда они добрались до агентства недвижимости, он открыл дверцу и вышел не оглядываясь. Машина уехала, и он направился к своей. Сев в нее, он понял, что так и остался в старом рабочем костюме и что штаны все в грязи.

Он вылез из машины и отпер контору. В шкафу висело несколько костюмов; он снял рабочую одежду, надел чистую рубашку, галстук, а затем отглаженный, свежий костюм, самый любимый. Запер контору обратно.

Нельзя так выглядеть, сказал он себе. Как бродяга. Как сборщик фруктов или собиратель устриц. Костюм заставил его почувствовать себя лучше, но ненамного.

Ситуация паршивая, сказал он себе. Вышло совсем нехорошо. Этот идиот Домброзио. Придурок.

Вернувшись домой, он пошел в кабинет и взял телефонную книгу. Спросил у жены:

— Ты не помнишь, как зовут владельца водопроводной компании?

— Я… забыла, — сказала Джанет из кухни.

Ему удалось поймать дома ремонтника из водопроводной компании. От него он узнал имя владельца.

Тот, пожилой пенсионер, жил в округе Сонома, в Фаунтин-Гроув.

Даже не в округе Марин, подумал Рансибл, сидя у телефона и ожидая соединения.

Вскоре хриплый мужской голос сказал:

— Алло.

— Мистер Нерони, — сказал Рансибл, — извините, что отрываю вас от ужина.

— Кто это? — резко спросил старик.

— Меня зовут Лео Рансибл. Послушайте, сэр, мне необходимо кое-что с вами обсудить. Это срочно, — он уставился в стену, — я хотел бы поговорить с вами сегодня вечером. — Взглянув на наручные часы, он добавил: — Если вы не возражаете, я заеду к вам около восьми вечера, и мы все уладим. Вам удобно?

— Мы собирались в кино.

— Дело не терпит отлагательств. Это касается чистой стоимости вашей водопроводной компании Каркинеза. Водопроводной компании округа Вест-Марин, — поправил он, взглянув на счет за воду.

— Ясно, — сказал Нерони, — ну, что вам сказать.

Чертова водопроводная компания. Хотите, чтобы я был с вами откровенен?

— Да, хочу, — сказал Рансибл.

— Я теряю деньги на этой компании десять лет подряд. Я никогда не делал из этого секрета.

— Да, понимаю.

— Я мечтаю сбыть ее с рук. Все, что она дает, — ежегодные списания налогов. Вы этого хотите? Купить ее? Я продам ее вам, можете даже не приезжать. Мы можем уладить это прямо сейчас по телефону, или я могу дать вам номер своего брокера, и вы договоритесь с ним.

Откинувшись на спинку стула, Рансибл сказал:

— Честно говоря, сэр, я очень сомневаюсь, что вашу компанию стоит покупать.

— Если вы не хотите ее покупать, то чего вы хотите?

— Увидимся в восемь, — сказал Рансибл, — полагаю, мы сможем договориться. У меня есть хорошая необработанная земля на продажу. На хребте Болинас. Ее можно разделить на участки, если проложить дороги. Конечно, для этого нужен проницательный бизнесмен, способный представить, как будут развиваться обстоятельства в будущем.

Они еще поговорили, а затем Рансибл повесил трубку. Нерони определенно заинтересовался его предложением. Выйдя из кабинета в кухню, Рансибл спросил у жены:

— Как по-твоему, кто в этом районе самый богатый владелец ранчо?

— Не уверена, — дрожащим голосом сказала она, — может быть, Энрико из лагуны. Или Рейли.

— Ну, им придется присоединиться.

— К чему?

— К Ассоциации по улучшению водоснабжения Каркинеза.

Он снова заперся в кабинете. Сначала он позвонил Биллу Бэрону, репортеру «Сан-Рафаэль Джорнал», которого он знал много лет и который ему сочувствовал в деле находки неандертальца.

— Слушай, Билл, — сказал Рансибл, как только тот взял трубку, — хочешь тему? Настоящую? У меня есть. Это вода.

— В смысле вода?

— Череп. Этот так называемый череп неандертальца. Если бы я не уважал тебя и не думал бы о тебе, я бы сейчас здесь не сидел. Я бы уже отправился куда-нибудь на короткую и заслуженную передышку. Так что и ты меня не забудь.

Согласен? — Он помолчал, а потом громко вздохнул. — Это не обман и не научная сенсация. Это медицинский факт, с которым нужно разобраться решительно и немедленно. В почве есть какое-то токсичное вещество, которое проникает в кости.

— Ясно, — сказал репортер с заметным интересом.

— Вот в чем дело. Прошло уже довольно много времени после последнего случая этой болезни. Но мы должны принять меры предосторожности. Мы имеем дело со всей страной. Нужно это признать. Иначе тут начнут бегать толстозадые истерички и орать, что нужно смываться. — Он посмотрел в потолок. — Мы собрали группу ответственных людей, заботящихся об обществе, и собираемся купить водопроводную компанию. Кстати, сейчас она принадлежит человеку не отсюда. Там очень много работы. Нам нужна новая водопроводная система, новые трубы, новые насосы, лучшая система очистки, которую можно себе представить. Регулярные проверки и ремонт.

— А кто даст деньги?

— Влиятельные люди города, — сказал Рансибл, — люди, которые здесь что-то значат. Люди, которые заботятся о будущем. Тут не волнуйтесь.

— Они уже согласились?

— Мне не нужно их согласие. Я их знаю.

Он рассказал репортеру всю историю, все детали, которые он смог припомнить. А затем повесил трубку и некоторое время сидел молча.

Сейчас или никогда, решил он. Найдя номер в списке на столе, он набрал Джорджа Энрико с ранчо Красной плотины.

— Это Лео Рансибл, и вы пожалеете о том, что я позвонил, — сказал Рансибл, когда Энрико ответил. — И вот в чем дело. У вас есть минутка? Лучше бы была, Джордж. Потому речь идет о жизни ваших коров. Кстати, чем вы их поите? Водой из колодца или из водопровода? — Он устроился в кресле поудобнее. — Оказывается, вода здесь загрязнена.

— Это все знают, — сказал Энрико.

— Нам придется купить чертову водопроводную компанию и переделать все, — сказал Рансибл, — выбора нет. И я скажу вам почему. Послушайте, это стоит вашего драгоценного времени.

Поговорив с Энрико, он позвонил Томасу Рейли, а затем, одному за другим, другим крупным землевладельцам в округе. Он едва успел закончить вовремя, чтобы добраться до Фонтан-Гроув

к восьми.

Когда он завел машину, Джанет вышла из дома.

— А как же ужин, — с тревогой спросила она, — ты не успеешь поесть?

— Нет. Не успею.

«Я знаю, что они согласятся, — говорил он себе, — пока ехал. Они скинутся; они должны. Это в их интересах. Здравый смысл, чистая практичность все переиграют.

А если они этого не сделают, — сказал он себе, — то сделаю я. Интересно, справлюсь ли. Сколько будет стоить полная перестройка водопроводной компании? Сорок тысяч долларов? Сто тысяч? Пятьсот тысяч?

Господи, — подумал он. — Им просто нужно скинуться.

И я знаю, что они это сделают. Интуиция подсказывает».

18

На рождественской вечеринке Джанет Рансибл напилась и рассказывала всем подряд о личных проблемах. Новой паре, только переехавшей в этот район, она сообщила, что у них с Лео на три тысячи превышен лимит в «Новато банке».

— Уже тридцать дней прошло, — говорила она, мешая двум разговаривавшим мужчинам. Старательно удерживая внимание новой пары, она продолжила: — И Гарри — это наш банкир — позвонил и сказал, что он так в нас уверен, что мы можем подождать еще шестьдесят дней, если захотим. Это форма кредита. Он так уважает Лео и доверяет ему.

Ее собеседники кивали и слушали, но Джанет казалось, что им не слишком интересно.

— Извините, — сказала она, встала и осторожно пошла мимо них на кухню с пустым стаканом.

Половина этой новой пары, молодая жена, пошла за ней и спросила, не надо ли чем-нибудь помочь. Это была невысокая, довольно плотная девушка с миловидным лицом, испорченным косметикой. Ее мужа перевело в эту часть страны

правительство: он был как-то связан с исследованиями океана.

— Марта, — сказала Джанет Рансибл, — знаешь, когда ты поближе узнаешь моего мужа, то поймешь, какой он замечательный, просто сказочный человек.

Она улыбнулась молодой женщине, ожидая увидеть ответную улыбку, сочувствие и понимание.

В этом году на рождественскую вечеринку пришло столько же людей, сколько и в предыдущие годы; дом Рансиблов был полон людей и разговоров. Открылась и закрылась входная дверь — кто-то пришел или ушел, но она не поняла, кто именно.

— Мне очень нравится ваш муж, — сказала Марта Легорн.

— Но вы его не знаете, — ответила Джанет.

Ее вдруг охватила глубокая печаль. Она стояла у буфета, наливая из полугаллонного кувшина в свой стакан главный напиток дня — джин с ангостурой.

— Кажется, он очень во многом разбирается, — сказала Марта, садясь за стол, — я чувствую себя такой невеждой. Я-то могу поговорить только о… ну, я не знаю. Кто-то что-то сказал о Шекспире, и

я вспомнила, что читала «Макбета» в колледже.

— Вам налить? — спросила Джанет.

— Нет, спасибо. Боб не любит, когда я слишком много пью. — Она понизила голос: — Он всегда говорит, что я слишком много пью, когда выхожу из дома. Он очень строгий. Он с Юга, понимаете. Из Атланты. Они там все такие.

— А где вы родились? — спросила Джанет.

— В Модесто.

— Вам здесь нравится? Здесь так красиво. — Она словно заново ощутила красоту сельской местности, хребта, елового леса, океана. — Это настоящий рай. Вам так повезло, что вы переехали сюда. А когда вы познакомитесь с людьми, то поймете, что они тоже прекрасные. Такие дружелюбные. Такие отзывчивые. Они все для вас сделают.

— Нам нравится наш дом, — сказала Марта, — ваш муж позаботился об этом. Он даже сам фундамент проверил.

— Для Лео очень важно, чтобы его клиенты были счастливы. — Поставив стакан, она подошла к Марте поближе и взяла ее за руки. — Вы должны быть счастливы. Пообещайте мне. Это важнее всего на свете.

И как и много раз до этого, у нее на глазах на-

вернулись слезы.

Стоя у окна, Шерри Домброзио смотрела на огни дома Рансиблов. Она видела припаркованные машины и слышала шум.

— Они устроили большую вечеринку, — сказала она.

— Почему нет? Он всегда подает хороший алкоголь. Он знает, как заманить к себе людей. Но я не хочу никого заставлять приходить ко мне в гости подкупом.

— Я не понимаю, как он может себе это позволить. Разве он не на грани банкротства? Девушка в продуктовом магазине сказала мне, что его счета просрочены на три месяца. Он не платил им с прошлого октября.

— Конечно, на грани, — ответил Домброзио, — но он отыграется. Вся его жизнь такова. Он берет в долг или покупает землю и спекулирует ею. Такие люди никогда не сдаются.

— Кто бы ему дал в долг? — спросила Шерри. — У него нет активов, раз уж он продал землю на хребте. По крайней мере, так я слышала. Но конечно, о нем всегда ходит столько слухов, но никто не может его подловить или вытянуть из него правду.

— Он найдет среди своих приятелей какого-ни-

будь банкира, который его поддержит. Они все работают вместе и постоянно откупаются друг от друга.

— Он не мог использовать свою водопроводную компанию как актив?

— Нет, — сказал Домброзио, — это слишком обременительно. Ты же видела ту статью в «Ньюз».

Отойдя от окна, Шерри бесцельно зашагала по гостиной. Живот — она была уже на шестом месяце — покачивался перед ней. Потом она наконец опустилась в кресло. Беспокойное и капризное выражение, которое он видел так часто, снова появилось на ее лице. Она уволилась с работы без всякой радости. Но беременная женщина не могла доехать до Сити, не говоря уже о том, чтобы занимать ту должность в сфере связей с общественностью, на которой ее хотел видеть Лауш.

В свой последний рабочий день, придя домой, она впала в истерику. Он никогда не видел ее такой до этого. Целую неделю она избегала его, лежала в постели почти до полудня, швыряла в него тарелки, запиралась в спальне, как только заканчивался ужин.

«Жаль, — думал он, глядя на нее. — Не повезло. Биология тебя предала. Слабое место всех жен-

щин. Говорят, умные работодатели опасаются этого и вовсе не берут женщин на работу. И я их не виню».

— Господи, меня опять тошнит. Это должно было уже закончиться, к шестому-то месяцу. Я так ужасно раздулась. Я просто огромный мешок с газом.

— Тебе принести что-нибудь?

— Нет, — коротко ответила она.

— Тогда имбирный эль, — он открыл холодильник, — а как насчет кусочка пирога?

— Я не могу есть крахмал. Мне нужно сбросить четыре фунта к концу месяца. Уже почти конец, а я все еще вешу сто сорок пять.

Она угрюмо опустила взгляд, когда он проходил мимо нее со своим куском пирога.

— Тебе обязательно есть это здесь? Ты не можешь поесть в другом месте? Ты же знаешь, я не могу смотреть, как ты ешь, раз я не могу. Это несправедливо.

— Беременность была твоей идеей.

— Ничего подобного. Твоей, — ее глаза сверкнули от ярости, — я никогда этого не хотела.

— Слишком поздно, — сказал он.

Слишком поздно, подумал он, мечтать о старой фигуре и о старой работе. В любом случае жен-

щинам несвойственно работать, сказал он себе. Вот что естественно — этот гигантский живот, эта беременность. Это должно было случиться давным-давно; тогда бы между ними не возникло никаких проблем.

«Теперь мы оба там, где предназначено природой, — сказал он себе. — У меня работа, у тебя беременность. Я ухожу из дома в шесть утра и возвращаюсь в семь вечера, а ты здесь весь день чистишь картошку и вытираешь пыль. Жаль, если тебе это не нравится, потому что так устроен мир. Не вини меня».

Дрожа от злости, Шерри сказала:

— Этот шум слышен везде. Какой смысл жить в деревне? Мы могли бы с тем же успехом жить в многоквартирном доме в Окленде.

— Полагаю, многие люди почувствовали, что должны прийти. Из чувства благодарности. За то, что он починил воду.

— Ну, лично я не чувствую никакой благодарности. А знаешь, что чувствую? Что этот человек поставил под угрозу наши жизни, здоровье и будущее.

— Что ты имеешь в виду?

Рукой она обвела свой раздутый живот.

— Я живу в постоянном беспокойстве. Мы оба.

— Это полная ерунда, насчет челюсти рубильника. — Домброзио не выдержал и рассмеялся. Его всегда поражали ее высказывания на эту тему. Он никак не мог принять тот факт, что женщина с ее образованием, происхождением и интеллектом воспринимала это всерьез.

— Это случилось однажды — это может случиться снова в любое время. С любым ребенком в этой местности. Я пила эту загрязненную воду годами, и ты тоже. Разве нет? — Она мерила шагами комнату. — И мы не узнаем, пока он не родится; и это ужасно. Мы понятия не имеем, что из меня вылезет. Господи, я могу растить внутри себя ужасного урода.

— И это вина Рансибла, — сказал Домброзио.

— Да.

— Почему?

— Потому что никто об этом не думал, пока он не поднял шум, — сказала она с полной уверенностью.

Да, подумал Домброзио. Это верно. Рансибл сделал из этого проблему. Она права. До этого никто не беспокоился. Так что в ее представлении Рансибл несет ответственность за все — возможно, даже за то, что она беременна. И в этом случае, по ее причудливой логике, Рансибл несет ответ-

ственность за то, что ей пришлось отказаться от работы.

— Из-за него тебе пришлось уволиться? — спросил Домброзио.

Она бросила на него злобный взгляд.

— Отвечай.

— Это идиотский вопрос.

Но по голосу и выражению лица он понял, что на каком-то глубинном уровне она действительно считала Рансибла ответственным за свое падение, за потерю положения.

— Было бы довольно иронично, если бы ты родила ребенка с челюстью рубильника.

«Иронично, — подумал он, — потому что это я выкопал этот череп и поработал над ним, это я впервые за много десятилетий снова напомнил миру о болезни.

Моя роль в истории».

— Почему иронично?

А и правда, подумал он. Ты же так и не знаешь. Об этом не объявляли, и ты не догадываешься. А кто вообще знает? Уортон и, пожалуй, тот антрополог. Ну и Лео Рансибл.

— Может, нам стоит заскочить туда на пару минут. На вечеринку.

— Зачем?

— Помириться. Пожелать ему всего, что там положено. Пусть прошлое останется в прошлом.

Недавно он видел, как мимо проехал Уортон. А Уортон и Рансибл не разговаривали несколько месяцев.

— Это же Рождество. Разве тебе не хочется чего-то такого?

— Нет, — сказала Шерри, — и я туда не пойду.

Подойдя к окну, Уолт Домброзио взглянул на ярко освещенный дом Рансиблов, прислушался к шуму, увидел движение, припаркованные машины, открытую входную дверь. Большинство гостей были не из этого района. Почти все машины приехали из других городов. «Мы к нему не ходим, — понял он. — Мы, местные».

— Я думаю, мне следует подняться, — сказал он жене, — выпить с ним и показать, что я не держу зла за то, что он сделал.

Рождество повлияло на него, даже если оно не тронуло черствое сердце Шерри.

— Это было давно. Ну, когда он вызвал полицию. Я не из тех, кто лелеет обиду. Ну, ты знаешь.

Он думал теперь, что в конце концов он простил ее за то, что она сделала, за заговор и интриги, чтобы получить работу в «Лауш Компани», за то, что она встала на сторону Лауша против него, за

замечание о дальтонизме — за все осторожные проявления жестокости.

— Я не понимаю, как ты можешь так говорить. — Шерри сузила глаза. — Как ты можешь его простить. После того, что он сделал с нами. Это предательство по отношению ко мне.

Она накрыла руками живот и погладила его. Этот жест уже стал автоматическим, она как будто бы постоянно помнила о своей беременности.

— Уолт, — сказала она, — если с этим ребенком что-то не так, если он болен… я не спала всю ночь, думая об этом. Что мы будем делать? Как будем жить? Наш первый ребенок… а если он родится уродом? Мы отдадим его в интернат или как? Оставим? Я просто не знаю, — она с тревогой посмотрела на него, — ночью, когда ты спишь — боже мой, ты сразу засыпаешь, — это кажется таким реальным. Конечно, сейчас уже не так. Но ты знаешь ночные страхи.

— С ребенком все будет в порядке. Это нерациональные мысли.

— Все, кто видит меня, — сказала она, — кто живет здесь и знает, что я беременна, — они думают о ребенке и задаются вопросом, будет ли он нормальным. Это чистая правда. Все мечтают поскорее посмотреть.

Да, они ждут, подумал он. Это правда, это не выдумка беременной. Наказание, подумал он. За жизнь в сельской местности. Древние суеверия. Может, нам следует уехать отсюда. Но нет. Мы часть этой местности. Мы хотим, чтобы наш ребенок родился здесь.

— Думаю, все-таки не пойду. Слишком сентиментально. Я пожалею об этом через пару дней.

Вместо этого он сел и взял вечернюю газету. Он начал читать и вскоре увлекся ею, как бывало каждый вечер в это время.

Но постепенно его внимание ослабло, и он отложил газету, чтобы подумать еще раз. Если можно доказать, что Лео Рансибл ответственен за состояние нашего ребенка, подумал он, то зачем останавливаться на этом? Почему бы не довести такую логику до конца? В каком-то смысле Рансибл несет ответственность за то, что вообще будет ребенок, за то, что Шерри беременна.

Он подумал: «Если бы я не поссорился с ней в то субботнее утро, когда вернулся домой с уведомлением из банка, мы бы никогда не переспали без контрацепции. Из-за Рансибла моя жена забеременела, — подумал он. — Вот мудак». И он тихонько улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Шерри.

«Я вижу, — подумал он. — Вижу, как она рассуждает. Как у нее это получается. Потрясающе. С людьми, фактами и событиями можно делать все что угодно; их можно изменять, как я изменяю форму влажного пластика в мастерской. Он меняет форму, но к этому надо приложить усилия.

Кто на самом деле виноват в ее беременности? И почему? И что это значит? Это значит, что она потеряла что-то очень важное, потеряла необратимо, что она не может получить сейчас то, что хотела. И, — подумал он, — она больше не угрожает мне, постоянное, неутомимое давление пропало. Я могу расслабиться.

Например, я могу стоять у окна и смотреть на дом Рансибла и его дикую вечеринку и не расстраиваться. Я могу спокойно читать газету. Я могу приходить и уходить когда захочу, и она не может меня остановить.

И это все начал я, — подумал он. — Приведя Чака Хэлпина домой тем вечером. Это разозлило Рансибла; это заставило его вызвать полицию, когда я застрял в канаве. Визит Чака сюда стоил мне работы в «Лауш Компани» и дал Шерри работу там же. Он заставил меня начать работу над черепом. С него все и началось. Это так взбесило Лео Рансибла, что он выставил себя дураком, как

обычно; он сошел с ума и оказался банкротом и одновременно владельцем водопроводной компании, которая будет тянуть у него деньги до конца его дней. Предположим, это я привел его в эту водопроводную компанию, — сказал он себе. — Я погубил его.

И Шерри беременна от меня. Я сделал все это — никто больше не сделал ни черта, они только болтали. Рансибл отвечает перед всеми, а я перед Шерри».

«Они только болтали, решил он, а вот я делал». Не просто сидел-пердел. И все же, подумал он, может быть, последнее слово останется за Рансиблом.

Ему стало неуютно, когда он подумал о ребенке.

Встав рядом с ним, Шерри сказала:

— Ты так же боишься за ребенка, как я. Я вижу это по тому, как ты сидишь, и по выражению твоего лица. Но ты не признаешься в этом. Даже себе.

«Я?» — спросил он у себя. Возможно. Он снова отложил газету.

Месть Рансибла, подумал он. Его способ отомстить нам. Через нашего ребенка.

В его сознании возник яркий образ, почти

галлюцинация, будущего. Он увидел его во всех подробностях, сразу. Господи, не надо, подумал он.

Он увидел себя и Шерри.

Вместе они ехали по улице. На нем был хороший шерстяной костюм, галстук, черные туфли, которые он купил на Рождество. Шерри тоже была нарядно одета — серьги, маленькая белая шляпка с вуалеткой, пудра, карандаш для бровей и тушь для ресниц, новая помада, меховая накидка и светло-коричневый костюм, туфли на высоких каблуках, окованных металлом, от которых всегда так болят ноги. На коленях она держала свою блестящую черную сумочку, которой никогда раньше не пользовалась и которую даже не доставала из коробки, в которой она продавалась. Пока машина двигалась, она смотрела на высокие старомодные дома, ничего не говоря. Он сосредоточился на цифрах и искал место для парковки.

Между ними сидел, положив руки на колени, маленький мальчик. Его тоже нарядили — вымыли ему шею, лицо и уши, расчесали волосы и заставили надеть отглаженные брюки, начищенные туфли и белую рубашку. Поверх рубашки он надел свитер. Он вез с собой пятицентовый пла-

нер из бальсового дерева, который они купили в аптеке; конечно, им пришлось его собирать. Он еще его не запускал. Ему обещали разрешить, как только они доберутся туда, куда собирались. Он мог бы запускать его в школе, если там будет место. Они были уверены, что будет…

— Почти приехали, — сказал Уолт Домброзио.

— Да, — пробормотала Шерри.

Она пошевелилась, скрестила ноги, разгладила юбку, сняла с нее белую пушинку.

— Дай сигарету, — сказал он.

Она пошарила в бардачке.

— Ничего нет. Я с собой не взяла. Тебе очень надо?

— Нет. Забудь.

Он увидел нужное здание, старый, некрашеный, деревянный трехэтажный дом, который несколько лет назад переоборудовали в детское учреждение. Специальную дневную школу. Со двора убрали все деревья, кусты и цветы — он мог сравнить его с другими домами и дворами в этом квартале — и положили асфальтовое покрытие. Там стояли разные детские приспособления: рукоход, карусель, на которой катались дети, горки, качели-доска, которые любят совсем маленькие дети. Здание окружал высокий сетчатый забор.

— Ненавижу металлические заборы, — сказала Шерри.

— Да, — согласился он, — похоже на тюрьму.

— Они всегда так выглядят. Даже если за ними растут розы. Ты когда-нибудь видел розы за металлическим забором? Они похожи на кровь. Красные розы. Боярышник.

Он припарковал машину через дорогу от здания.

— Мы не рано, — спросила она, — сразу заходим?

— Мы вовремя, — сказал он, — не нервничай.

— Я всегда нервничаю в школе. Мне всегда хотелось убежать, или наделать в штаны, или наблевать. Даже когда я училась в старших классах.

Сев повыше, она повернула зеркало заднего вида, чтобы рассмотреть себя.

— Подавленный бунт, наверное. — Открыв сумочку, она достала помаду.

Они с мальчиком ждали, пока она подкрашивала губы.

— Готова? — наконец сказал он.

— Да, — коротко улыбнулась ему она.

Мальчик взял их обоих за руки, и они медленно перешли улицу, очень официально и молча.

Несколько детей, игравших во дворе, посмотрели на них.

— Разве это не здорово? — сказала Шерри, наклоняясь к мальчику. — Горки, другие детки. С ними всеми можно играть.

— Не детки. Не называй их так, бога ради. Просто дети.

По какой-то причине она переняла привычку называть всех детей дошкольного возраста детками, и это его раздражало.

Мальчик, держа их за руки, начал шмыгать носом.

— Да, — сказал Уолт, — это будет забавно.

Он сжал руку сына. Они дошли до машин, припаркованных на той стороне улицы, и он отпустил руку, чтобы Шерри могла провести сына между двумя машинами и вывести на тротуар.

Увидев широкие старые деревянные ступени и огромные перила, мальчик заплакал. Но в то же время Уолт Домброзио видел, что ему интересно. Он дрожал, пытаясь одновременно все разглядеть и спрятаться за матерью.

Входная дверь открылась, и навстречу им вышла женщина, которая широко улыбнулась и протянула руку в знак приветствия.

Мисс Тэкман, директриса школы, спустилась

к ним и наклонилась, чтобы поздороваться с мальчиком. Она сразу заговорила, как только увидела его.

— Джимми Домброзио, — сказала она, и ее глаза искрились дружелюбием, — я очень рада с тобой познакомиться. Ты знаешь, кто я, Джимми? Я мисс Тэкман. Я буду твоей учительницей. У нас очень весело.

И она увела его от родителей.

Уолтер Домброзио почувствовал, как хватка его сына ослабла, он отпустил его руку и пошел по лестнице. Шерри побледнела от напряжения и бросила на него панический взгляд.

— Все в порядке, — сказал он, положив руку ей на спину и мягко подталкивая ее вперед, на лестницу и через дверь, которую мисс Тэкман оставила открытой. Они оказались в темном коридоре со множеством дверей.

Исключительная школа, подумал он. Для исключительного ребенка. Полная женщина средних лет, с сухим лицом, без макияжа, в мятом платье, заляпанном красками и глиной, учительница, психолог и социальный работник в одном лице, наклонилась, улыбаясь, и вела их сына по покрытому ковром коридору в свой кабинет. Обещая ему столько интересного, описывая своим

добрым, хоть и почти мужским голосом игры, в которые они тут играют, многочисленные игрушки, всякие развлечения… Он почувствовал, как его напряжение немного ослабло. Она так хорошо держала ситуацию под контролем. Она была профессионалом.

— И у тебя будет стол, — говорила она, — только твой. И ты сможешь делать там вообще что угодно. Правда, весело?

Мальчик смотрел на нее. Медленная мимика, медленная реакция. Такой тупой, подумал он. Такой глупый. Пытается ее понять, уследить за тем, что она говорит. Ей нужно говорить медленнее, подумал он со злостью. Разве она этого не знает? У нее были другие такие; в этом весь смысл. Единственная причина, по которой его привезли сюда, а не куда-то еще. Это должно оказаться нужное место.

Шерри еле слышно сказала:

— Среди тех детей на улице, во дворе. Ты… — Ее голос оборвался.

— Я никого не видел, — сказал он, — вероятно, они под более пристальным наблюдением. Из-за падений. Всяких травм. Нам же говорили, что это общая проблема.

— Да, — сказала его жена, когда они вошли в

кабинет. Ее голос был ровным и глухим, а лицо под вуалеткой — суровым.

Он отодвинул ей стул, и она села перед столом мисс Тэкман, поправив юбку и аккуратно положив сумочку так, чтобы в любой момент до нее дотянуться. Найдя стул для себя, он увидел, что она открыла сумочку и проверила, на месте ли чековая книжка и ручка; она сняла перчатки, положила их в сумочку и наполовину вытащила чековую книжку. Повернув голову, она сказала ему:

— Сломанные руки и всякое такое. Они часто спотыкаются. Ну, ты знаешь.

— Ну, — сказала мисс Тэкман, опускаясь в старомодное дубовое вращающееся кресло, и притянула Джимми к себе. Она не переставала улыбаться и не отводила глаза от мальчика. Она заставила его улыбнуться в ответ и удержать улыбку на лице.

Она уже взяла его под контроль, подумал Уолт Домброзио. Так и должно быть. Это очень важно.

Женщина, подумал он, преданная своему делу. Специально обученная обращению с отсталым ребенком, особым ребенком, ребенком-уродом.

Не дрогнув, не выказав никакой реакции при виде тяжелой челюсти, нависших бровей,

сгорбленной позы, идиотского пустого лица с выражением робкой надежды и тревоги… Конечно, это не в первый раз; у нее — сколько их? — семеро. Не считая других детей.

— Высунь язык, — сказала мисс Тэкман их мальчику, — и скажи «ааа».

Она помахала плоским шпателем, и мальчик послушно открыл рот. Напевая себе под нос, она сунула в рот шпатель и, прищурившись, посмотрела на то, что увидела; правой рукой она записала что-то в блокнот.

«Что она видит?» — спросил себя Уолт Домброзио. Она явно не смотрит, красное ли у него горло и обложен ли язык. Это ритуал, через который мы все проходим, но сейчас происходит что-то совсем другое. Зубы, челюсть. Вот что она исследует. Нёбо. Потому что, подумал он, она хочет знать, есть ли надежда у логопеда.

— Кто, вы говорите, работал с ним? Колдер?

— Да, — ответила Шерри, — мы водим его три раза в неделю. Уже два года.

Она закурила, но он увидел, что ее рука слишком сильно дрожит; она потушила сигарету.

— В Сан-Рафаэле. Самого Колдера там нет, но есть его клиника.

— Да, — сказала мисс Тэкман, выбросила шпа-

тель в корзинку, сложила руки на столе и гулким голосом велела мальчику: — А теперь, Джеймс Л. Домброзио, расскажи мне что-нибудь. — Она сказала это очень медленно и четко. — Скажи мне, как ты себя чувствуешь.

Массивная челюсть дернулась. Уолтер Домброзио приготовился: он полузакрыл глаза и перестал дышать. Его жена сделала то же самое.

— Я-я-я… — мальчик замолчал, — х-х-х-х. — Звуки стихли, изо рта потекла слюна.

Мисс Тэкман, не проявляя никаких эмоций, достала салфетку и вытерла ему подбородок.

— У него лучше получается, когда рядом нет чужих, — сказала Шерри.

— Отлично, — прогремела мисс Тэкман, хлопнула мальчика по плечу и встала с кресла. — Ну, Джимми, хочешь спуститься и познакомиться с другими детьми? И поиграть с ними?

Глаза мальчика загорелись. Он захлебывался, слов не было, только хриплые звуки, влажные и приглушенные. Но желание его было очевидно. Мисс Тэкман, улыбаясь, взяла его за руку и осторожно повела к двери кабинета; она не торопила его, позволяя идти в удобном темпе.

Когда мальчик проходил перед Уолтом Домброзио, тот подумал про себя: он уходит. Чтобы

ему оказали профессиональную помощь. Люди со специальным образованием. Компетентные и отзывчивые. Так он и проведет всю жизнь, вероятно. Пока рано об этом думать. Мы узнаем — мы все узнаем — еще через несколько лет.

«Профиль, — подумал он, — увидев, как двигается челюсть сына; мальчик все еще пытался говорить. Точно такой же, как я тогда сделал. Какой я вырезал, отлил, выпилил в подвале Холла. Вся эта работа. Все исследования. Но я получил то, что хотел. Вышло идеально. Точно, полно. Подлинно».

Когда мисс Тэкман и их сын вышли из комнаты, они с Шерри сидели, не говоря ни слова. Наконец она спросила отрывисто и напряженно:

— И что нам делать? Сидеть и ждать?

— Полагаю, да, — сказал он.

— Это слишком для меня.

— Мы поедем домой через несколько минут, — сказал он.

— Видеть, как она его уводит…

— Я знаю, — сказал он вслух.

— Что? — спросила Шерри, стоя у окна их гостиной.

Видение тут же рассеялось. Он увидел, как она стоит, положив руки на свой огромный живот,

приподняв бровь.

— Знаешь что, — сказала она, — ты пугаешь меня, когда сидишь вот так. Я знаю, что ты даже не видишь меня; ты не понимаешь, что я здесь. Что мне делать, когда ты читаешь газету и пишешь письма редактору или чем ты там занят? Господи, — она прошла через гостиную, направляясь к нему, — ты как восьмидесятилетний дед, храпящий после обеда.

Он услышал ее, но не обратил внимания; ее тон и ее слова не имели для него значения.

— Перестань смотреть на мой жирный живот. Мне становится не по себе. Я хочу вернуть себе свою прежнюю фигуру — боже, как я буду рада, когда это закончится и я смогу снова носить некоторые из своих платьев.

«Видел ли я будущее? — спросил он себя. — Видел ли я, что нас ждет впереди, месть, до которой осталось еще четыре месяца? Или это просто страх, вызванный чувством вины? Может, нет никакой мисс Тэкман, подумал он. Не будет никакой специальной школы, никакого забора из сетки, старого дубового стола. Ничего из этого. Наш маленький мальчик будет бегать, не падая, кричать, как другие дети, придумает, как собрать свой пятицентовый планер из бальсового дерева,

а затем запустить его — запускать весь день, пока нам не придется силой увести его ужинать».

Посмотрим, подумал он. Придется подождать и посмотреть.

В углу гостиной, подальше от других гостей и шума, Боб Легорн беседовал на важные темы со своим агентом по недвижимости Лео Рансиблом.

— Как я понимаю, — говорил Легорн, держа в руке стакан, но не притрагиваясь к нему, — здесь нет дешевого источника энергии. Никакие предприниматели сюда не поедут, потому что посмотрят на тарифы на электроэнергию. Заградительные. И транспортировка продукции на рынок исключена. Через эту-то гору. Ее пришлось бы сравнять с землей.

Внимательно глядя на молодого человека, Рансибл сказал:

— Вы здесь новичок. Позвольте мне кое о чем вам рассказать. Конечно, здесь есть дешевая энергия. Вы ведь уже открывали кран у себя дома? Ну и что из него течет?

— Хорошая чистая вода.

— Много хорошей чистой воды, — сказал Рансибл, — это энергия, простая дешевая энергия. Исторически вода была источником энергии для всего цивилизованного мира на протяжении ве-

ков. Не беспокойтесь об энергии в этом районе.

— Кто-то говорил мне, что вы владеете водопроводной компанией.

— Это правда, — сказал Рансибл.

— Как вы вообще могли купить долю в водопроводной компании? Это что, выгодно?

Рансибл ничего не сказал.

— Я полагаю, что это выгодно летом, — сказал Легорн, — но не зимой, когда идут дожди. Я думаю, что вы ошибаетесь, когда рассматриваете воду как источник энергии. Конечно, я не многое знаю об этом, но думаю, что, раз вы владеете водопроводной компанией, вы несколько предвзяты. Если вода может быть источником энергии, ее нужно использовать как источник энергии. Никто больше не использует воду напрямую; так поступали в старые времена, когда строили водяные колеса, как в старых водяных мельницах. — Он рассмеялся. — Нет, разве что кто-то здесь построит плотину. Гидроэлектростанцию. А это маловероятно.

— Прошу меня простить, — сказал Рансибл и перешел к другой группе гостей, оставив Легорна одного.

— Что это, Лео? — спросил гость, указывая на черный неглубокий предмет, висевший на

стене. — Это же не французская каска времен Первой мировой?

— Нет. — Рансибл снял шлем со стены. — Это шлем времен Оливера Кромвеля. Видите, круглый? Примерьте.

Его собеседник осторожно надел шлем на голову. Гости немедленно начали комментировать.

— Сколько он стоит? — спросила гостья.

— Около двухсот баксов. Не так уж много.

— Лео, почему бы тебе не продать его и не вложить деньги в свою водопроводную компанию?

Все рассмеялись, особенно сам Рансибл. Он ухмыльнулся, засунул руки в карманы, кивнул им.

— Таким не шутят. — Но его добродушный тон говорил, что это была вполне удачная шутка. — Знаете, что я хочу сделать? Я думаю предложить долю в Ассоциации по улучшению водоснабжения Каркинеза бесплатно всем, кто купит дом у меня в агентстве.

— А лучше предложить дом бесплатно любому, кто купит акцию водопроводной компании! — подхватил гость.

Рансибл так расхохотался, что ему пришлось извиниться и выйти. В кухне он обнаружил свою жену и миссис Легорн. Марта Легорн, вставая, сказала ему:

— Мистер Рансибл, ваша жена только что рассказывала мне, как вы вложили все свои деньги, землю и все имущество и как вы заложили все что могли, себя по полной, чтобы улучшить водоснабжение в городе. Она говорит мне, что вы влезли в долги на многие годы.

— Может, выпьем? — сказал Рансибл.

— Нет, спасибо, — сказала миссис Легорн, — мой муж очень строгий. Он не любит, когда я пью.

Обернувшись к Джанет, Рансибл сказал:

— Ты себе уже налила, как я вижу.

Он смотрел, как она снова наполнила свой стакан из большого кувшина.

— Осторожнее, — сказал он, когда у нее дрогнула рука и бесцветная жидкость пролилась с ее запястья на стол.

У Джанет сияли глаза.

— Лео, если бы эти люди знали, какой ты замечательный. Как ты их спас. Почему они не признают этого?

Она беспомощно смотрела на него, едва удерживая стакан; ему показалось, что она вот-вот упадет лицом вниз, и он сделал шаг к ней. Миссис Легорн снова села за стол, молча наблюдая.

— Я вспомнил один анекдот, — сказал Лео Ран-

сибл, взяв жену за руку и забирая у нее бокал. Он поставил его на стол, подальше от края, а миссис Легорн он сказал: — Надеюсь, вашим друзьям не кажется, что вы теперь слишком далеко, чтобы к вам ездить. Вашим друзьям из Бэй-Эриа.

— Кое-кто приезжает, — сказала миссис Легорн.

— Если они тут раньше никогда не были… на них произведут впечатление наш океан, пляжи, морепродукты, горы. Дикие животные. Нетронутая земля.

— Да, — согласилась миссис Легорн, — обычно им очень нравится. Здесь в самом деле прекрасно. Я была так рада, когда мужа перевели сюда из Хейворда.

— Смог — настоящий убийца. В этих перенаселенных городах. Выхлопы автомобилей и дым завода. А здесь рай, хотя бы потому, что тут этого нет.

Он налил себе еще коктейль. Его жена все еще смотрела на него этим идиотским овечьим взглядом, он настолько привык к этому, что больше не обращал на нее внимания. По крайней мере, она все еще стояла на ногах. Она очень любила Рождество. В ее детстве было принято праздновать с размахом, как она ему рассказывала.

Подняв бокал, Рансибл сказал:

— Ну, счастливой Хануки.

— А что это? — спросила она.

— Разве вы не знали, что сейчас Ханука? В этом году она впервые за столетие приходится на Рождество. Еврейский праздник.

— А, понятно, — сказала она, — вы с женой евреи?

— Я — да.

— В этом районе много евреев? — спросила миссис Легорн.

— Нет, — сказал Рансибл, — большая часть земли принадлежит крупным скотоводам, и, за исключением одного или двоих, они не исповедуют никакой религии, если не считать желания снизить налоги и не допустить ничего современного.

Отодвинув стул, он сел напротив нее, намереваясь рассказать о скотоводах. Он хотел рассказать ей всю историю. Она не только не была навеселе, как большинство гостей, но еще и казалась умной и заинтересованной. И она была новичком в этом районе. Он всегда рассказывал новым людям предысторию; это было частью его работы.

— Неужели это так важно? — прервала она почти сразу. Он едва начал. — Я имею в виду,

что люди здесь принимают это всерьез? Все эти школьные советы, переделку дорог, — она махнула рукой, — здесь что, не бывает ничего интересного?

— Например?

— Маленькие театральные группы или танцевальная группа? Вы сказали нам, что это живой, развивающийся район; я думала, что тут будет культура. Я же сижу тут целыми днями. — Она с тревогой посмотрела на него и Джанет. — Неужели здесь никто не играет в бридж?

— Конечно, играют, — улыбнулась Джанет, — и есть танцевальный кружок в Пойнт-Рейес, недалеко, прямо по шоссе.

Усевшись между ним и миссис Легорн, она начала болтать; он извинился и вышел из кухни.

Зайдя в туалет, он поставил стакан на край раковины и облегчился. Странно, подумал он. Каждые несколько часов человек вынужден расстегивать штаны и выливать отработанную жидкость, которая скопилась внутри него. Кто бы в это поверил, если бы не видел своими глазами. Он застегнул штаны, вымыл руки и, взяв стакан, вышел из туалета.

«Может быть, так же Бог относится к человеку, — подумал он. — Как я — к этой жидкости. Что

бы мы ни делали, это не имеет значения».

Он вошел в свой кабинет и закрыл дверь. Некоторое время он сидел за столом, покуривая рождественскую сигару, которую кто-то подарил. А потом заметил наполовину законченное письмо, торчащее из машинки.

Оно было адресовано в банк в Петалуме и содержало просьбу о рефинансировании под залог дома. Он пытался дозвониться до них, но безуспешно.

Дело дошло до письма. Он просил хотя бы назначить встречу. Он откровенно сказал им, что не может платить текущие платежи. Письмо было датировано двенадцатым декабря, и он так и не закончил и не отправил его.

Эти уроды все равно откажут. Он встал и отошел от стола, чтобы не смотреть на письмо. Вот в чем проблема жизни в деревне. Все знают состояние твоих финансов; нельзя держать это в секрете. А если все знают о том, что у тебя в кармане, кто даст тебе кредит?

Чертовы банки, подумал он. Когда ты садишься на мель, или превышаешь кредит, или пытаешься получить кредит, они всем об этом рассказывают. В течение получаса это становится известно всем важным людям в округе, всем, с кем ты пытаешь-

ся вести какие-либо дела. Ты идешь на встречу с человеком по поводу покупки или продажи земли, и он точно знает, сколько у тебя денег.

«Что это за расклад? — спросил он себя. — Как можно играть из такой позиции? А ведь есть еще и моя гребаная жена. Вдобавок ко всему этому».

Пока он размышлял об этом, дверь в кабинет открылась. За ней стоял Майкл Уортон.

— Счастливого Рождества, Лео. Я вам не помешаю? Джанет сказала, что вы здесь.

Рансибл спросил в воздух:

— Она что, вообще всех пригласила?

— Вы же уже не злитесь? Нельзя же злиться вечно?

Он нервничал и смущался.

— Можно. Я больше не даю рекламу в этой паршивой газетенке, вожу больных животных в Пойнт-Рейес, и, если бы тут была другая школа, я бы перевел своего сына туда.

— Сейчас Рождество, время прощать, — задумчиво сказал Уортон после паузы.

— Рождество-шможество. Рождество придумали торгаши, чтобы побольше заработать.

— Мне говорили, что вы продали всю землю на хребте.

— Верно, — сказал Рансибл.

— Но вы же хотели поделить ее на участки и продать.

Он пожал плечами.

— Сколько это стоило?

— Что стоило?

— Все. Покупка водопроводной компании. Ремонт.

— Сколько-то стоило.

— А вы говорите Рождество-шмождество.

— Конечно. Он был хорошим еврейским мальчиком, но не сумел вовремя остановиться. Слишком долго Он держался, и посмотрите, куда это Его привело.

Рансибл чувствовал, что и сам не сумел вовремя остановиться, и не понимал, куда это его привело.

— Как думаете, Богу вообще есть дело до нас и того, что с нами происходит?

— Ну, лично я считаю, — ответил Уортон, — что религия осталась в прошлом. Что она мертва.

— Ну да, чего еще ожидать от гоя. Никакой веры. Прочтите вот новую книгу Германа Воука о том, что для него Бог. Это пойдет вам на пользу. Держите. — Подойдя к книжному шкафу, он снял с полки тяжелый том и достал из него закладку. — Я сам еще не дочитал, но вам это нужно

больше. Если вы собираетесь чему-то научить молодежь, надо же самому иметь какие-то принципы. Понимать, зачем вообще живешь.

Он протянул книгу Уортону, и учитель, помедлив, все же принял ее.

— Кто-нибудь из крупных землевладельцев принял участие? — спросил Уортон.

— Конечно.

— И кто же?

— Не помню. Кто-то. Забыл, — неохотно ответил Рансибл.

— Интересно, как бы сложились ваши обстоятельства, если бы они вам помогли.

— Ой, да кому они нужны.

— Вы знали, что они не поучаствуют. С самого начала. Вы знали, как устроен их разум; все, что их волнует, — это снижение налогов и возможность немного сэкономить.

— Они хорошие люди, — сказал Рансибл.

— Они могли бы покрыть расходы на покупку компании, — сказал Уортон, — и даже не заметили бы этого.

— Человек предполагает, а бог располагает.

— Могу ли я что-нибудь сделать? — неловко спросил Уортон.

— У вас есть тридцать пять тысяч наличными?

— Нет.

— Счастливого Рождества, — сказал Рансибл.

Уортон сказал:

— Это очень большое дело. Восстановление водоснабжения. Даже если эта болезнь костей на девяносто процентов деревенское суеверие, все равно существуют вирусные инфекции и простуды, которые…

— Слушайте, — сказал Рансибл, — если денег нет, валите домой. Хорошо?

Уортон помедлил.

— Странно, — сказал он, — вы вложили все, что у вас было, в эту водопроводную компанию; вы обанкротились, потеряли всю свою землю и активы ради блага общества, но все равно затаили обиду на меня, шерифа Кристена, Фолка и бог знает кого еще. Вы, должно быть, не разговариваете с половиной людей в этом городе. Я этого не понимаю, Лео.

— У меня есть принципы, — сказал Рансибл, открывая дверь кабинета, — и один из моих принципов заключается в том, что я приглашаю в свой дом только тех, кто мне нравится.

«Пока это мой дом, — подумал он про себя. — Пока я могу сохранить его. После этого вы все сможете сюда приходить».

— Погодите, пока банк Петалума не наложит лапу на это место. Тогда все приходите, сколько хотите, и сидите на моем диване. Ну а пока, как говаривал Сэм Голдвин, исключите меня.

Увидев их двоих, Джанет вышла вперед.

— Я знала, что вы помиритесь, — улыбнулась она.

— Налей этому человеку стакан хереса и отправь его домой, — велел Рансибл, — маленький стакан.

Судя по выражению ее лица, она решила, что он шутит, что это дружеская шутка.

— Я серьезно, — сказал он.

Теперь она поняла, что он действительно говорит всерьез. Ее улыбка померкла, она в замешательстве посмотрела на Уортона, затем снова на мужа.

— Я ухожу, — сказал Уортон, — спокойной ночи, Джанет. Лео.

Рансибл ничего не сказал. Уортон двинулся к двери, и вскоре она закрылась за ним.

— Кого ты еще внесла в список гостей? — спросил Рансибл. — Уолта Домброзио?

— Нет, конечно нет, — сказала она с запинкой, — я его не приглашала, Лео. В смысле Уортона. И Домброзио.

— Хорошо. — С этими словами он вернулся к Бобу Легорну, сел напротив него и сказал: — Как дела, Легорн?

— Отлично, спасибо.

Откинувшись назад и устроившись поудобнее, Лео Рансибл сказал:

— Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится. — Он указал на стол с закусками в углу, заставленный сыром, ветчиной, курицей, соусами и крекерами. — Угощайтесь. Чувствуйте себя как дома. Не стесняйтесь. — И, встав, сам направился к столу и начал угощаться всем подряд. Это был его собственный дом, и он чувствовал себя как дома; он последовал собственному совету и не стеснялся.